

**ИЗДАНИЕ
ВETERАНСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
МИД РОССИИ**

**О ВРЕМЕНИ
И О СЕБЕ**

**Воспоминания ветеранов
дипломатической службы России**

Том 33

МОСКВА
«Вест-Консалтинг»
2026

УДК 82-94
ББК 94.3
О11

Издание Ветеранской организации МИД России

Над сборником работали:

А. Г. Чернов — составитель, главный редактор
Ю. А. Спирин — редактор-консультант
В. И. Морозов — председатель Совета ветеранов МИД
А. О. Семёнов — 1-й зампредела Совета ветеранов

О11 **О времени и о себе.** *Воспоминания ветеранов дипломатической службы России. Том 33* — М.: «Вест-Консалтинг», 2026. — 228 с.

ISBN 978-5-91865-869-7

В новый сборник воспоминаний ветеранов дипломатической службы России вошли — по многолетней традиции — материалы о работе ответственных сотрудников МИД в его центральном аппарате и за рубежом. Эти люди прошли серьезную жизненную и профессиональную школу, взаимодействовали с выдающимися россиянами, с деятелями иностранных государств, являлись свидетелями или непосредственными участниками значимых международных и внутренних событий, внесли заметный вклад в реализацию внешнеполитического курса нашей страны. В этом плане воспоминания ветеранов «от первого лица» представляются не только интересными для широкого читателя, но и весьма полезными — в частности, для молодых людей, только вступающих на стезю разнообразной и увлекательной дипломатической жизни.

© Совет ветеранов МИД России, 2026
© Коллектив авторов, 2026
© «Вест-Консалтинг», оформление, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ	5
------------------------	---

ЧТОБЫ ПОМНИЛИ

Е. В. Посувалюк

ВИКТОР ВИКТОРОВИЧ ПОСУВАЛЮК.....	7
----------------------------------	---

КАК ЭТО БЫЛО

В. И. Винокуров

ДИПЛОМАТИЯ ПОБЕДЫ	15
-------------------------	----

Ю. К. Назаркин

ДОЛГАЯ ДОРОГА К СНВ-1	26
-----------------------------	----

О. А. Дремов

«АРАБСКАЯ ВЕСНА» В ЙЕМЕНЕ.....	110
--------------------------------	-----

Н. Н. Столярова

ЧИЛИЙСКАЯ ЭПОПЕЯ	133
------------------------	-----

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ БУДНИ

И. С. Лякин-Фролов

ОТ ЭКВАТОРА ДО КАЛАХАРИ	143
-------------------------------	-----

О ПРОЖИТОМ И ПЕРЕЖИТОМ

А. С. Зайцев

МОЕ ОТКРЫТИЕ ИСЛАНДИИ.....169

В. Л. Мусатов

ВОСПОМИНАНИЯ СТАРОГО ДИПЛОМАТА.....206

О НАШИХ АВТОРАХ223

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ

Редакционная коллегия Ветеранской организации МИД России имеет честь представить очередной, 33-й сборник мемуарной книжной серии из цикла «Дипломаты вспоминают». Сам цикл был основан в далеком 1997-м году как одно из средств общения ветеранов с действующими сотрудниками отечественной внешнеполитической службы, увековечивания памяти о выдающихся дипломатах, обмена опытом работы, неформального воспитания молодежи на примере достижений их старших товарищей. Представляемый сборник составлен именно на таких принципах. Уверены, что интерес читателей вызовет блестяще написанный рассказ о жизни и деятельности одного из знаменитых мидовских востоковедов. Большого внимания достойно историческое эссе о противодействии фальсификациям на Западе итогов Второй мировой войны. Безусловно, весьма полезны будут воспоминания о долгой и невероятно сложной работе отечественных переговорщиков над одним из разоруженческих договоров. При этом, как нам представляется, особая ценность этого материала для молодежи еще и в том, что в нем достаточно подробно прописаны ход и технология самих переговоров. Убеждены, что не останутся без внимания и заметки непосредственного участника событий о начале эпохи перемен на арабском Востоке, а также о будничной, но от этого не менее значимой

дипломатической работе в отдельно взятых посольствах, о встречах и взаимодействии дипломатов с широко известными в стране и за рубежом людьми...

Как и в предыдущих сборниках этой мемуарной серии, авторы воспоминаний высказывают личные оценки описываемых событий, пусть иногда и не соответствующие точке зрения редакционной коллегии. Мы следили только за тем, чтобы эти оценки были должным образом аргументированы.

И еще. Отобранные для сборника материалы подвергались весьма бережной литературной обработке, и лишь для того, чтобы сделать их максимально интересными и легко читаемыми для тех, кто возьмет в руки эту книгу. Были бы признательны за Ваши отзывы.

ЧТОБЫ ПОМНИЛИ

ВИКТОР ВИКТОРОВИЧ ПОСУВАЛЮК

По инициативе ветеранской организации Департамента Ближнего Востока и Северной Африки в мае 2025 года в Министерстве иностранных дел прошла Мемориальная встреча в связи с 85-летием со дня рождения видного отечественного дипломата, бывшего заместителя Министра В. В. Посувалюка (1940–1999). На встречу пришли работавшие с ним и хорошо знавшие его коллеги (только послов было восемь человек). Обошлись «без официоза». Обстановка была почти семейной, чему в немалой степени способствовало присутствие дочери В. В. Посувалюка — Елены Викторовны и внучки — Полины. В самом начале встречи ее ведущий — председатель первичной ветеранской организации Департамента Ближнего Востока и Северной Африки В. В. Чамов зачитал полученное накануне от супруги Виктора Викторовича — Светланы Николаевны — письмо участникам...

«Приветствую всех собравшихся — коллег и друзей Виктора, а значит, и моих. Мне очень приятно, что вы решили собраться, почтить своим вниманием и поделиться воспоминаниями по поводу этой даты — 85 лет со дня его рождения, которую мы отметили недавно в узком семейном кругу.

Если бы не коварная болезнь, подкосившая его на взлете, в дни расцвета его дипломатического таланта и его творческого дарования, он мог бы сейчас быть среди нас... Его

уход — невосполнимая утрата не только для семьи, но и для нашего государства, которому он служил преданно, честно и не щадя своих сил. Для семьи — его родителей, сестры Людмилы, дочери Елены, внучки Полины и для меня, его жены — он был центром вселенной, солнцем, согревающим и дарящим радость.

Когда мы готовили издание книги "Багровое небо Багдада" с помощью Василия Ивановича Колотуши, постарались включить в нее воспоминания многих друзей. Теперь нет уже Олега Дерковского, Евгения Максимовича Примакова, Джаляля Машты, ни самого Василия Ивановича, а они знали его с самого начала его пути в большой политике — и как арабиста и дипломата, и как друга.

В 2023 году мне удалось подготовить и издать книгу — альбом о Йемене, где Виктор работал еще студентом в 1961 году и потом в советском посольстве, получив первый дипломатический ранг в 1965. Название "Йемен в объективе советского переводчика. 1961–1967". Йеменцы, которых живо интересуется история своей страны, горячо откликнулись сначала на публикацию в интернете красочных фотографий, сделанных в те годы Виктором и мной, а потом и приветствовали книгу, посол Йемена в Москве г-н Вахейши приобрел экземпляры книги для распространения в Йемене.

Я сердечно благодарю всех вас, кто даже спустя 26 лет после безвременной кончины вашего коллеги Виктора Викторовича помнят и тепло говорят о нем».

О самой мемориальной встрече рассказывает дочь Виктора Викторовича — Елена Викторовна.

Вполне логично, что участники встречи — востоковеды, специалисты по Ближнему Востоку и Африке, а семейство востоковедов-арабистов, несмотря на класс-род-вид-отряд-порядок, огромно, и многие считают себя друзьями

и учениками Виктора Викторовича. Громкие слова на встрече особо и не звучали (хотя с гордостью ближневосточники подчеркивают, что до папы замминистра в МИД назначались исключительно из «западников»). А все рассказывали о нем как о профессионале, спортсмене и музыканте.

Один из послов напомнил, что одна из первых папиных песен была посвящена дочери, и в ней рефреном звучат слова Грибоедова из бессмертного «Горя от ума»:

«Что за комедия, Создатель,
Быть взрослой дочери отцом!»

С тех пор дочь стала еще взрослее, а вот отец навсегда остался молодым. И хотя ужасна трагедия проститься с родителем так безвременно, но я испытываю гордость невероятную, что ношу его фамилию. Даже спустя четверть века она как пропуск и пароль, в том числе для людей, далеких от международной политики, она — мое везение и удача.

На встрече участники вспоминали, когда впервые услышали фамилию «Посувалюк». Один из послов, поступивший в Институт стран Азии и Африки Московского Государственного Университета (тогда Институт восточных языков), сказал, что он услышал эту фамилию в 1968-м, на первой же лекции она прозвучала среди имен трех лучших выпускников. А было Виктору на тот момент 28 лет! Окончив вуз в 1963-м, через год он уже переводил переговоры на высшем уровне Хрущёву и Косыгину, в 1965 — Брежневу и Насеру; для этого молодого специалиста вызвали на несколько дней из Северного Йемена, где он только ступил на стезю дипломатии.

Посол Погос Семёнович Акопов, так сказать дуайен отечественной ближневосточной дипломатии, вспоминал их первую совместную поездку с Виктором Викторовичем, про то, как тот всегда ходил с открытой арабской книжкой,

а вечерами смотрел египетские фильмы, что впоследствии позволило ему сочинять арабские «вирши». Он почти единственный из студентов, кто написал дипломную работу на арабском, а в Тунисе, где располагалась штаб-квартира Организации Освобождения Палестины, читал лекцию палестинцам на их языке. «В нем, сказал П. С. Акопов, было сосредоточено все то, что присуще самым открытым людям. Он наслаждался любой возможностью в жизни, в нем было и детское, и наивное. Его образ сидит в моем существе». Особо Погос Семёнович отметил переводческий талант — до сих пор Посувалюк и Василий Иванович Колотуша, его лучший друг, «почти брат» (увы, ушедший из жизни не так давно), являются, по мнению многих специалистов, непревзойденными в этом качестве. «Я родного языка так не знаю, как Посувалюк знал арабский», — подчеркнул П. С. Акопов. К слову, когда папа стал сочинять песни, на его тумбочке всегда лежало несколько словарей — синонимов, фразеологизмов, глаголов. И ведь знал он не только арабский. Помню его дружеский мадригал на английском для советника-посланника Британского посольства в Маскате. А Наталья Смирнова, педагог по французскому, в своей недавней книге написала, как трепетала перед своим именитым учеником.

Столь же увлечен В. В. Посувалюк был и спортом — на его студенческих фото видны «кубики» на животе, он уверенно держал вес 70 кг; а еще прошел многолетнее увлечение карате, играл в волейбол и азартно «резался» в футбол — будь то с Сергеем Викторовичем Лавровым на стадионе МГИМО или с мальчишками на песчаном берегу океана в Омане.

Кроме того, он имел солидное музыкальное образование и прекрасно играл на рояле. На мемориальной встрече участники вспоминали, как он мог сыграть джазовые, блюзовые композиции перед важными переговорами (был случай, когда его приняли даже за «тапера» в гостинице

в Лейк-Плэсиде, когда Россия и США были коспонсорами урегулирования очередного арабо-израильского противостояния).

Юрий Алексеевич Спирин, специалист по Африке, вспоминал, как в момент вооруженного переворота в Киншасе он — тогда посол в Конго — в смятении наблюдал из окна продвижение вооруженных отрядов, и в тот момент звонок Посувалюка из Москвы вселил в него спокойствие. Энвер Михайлович Фазильянов, работавший с отцом в Ираке (это описано в книге «Багровое небо Багдада»), отметил такие его качества, как смелость и храбрость: в долгие дни «Бури в пустыне», когда из европейцев в городе остался только Посувалюк и папский нунций, водители отказывались ехать к президенту Саддаму под американские бомбежки — опасность была смертельной. А Посувалюк после встреч с иракским лидером еще и подбадривал посольских, своих подчиненных, в приспособленной на территории посольства для укрытия бетонной трубе игрой на гитаре. За свой героизм в 1991-м и 43-дневной миссии в 1998-м — в качестве спецпредставителя президента РФ — он получил награды, которых нет даже у боевых генералов.

Говорили на мемориальной встрече и о лидерских качествах Посувалюка, о невероятной самодисциплине и работоспособности, об умении четко и жестко отстаивать свое мнение, но главное, он всегда был душой компании, умел разрядить обстановку анекдотом и шуткой, своим человеческим обаянием Посувалюк за несколько минут расположил к себе даже одного султана в далеко не дружеской нам тогда стране, ориентированной на Великобританию.

В тот период он наслаждался еще и обществом семьи и новорожденной внучки, любил прокатить семью (сам за рулем), провезти в многокилометровые супермаркеты, которые в 1989–90 годах воспринимались нами как 1002-ая

сказка Шахерезады, а в ночи позвать на кухню и похвастаться совместным уловом местных рыбин по прозвищу «хрюкалки», из которых наш милейший повар Паша готовил очередную вкуснятину.

Думаю, полнее всех о целостности личности отца сказал на мемориальной встрече Владимир Карпович Сафронков, который возглавлял папин Секретариат в Москве, а потом долгие годы работал в ООН в Нью-Йорке: «Речь идет о весьма масштабном характере. Яркий дипломат, отличающийся пронизательным анализом, меткими обобщениями и неповторимым литературным стилем. Но это далеко не все. Его дарование непостижимо. Дипломат, искусный переговорщик, публицист, гениальный оратор с искрометным чувством юмора, интереснейший собеседник, талантливый музыкант и композитор. Но главное в том, что подобная разносторонность и одаренность никогда его не ослепляли, не притупляли его человеческих качеств, наоборот, они обостряли их, делая с каждым годом все более выпуклыми. 7 мая 2025 года ему исполнилось бы 85 лет, но должен сказать, что Виктор не становится дальше, Виктор становится ярче. О нем невозможно написать книгу, если только не собрать коллектив многопрофильных экспертов. Его образ можно воссоздать только в многогранности. Свою жизнь он сам прописал — в своих практических дипломатических шагах, выступлениях, встречах, письмах жене, музыкальных произведениях, песнях, стихах; все в фактах, реальных делах. Мемуаристам ничего не надо додумывать, и я бы не советовал им братья за написание подобных мемуаров.

Если музыковеды называют симфонию «музыкальным романом», — продолжал В. К. Сафронков, — то я бы назвал профессиональную стезю Посувалюка «дипломатическим романом».

При этом роман написан не словами, а ежедневной работой, — подчеркнул В. К. Сафронков. — Когда-то в далекой стране один докладчик, известный политик, дипломат, военный, дал ответ на вопрос «В чем же смысл дипломатии?» «Смысл дипломатии — в спасении человеческих жизней». Деятельность Посуवालюка была посвящена его главной заботе — обеспечению высокого профиля России в международных отношениях, будь то Ближний Восток или другие регионы. Он всегда подсознательно учитывал, что триумф дипломатии и означает безопасность человека. Когда он упокоился, Евгений Максимович Примаков на прощании сказал: «Он спас миллионы человеческих жизней, это сделал он».

На мемориальной встрече в МИДе вспомнили и слова митрополита на прощании с Посуवालюком 1 августа 1999-го, заявившего, что имя Виктора Викторовича останется вписанным золотыми буквами в историю отечественной дипломатии. А еще говорили, что «Посуवालук — это явление, комета, который работал в сложнейшее время, когда страна рушилась». И то, что «Посуवालук — штучный товар». А еще, что «он звезда, а они не гаснут, свет продолжает идти через годы...»

Но для меня Виктор Викторович Посуवालук был и остается прежде всего папой, написавшим вот эти стихи...

ДОЧЕРИ

Любимый Грибоедов — мой писатель —
Прекрасных строчек был творцом:
Что за комедия, Создатель,
Быть взрослой дочери отцом!
Крадется старость, как предатель,
И все ж держусь я молодцом,
Ведь наделил меня Создатель
Быть взрослой дочери отцом!

Не космонавт, не летчик-испытатель,
Слыву я первым гордецом,
Ведь наградил меня Создатель
Быть взрослой дочери отцом.
Сердечных акций я держатель,
Иду по жизни храбрецом.
Определил меня Создатель
Быть взрослой дочери отцом.
Тут в гости к нам зашел приятель,
Глаз косит, хорохорится юнцом —
Что за комедия, Создатель,
Быть взрослой дочери отцом!
Михал Василич, МГУ создатель,
Кивал мне с добрым бронзовым лицом,
Когда я с трепетом предстал пред Альма-матер,
Но не студентом — взрослой дочери отцом.
К судьбе низжайший я податель
Мольбы пред неминуемым концом:
Храни ее, когда уйду, Создатель,
Когда не буду взрослой дочери отцом!

КАК ЭТО БЫЛО

В своих попытках фальсифицировать историю Второй мировой войны — западные политологи и журналисты прибегают к различным мифам и уловкам, направленным на искажение роли и места Советского Союза в достижении Победы над нацистской Германией.

В предлагаемом вниманию читателей эссе профессора Дипломатической академии МИД России, доктора исторических наук В. И. Винокурова рассмотрены события, связанные с двумя церемониями капитуляции нацистской Германии в Реймсе и Карлсхорсте...

Владимир ВИНОКУРОВ

ДИПЛОМАТИЯ ПОБЕДЫ

Сегодня фальсификация истории событий, итогов и уроков Второй мировой и Великой Отечественной войн, завершившихся 80 лет назад, является важнейшей чертой современной западной военной историографии и публичной дипломатии. Особенно это касается предыстории и окончания Второй мировой войны, в которых существуют огромные нагромождения лжи и клеветы. Вклад Советского Союза в Великую Победу был грандиозен. Самые большие потери в людях, в технике, в инфраструктуре...

Я родился уже после той войны и, естественно, не мог быть свидетелем описываемых событий. Но задачу перед собой всегда ставил жесткую — новые поколения не вправе забывать уходящую от нас все дальше историю, и потому крайне важно доносить до них правду. И это необходимо делать на базе остающихся документальных данных — с ними не поспоришь. Только для этой работы я использовал 14 авторитетных источников. Что получилось — судите сами...

...Если внимательно почитать первые полосы западных газет, вышедших 8–9 мая 1945 года, то можно обнаружить, что новость о Победе конкурировала только с грядущим на Западе Днем матери. Некоторые издания умудрились даже совместить оба информационных повода.

Но еще не успели высохнуть чернила под Актом о безоговорочной капитуляции гитлеровской Германии, как на Западе начали ставить под сомнение решающий вклад СССР в разгром фашизма в Европе. Отчасти это объясняется тем, что развязавшая Вторую мировую войну агрессор — Германия — капитулировала дважды — 7 мая 1945 г. в Реймсе (Франция) — перед союзными войсками и 8 мая в Карлсхорсте (Германия) — перед советскими и союзными войсками. Поэтому в европейских странах искренне полагают, что от «коричневой чумы» их освободили американцы. Исходя из этого, день Победы празднуется там 8 мая — в день вступления в силу первого (предварительного) Акта капитуляции, а в нашей стране — 9 мая, в день подписания Акта о безоговорочной капитуляции Германии в Карлсхорсте по московскому времени.

Церемонии капитуляции в Реймсе и Карлсхорсте

Произошло это в результате того, что в начале мая 1945 года, когда советские войска вплотную приблизились к имперской канцелярии и Рейхстагу, назначенный президентом Германии и военным министром К. Дёниц, провоцируя разногласия между союзниками, стал настойчиво добиваться капитуляции германских войск только на Западном фронте. Поскольку ему было ясно, что правительства США и Англии открыто не пойдут на принятие сепаратной капитуляции на всем фронте, он принял решение проводить ее по частям. Таким образом, капитулировали группа армий «Ц» (29 апреля), берлинский гарнизон (2 мая), части и соединения в северо-западной Германии, Шлезвиг-Гольштейне и Дании (4 мая), группа армий «Г» в Баварии и западной части Австрии и 19-я армия на территории земель Форарльберг и Тироль (5 мая). У рейха оставались еще две крупные группировки на юге и востоке.

По сути дела, тактику отдельных капитуляций поощряло союзное командование. Так, британская и американская военные миссии в Москве еще 21 апреля уведомили Генеральный штаб Красной армии, что в ближайшем будущем возможна безоговорочная капитуляция крупных сил противника на любом из участков главных фронтов. Они писали: «Начальники объединенного штаба считают, что каждая из главных союзных держав, если она этого пожелает, должна получить возможность послать своих представителей для присутствия на переговорах по поводу любой из подобных капитуляций. Однако никакому предложению о сдаче не может быть дано отказа только потому, что будут отсутствовать представители одного из трех союзников...».

Комментируя этот документ, генерал С. Штеменко пишет: «Мы дали на это свое согласие, хотя сам тон письма был

не очень уважительным и из текста его следовало: дескать, хотите вы или не хотите, а мы капитуляцию примем при любых обстоятельствах, даже если она будет, по сути дела, направлена против вас — наших союзников». При этом советская сторона назначила своих представителей при штабах союзных экспедиционных войск: при штабе экспедиционных союзных войск в Западной Европе генерал-майора И. А. Сулопарова и при штабе средиземноморских союзных войск генерал-майора А. П. Кисленко. Вот как пишет об этом времени бывший генерал вермахта, известный военный историк К. Типпельскирх: «Все старания путем затяжки переговоров дать армиям, оборонявшимся на русском фронте, время для отступления кончились крахом из-за беспощадного ультиматума Эйзенхауэра, потребовавшего 6 мая в Реймсе безоговорочной капитуляции на всех фронтах. Она должна была вступить в силу в полночь с 8 на 9 мая...».

5 мая в Реймс, где находилась ставка Эйзенхауэра, по поручению Дёница прибыл главнокомандующий германскими военно-морскими силами адмирал флота Г. Фридебург, официально поставивший вопрос о капитуляции перед американцами южной группировки вермахта. Однако ему было заявлено, что будет принята только общая безоговорочная капитуляция на всех фронтах, причем как на Западном, так и на Восточном. Фридебург уехал ни с чем. Считая условия Эйзенхауэра неприемлемыми, Дёниц на следующий день направил в Реймс начальника оперативного отдела Верховного главнокомандования Вооруженными силами Германии (ОКВ) генерал-полковника А. Йодля, который принялся растолковывать начальнику штаба Д. Эйзенхауэра генералу У. Смиту намерение Дёница как можно скорее покончить с войной на Западе и по-прежнему продолжать ее на Востоке. Более того, Йодль от имени германского командования потребовал предоставить 48 часов. Эйзенхауэру пришлось

одернуть Йодля. Ему сообщили, что, «если безоговорочная капитуляция не будет подписана на всех фронтах немедленно, переговоры будут прерваны, американцы возобновят воздушную войну, а через линию английских и американских войск не будут пропускаться даже лица, желающие сдать в плен в одиночном порядке».

Однако под влиянием Смита и заявления Йодля о том, что ввиду неисправности линий связи и коммуникаций невозможно быстро оповестить войска о капитуляции, Д. Эйзенхауэр изменил свое решение. Он согласился на установление 48-часовой паузы и указал время, с которого будут отсчитываться эти часы, то есть с полуночи 6 мая, хотя подписание предварительного Акта о капитуляции произошло 7 мая в 2 часа 41 минуту.

Компромиссное предложение Эйзенхауэра Дёниц, как это вытекает из книги, изданной военно-историческим отделом армии США под названием «Армия США во Второй мировой войне», расценил как «самое настоящее вымогательство». Тем не менее, он вынужден был принять это требование как единственно возможное. Предварительный Акт о капитуляции Германии был подписан в Реймсе в ночь на 7 мая в 02:41 по центральноевропейскому времени. Капитуляция германских вооруженных сил вступила в силу 8 мая в 23:01 по центральноевропейскому времени (9 мая в 01:01 мск). Со стороны союзников капитуляцию приняли: от англо-американской стороны американский генерал У. Смит, от СССР генерал-майор И. А. Сулопаров; в качестве свидетеля Акт подписал представитель Франции генерал Ф. Севез.

В качестве представителя вермахта Акт о капитуляции Германии подписал генерал-полковник А. Йодль. До церемонии подписания Акта Д. Эйзенхауэр предложил И. Сулопарову сообщить в Москву текст капитуляции, получить

одобрение и подписать его от имени Советского Союза. В полученном проекте Акта указывалось, что германское верховное главнокомандование безоговорочно капитулирует как перед Главнокомандующим союзными экспедиционными силами, так и перед Верховным Главнокомандованием СССР. Оно обязалось немедленно отдать приказ армии и флоту прекратить активные боевые действия 8 мая с 23 часов 01 минуты (по центральноевропейскому времени) и оставаться на позициях, занимаемых к этому моменту. Ни одно боевое и вспомогательное судно или самолет не могут быть уведены или повреждены. Верховному главнокомандованию германских вооруженных сил предписывалось обеспечить неукоснительное выполнение всех приказов и распоряжений Главнокомандующего союзными экспедиционными силами и советского Верховного Главнокомандования.

Генералу И. Сулопарову отводилось немного времени, чтобы успеть получить необходимые указания своего командования. Не мешкая, он передал телеграмму в Москву о предстоящей церемонии подписания капитуляции и текст документа; просил срочных указаний. Пока его телеграмма была доложена по назначению, прошло несколько часов. В Реймсе перевалило за полночь, и все ближе подходило время подписывать акт. Инструкции же из Москвы все не приходили. Положение нашего представителя оказалось весьма сложным: ставить свою подпись от имени Советского государства или отказаться, сославшись на отсутствие указаний?

С. М. Штеменко поясняет: «И. А. Сулопаров отлично понимал, что маневр гитлеровских последышей с капитуляцией только перед союзниками мог обернуться в случае какого-либо недосмотра с его стороны величайшим несчастьем. Он читал и перечитывал текст капитуляции и не нашел в нем какого-либо скрытого злого умысла. Вместе с тем перед глазами генерала вставали картины войны, где каждая

минута уносила множество человеческих жизней. Начальник советской военной миссии принял решение подписать документ о капитуляции. В то же время он, обеспечивая возможность для Советского правительства повлиять в случае необходимости на последующий ход событий, сделал примечание к документу. В примечании говорилось, что данный протокол о военной капитуляции не исключает в дальнейшем подписания иного, более совершенного акта о капитуляции Германии, если о том заявит какое-либо союзное правительство».

Д. Эйзенхауэр и представители других держав при его штабе с примечанием И. А. Суслопарова согласились. В 2 часа 41 минуту по центральноевропейскому времени 7 мая 1945 г. предварительный Акт о капитуляции Германии был подписан. Д. Эйзенхауэр поздравил И. А. Суслопарова с подписанием Акта. Последний немедленно направил свой доклад в Москву. А оттуда между тем уже шла встречная депеша, где указывалось: никаких документов не подписывать!.. Об этом И. Суслопаров узнал только по прибытии в Париж, где находился штаб его миссии. Суслопаров направил в Центр донесение о том, что произошло в Реймсе. Получалось, что его действия противоречили указаниям начальника Генерального штаба.

В связи с этим 11 мая 1945 г. по распоряжению маршала Советского Союза Г. К. Жукова генерал-майор И. А. Суслопаров был отозван в Москву, где ему были разъяснены причины этого решения. Во-первых, это участие в отсутствие полномочий в подписании Акта о капитуляции Германии. Во-вторых, непринятие мер по обеспечению быстрой и надежной радиосвязи между Реймсом и Москвой, что привело к несвоевременному получению телеграммы начальника Генерального штаба генерала армии А. И. Антонова,

запрещающей ему подписывать какие бы то ни было документы с союзниками.

В ответ генерал Суслопаров написал объяснительную записку на имя начальника Генштаба, в которой аргументировал свои действия. В ней он пояснил, что при обсуждении текста Акта по его настоянию был включен пункт, который гласил, что данный акт не будет являться препятствием к замене его другим более важным документом о капитуляции германских вооруженных сил. Одновременно он объяснил, что по соображениям безопасности не взял с собой в Реймс радиста-шифровальщика и поэтому не смог своевременно получить последнее указание о запрете подписывать с союзниками какие бы то ни было документы (упомянутая выше телеграмма была получена на 3–4 часа позже).

О подписании Акта в Реймсе было доложено И. В. Сталину. Он тут же позвонил по телефону Г. К. Жукову и сказал буквально следующее: «Сегодня в городе Реймсе немцы подписали Акт о безоговорочной капитуляции. Главную тяжесть войны на своих плечах вынес советский народ, а не союзники, поэтому капитуляция должна быть подписана перед Верховным командованием всех стран антигитлеровской коалиции, а не только перед Верховным командованием союзных войск. Я не согласился и с тем, что Акт о капитуляции подписан не в Берлине, центре фашистской агрессии. Мы договорились с союзниками считать подписание Акта в Реймсе предварительным протоколом капитуляции. Завтра в Берлин придут представители немецкого главного командования и представители Верховного командования союзных войск. Представителем Верховного Главнокомандования советских войск назначаетесь вы...».

Тем временем на Западе войну посчитали уже законченной. На основании подписанного (предварительного) Акта США и Англия предложили, чтобы 8 мая руководители

трех держав официально объявили о победе над Германией. В ответном послании главам союзных держав И. В. Сталин обратил их внимание на то, что боевые действия на советско-германском фронте продолжаются, Дёниц отдал приказ немецким войскам на Восточном фронте как можно быстрее отходить на запад, а в случае необходимости пробиваться туда с боями. Советский руководитель указал на необходимость выждать момент, когда вступит в силу повсеместная капитуляция немецких войск.

Но Черчилль не посчитался с мнением своего союзника, сославшись на то, что парламент потребует от него информации о подписании Акта в Реймсе. В письме на имя Сталина он писал: «Для меня будет невозможно отложить мое заявление на 24 часа, как Вы это предлагаете». Настаивая на своем предложении, английский премьер-министр хотел избежать возможности подписания Акта о безоговорочной капитуляции в занятом советскими войсками Берлине. Перспектива большого международного резонанса этой акции, где неизбежно бы выявилась решающая роль Советского Союза в победе, его явно не устраивала.

Президент США Г. Трумэн также не прислушался к пожеланию советской стороны, сославшись на то, что послание И. Сталина поступило к нему слишком поздно и отменить все приготовления уже невозможно. Таким образом, западные союзники поспешили оповестить мир о капитуляции Германии перед американскими и английскими войсками. Но Сталин остался непреклонен. Он заявил: «Договор, подписанный в Реймсе, нельзя отменить, но его нельзя и признать. Капитуляция должна быть учинена как важнейший исторический акт и принята не на территории победителей, а там, откуда пришла фашистская агрессия — в Берлине, и не в одностороннем порядке, а обязательно верховным командованием всех стран антигитлеровской коалиции».

После этого заявления договоренность с союзниками была достигнута быстро. Акт о безоговорочной капитуляции Германии и ее Вооруженных сил решено было подписать в Берлине, как и предлагала советская сторона. В полдень 8 мая в Карлсхорст, восточное предместье Берлина, прибыли представители Верховного командования союзников. Командование экспедиционных сил союзников в Европе представлял заместитель Д. Эйзенхауэра британский главный маршал авиации А. Теддер; Вооруженные силы США — командующий стратегическими военно-воздушными силами генерал К. Спаатс; Вооруженные силы Франции — главнокомандующий армией генерал Ж. де Латр де Тассиньи.

Эйзенхауэр известил Йодля, что представителям германского верховного командования, имея все полномочия подписать Акт о безоговорочной капитуляции германских Вооруженных сил, надлежит явиться для совершения окончательной официальной процедуры в то время и то место, какое будет указано советским и союзным командованиями, вспоминает Д. Эйзенхауэр в своей книге *«Eisenhower's own Story of the War»*, изданной в Нью-Йорке в 1946 году. Из Фленсбурга под охраной английских офицеров в Карлсхорст была доставлена германская делегация: начальник штаба ОКВ генерал-фельдмаршал В. Кейтель, главнокомандующий ВМС адмирал флота Г. Фридебург и генерал-полковник авиации Г. Штумпф, имевшие полномочия подписать Акт о безоговорочной капитуляции.

В 22:43 часа по центральноевропейскому времени 8 мая (в 00:43 часа 9 мая по московскому) в зале бывшего военного училища в Карлсхорсте они подписали Акт о безоговорочной капитуляции Германии, который подтвердил время прекращения огня — 8 мая в 23:01 по центральноевропейскому времени (9 мая в 01:01 по московскому).

Безоговорочную капитуляцию приняли заместитель Верховного главнокомандующего, маршал Советского Союза Г. К. Жуков и заместитель главнокомандующего союзными экспедиционными силами, главный маршал авиации А. У. Теддер (Великобритания). В качестве свидетелей свои подписи поставили командующий стратегическими ВВС США, генерал К. Спаатс и главнокомандующий французской армией, генерал Ж. де Латр де Тассиньи. Мир праздновал победу над коричневой чумой...

Следует подчеркнуть, что в составе советской делегации, участвовавшей в церемонии подписания Акта о безоговорочной капитуляции Германии в Карсхорсте, был и генерал-майор Иван Алексеевич Сулопаров, вписавший таким образом блестящую страницу в историю мировой и военной дипломатии.

И несмотря на то, что по согласованию между правительствами СССР, США и Великобритании была достигнута договоренность считать процедуру в Реймсе предварительной, тем не менее в западной историографии подписание капитуляции германских вооружённых сил связывается с процедурой в Реймсе, а подписание Акта о безоговорочной капитуляции в Берлине именуется его ратификацией. Наша задача — активно бороться с такого рода утверждениями. Веское слово здесь могут сказать публичная дипломатия, а также парламентская, народная и общественная дипломатии.

ДОЛГАЯ ДОРОГА К СНВ-1

Юрий Константинович Назаркин почти сорок лет проработал в Министерстве иностранных дел. Он внес неоценимый вклад в разработку целого ряда международных договоров по ограничению или запрету оружия массового уничтожения. В 1989–1991 гг. Ю. К. Назаркин был главой советской делегации на переговорах с США по ядерным и космическим вооружениям, результатом которых стало заключение важнейшего Договора о сокращении наступательных вооружений, вошедшего в историю как СНВ-1. О той работе он рассказал на страницах вышедшей в 2024 г. в издательстве «Весь мир» (ПИР-Центр) авторской книге «Об СНВ. Об Африке. О жизни». Эти воспоминания представляются не просто интересными, а захватывающими и весьма поучительными...

Как начинались переговоры

Переговоры, на которых я оказался, имели свою историю и предысторию. Первые контакты по вопросу о стратегических вооружениях между советскими и американскими представителями произошли вскоре после Карибского кризиса и под его воздействием. Впервые идеи, направленные на понижение военно-стратегического противостояния США и СССР, были высказаны директором Агентства США по контролю над вооружениями и разоружению Уильямом Фостером в беседе с советским послом в Вашингтоне А. Ф. Добрыниным

16 января 1964 г. Летом того же года эти идеи были повторены Фостером в беседе с тогдашним представителем СССР в Комитете восемнадцати государств по разоружению С.К. Царапкиным. Выступая как доверенное лицо министра обороны Роберта Макнамары, Фостер изложил их в сверхдоверительном порядке. Идеи эти сводились к тому, чтобы договориться о взаимном отказе от строительства систем противоракетной обороны (ПРО). Как свидетельствует А. Ф. Добрынин, «время от времени в течение 1966 г. Фостер вновь поднимал этот вопрос в частных разговорах со мной [с А. Ф. Добрыниным.]»¹. Естественно, все эти американские заходы докладывались в Москву, но Москва реагировать не спешила.

Как раз в то время в США приобрела большую остроту борьба вокруг системы ПРО «Найк-Икс». Противники создания системы, основным идеологом которых был тогдашний министр обороны Роберт Макнамара, считали, что ее развертывание могло бы лишь дестабилизировать военно-стратегический баланс, не обеспечив сколько-нибудь реальной защиты США. Они справедливо исходили из того, что строительство ПРО в США заставило бы Советский Союз принять контрмеры. Причем средства противодействия американской ПРО стоили бы Советскому Союзу, по американским оценкам, дешевле и могли бы быть созданы быстрее, чем американская система ПРО вступила бы в действие. Противники системы ПРО указывали, что ее главным уязвимым местом были радиолокаторы, которые могли бы быть выведены из строя и ослеплены надатмосферными ядерными взрывами.

В конце 1966 г. между сторонниками и противниками ПРО в США была достигнута компромиссная договоренность, в соответствии с которой выделялись средства на отдельные боевые компоненты системы «Найк-Икс», но их расходование

¹ *Добрынин А. Ф.* Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962–1986). М.: Автор, 1996. 688 с.: ил.

откладывалось до выяснения возможности договориться с Советским Союзом об ограничении систем ПРО.

В 1966 г. американская сторона вполне определенно поставила перед советской стороной вопрос о достижении договоренности в отношении взаимного, совместного с Советским Союзом, отказа от широкого развертывания систем ПРО. На этот раз советская сторона ответила, хотя довольно осторожно. Да, мол, дело хорошее, но, конечно, одновременно надо и сокращением наступательных стратегических вооружений заняться и уж, само собой, в контексте всеобщего и полного разоружения. В переводе с дипломатического языка это означало проявление сдержанного интереса к возможности рассмотрения оборонительных и наступательных систем в их взаимосвязи, однако увязка со всеобщим и полным разоружением переводила этот интерес из практической плоскости в умозрительную. В общем — спасибо за предложение, можно подумать, но пока не время.

В ходе обмена мнениями по этому вопросу в первой половине 1967 г. советская сторона смягчила свою позицию, сняв увязку со всеобщим и полным разоружением. Не отвергая возможности ограничения систем ПРО, она продолжала настаивать на том, чтобы эта проблема рассматривалась во взаимосвязи с сокращением наступательных стратегических вооружений. Американская сторона согласилась, чтобы на переговорах рассматривались как оборонительные, так и наступательные виды стратегических вооружений, но в отношении последних предпочитала говорить об их выравнивании, а не о сокращении.

Интересное место в предыстории переговоров по стратегическим вооружениям занимает встреча президента Линдона Джонсона (1963–1969) и председателя Совета министров СССР А. Н. Косыгина в городке Гласборо штата Нью-Джерси. В июне 1967 г. в Нью-Йорке состоялась специальная сессия

по Ближнему Востоку. Советскую делегацию возглавлял Косыгин. Американцы предложили использовать его пребывание на американской территории для организации встречи с ним президента Джонсона. Но Косыгин не хотел ехать в Вашингтон, чтобы не демонстрировать заинтересованности во встрече с Джонсоном. Аналогично Джонсон не хотел ехать в Нью-Йорк. Тогда кто-то из американцев догадался предложить организовать встречу в маленьком городке Гласборо, который находится ровно на полпути между Вашингтоном и Нью-Йорком. Официальная повестка дня встречи состояла из вопросов, не имевших отношения к стратегическим системам. Однако на ланче, который Джонсон дал советской делегации, Макнамара, очевидно по согласованию с Джонсоном, завел большой и обстоятельный разговор, где постарался убедить советского премьера в тяготах и опасностях соревнования в области противоракетной обороны и в необходимости договориться о взаимном отказе от этих систем. Мои попытки разыскать в архивах запись этой беседы, к сожалению, оказались безуспешными: в МИДе ее не оказалось, а в архивы ЦК (мои поиски происходили в 1989–1990 гг.) пробиться не удалось.

Американские источники, в том числе руководитель американской делегации на переговорах по ограничению стратегических вооружений (ОСВ) в 1969–1972 гг. Джерард Смит, считают, что аргументы Макнамары заставили Косыгина пересмотреть свое отрицательное отношение к идее отказа от оборонительных систем, и в результате Советский Союз согласился на проведение переговоров. Советский посол А. Ф. Добрынин, который участвовал во встрече, пишет в своих воспоминаниях, что Макнамара не смог донести до Косыгина убедительность своей концепции и Косыгин как был, так и остался противником отказа от оборонительных систем. Хотя Добрынин и признает, что «дискуссия в Гласборо была первым толчком,

который помог начать переговоры по ограничению стратегических вооружений, что в конечном счете привело к заключению Договора об ограничении систем противоракетной обороны в 1972 г. »¹. Виктор Суходрев, который принимал участие во встрече в качестве переводчика, в своих интереснейших воспоминаниях² свидетельствует, что Макнамара, сидевший рядом с Косыгиным, использовал этот шанс для того, чтобы переубедить советского премьера, а тот по возвращении в Москву доложил содержание беседы Политбюро. Думаю, что эта беседа сыграла если не решающую, то довольно существенную роль в изменении советской позиции.

Как бы то ни было, к лету 1968 г. в подходах сторон к предмету переговоров осталось лишь одно расхождение: советская сторона настаивала на том, чтобы речь шла лишь о системах обороны против баллистических ракет, а американская добивалась включения и систем ПВО. Как свидетельствует участник переговоров Пол Нитце, президент Джонсон, следуя совету Макнамары и Раска, согласился принять советскую формулировку, чтобы переговоры смогли начаться до окончания его президентства³.

Хорошо помню день 1 июля 1968 г. Как один из участников переговоров по выработке договора о нераспространении ядерного оружия я присутствовал на церемонии подписания ДНЯО. В Доме приемов на Ленинских горах, где происходило подписание, было торжественно, парадно. А. Н. Косыгин произнес небольшую речь, в которой отметил важность этого договора и объявил о договоренности относительно советско-американских переговоров по огра-

¹ Добрынин А. Ф. Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962–1986).

² Язык мой — друг мой: От Хрущева до Горбачева.../В. М. Суходрев. М.: АСТ, 1999. 477, [1] с., [8] л. портр.; 20 см. (Мемуары).

³ Nitze P. From Hiroshima to glasnost: at the center of decision: a memoir. New York, 1989. P. 290.

ничению стратегических вооружений: «Между правительствами СССР и США достигнута договоренность вступить в ближайшее время в переговоры относительно комплексного ограничения и сокращения как систем доставки наступательного стратегического оружия, так и систем обороны против баллистических ракет».

Церемония завершилась под звон бокалов с шампанским. А между тем приближалось 20 августа 1968 г. Советское «вторжение» в Чехословакию помешало США сесть за стол переговоров во время президентства Джонсона. Они начались только в ноябре 1969 г. Напомню основные этапы этого советско-американского переговорного процесса.

В 1972 г. были заключены бессрочный Договор об ограничении систем противоракетной обороны и Временное соглашение о некоторых мерах в области ограничения стратегических вооружений, или Договор ОСВ-I (сроком на пять лет).

На продолжившихся вскоре переговорах был разработан Договор ОСВ-II, который должен был заменить Временное соглашение. Он был подписан в 1979 г., но в силу не вступил из-за отказа Конгресса США его ратифицировать. Международный небосклон все более затягивался темными тучами конфронтации. Ввод наших войск в Афганистан в 1979 г. дал прекрасный повод американцам отказаться от этого договора.

В 1981 г. под лозунгом борьбы с СССР как «империей зла» к власти в США пришел республиканец Рональд Рейган (1981–1989). Тем не менее переговорный процесс набрал столь большие обороты, что даже в те тяжелые для диалога времена прервался не сразу: в октябре 1980 г. начались советско-американские переговоры по ограничению ядерных вооружений в Европе, а в 1982 г. — по ограничению и сокращению стратегических вооружений. Однако в конце 1983 г. и те, и другие переговоры были прерваны, не приведя к какому-либо положительным результатам. Этот исход был

предрешен нежеланием каждой стороны сделать первый шаг навстречу другой стороне.

В 1980-е гг. холодная война достигла своего пика, почти сравнимого с Карибским кризисом 1962 г., когда мир оказался на грани ядерной войны. В самый разгар международной напряженности, 11 августа 1984 г., Рейган, проверяя микрофон перед традиционным радиообращением к народу и не зная, что он уже включен, сказал: «Мои соотечественники-американцы, я рад сообщить вам сегодня, что подписал указ об объявлении России вне закона на вечные времена. Бомбардировка начнется через пять минут».

Эта шутка Рейгана, из-за которой вполне могла бы начаться третья мировая война, вызвала огромный резонанс в мире, и в первую очередь в СССР. «ТАСС уполномочен заявить, что в Советском Союзе с осуждением относятся к беспрецедентно враждебному выпадку президента США, — говорилось в официальном заявлении главного советского информационного агентства. — Подобное поведение несовместимо с высокой ответственностью, которую несут руководители государств, обладающих ядерным оружием, за судьбы собственных народов, за судьбы человечества».

Идеологическая конфронтация в начале 1980-х гг. распространилась даже на сферы, казалось бы, далекие от политики. США бойкотировали Олимпийские игры 1980 г. в Москве, а СССР — Олимпийские игры в Лос-Анджелесе 1984 г. Советских школьников стали предупреждать, что нельзя общаться на улице с иностранцами, потому что они могут подарить отравленные конфеты, съев которые, тут же умрешь.

К 1985 г. отношения между СССР и США были практически на нуле. С момента встречи Л.И. Брежнева и американского президента Джими Картера в Вене в июне 1979 г. контакты на высшем уровне отсутствовали. Мировые СМИ повторяли, как мантру, высказывание президента США

Рейгана: «Советский Союз — империя зла». Однако к концу своего первого президентства Рейган стал осознавать необходимость достижения компромиссов с Советским Союзом.

Соображения безопасности подталкивали каждую из сторон к возобновлению переговоров. После смерти Ю. В. Андропова (1982–1984) генеральным секретарем ЦК КПСС стал практически недееспособный по состоянию здоровья К. У. Черненко (1984–1985). Думаю, что в это время А. А. Громыко оказывал безраздельное влияние на определение внешней политики Советского Союза. А он, по-моему, всегда считал, что с США надо жить в мире.

Пришедший к власти в 1985 г. М. С. Горбачёв не хотел продолжения советско-американской конфронтации. Не преуспевший во внутренней политике, он сделал ставку на успехи в международной сфере. Переизбранный ранее и намеренный подправить свой имидж, Рейган тоже получил большую свободу рук для корректировки внешнеполитического курса.

Еще в конце ноября 1984 г. СССР и США договорились вступить в новые переговоры по всему комплексу вопросов, касающихся ядерных и космических вооружений. На встрече министров иностранных дел СССР и США в Женеве в январе 1985 г. стороны условились провести такие переговоры по трем направлениям: по ракетам средней дальности, стратегическим наступательным вооружениям и по обороне и космосу. Ввиду естественной взаимосвязи этих трех направлений переговоры должны были вестись единой делегацией с каждой стороны, но в трех подгруппах. Эти переговоры начались в Женеве 12 марта 1985 г.

В конце 1987 г. переговоры по ракетам средней дальности завершились подписанием советско-американского Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД), а переговоры по двум другим направлениям продолжались. Вот эту двуединую делегацию я и возглавил.

Технология переговоров

В сущности, переговоры — это основа всей дипломатии. Ведь одна из главных задач дипломата, будь то собственно переговоры или работа в посольстве, — договариваться о каких-то взаимоприемлемых вещах со своими иностранными партнерами. В этом принципиальное отличие профессии дипломата от профессии военного. Военный, в руках которого оружие, добивается выполнения поставленной задачи силой, а дипломат — нахождением компромисса. Конечно, каждая профессия накладывает свой отпечаток на менталитет. Это было очень заметно в тех делегациях, в которые включались военные эксперты. У военных — жесткость и четкость, у дипломатов — гибкость и склонность к более расплывчатым формулировкам. Взаимодействие того и другого подходов часто приводило к весьма плодотворным результатам. А если такое взаимодействие продолжалось достаточно длительное время, то оно оказывало благотворное воздействие на менталитет обеих сторон.

Особенно хорошо я прочувствовал этот процесс на переговорах по стратегическим вооружениям, где более половины делегации состояла из военных. Так случилось, что большая часть моей дипломатической карьеры была связана с переговорами — как многосторонними, так и двусторонними. Сначала на третьих, вторых ролях, а потом во главе делегации. Конечно, переговорная практика настоящему начинается только тогда, когда оказываешься в первом кресле, т. е. когда ты в качестве первого номера представляешь свою сторону, будь то пленарное заседание, рабочая группа или подгруппа. Твои советники и эксперты могут давать тебе дельные и толковые советы. Но только ты определяешь, каким советом воспользоваться, как вести себя в той или иной ситуации, как прореагировать

на выступление представителя другой стороны. Реакция должна быть мгновенной. Она иногда может заключаться и в том, чтобы промолчать. Но и такой образ действий должен быть осознанным, а не вызванным тем, что не нашлось что сказать.

Очень важным качеством переговорщика является умение понять позицию партнера по переговорам (оказаться в его ботинках, как говорят американцы), определить, что в его позиции совместимо с твоей позицией, и как совместить то, что несовместимо. А уж если найден какой-то компромисс, то его обязательно надо зафиксировать, хотя бы самым неофициальным образом, но на бумаге.

В институтах — и у нас, и на Западе — разрабатываются теории переговорного процесса, читаются курсы лекций о том, как надо вести переговоры. Но когда я вступал на переговорное поприще, то еще не слышал о таких теориях. А когда узнал, что они существуют, то уже был достаточно уверенным в себе практиком.

Впоследствии мне даже пришлось прочитать курс лекций в российской Дипломатической академии, в которых я пытался поделиться со слушателями своим переговорным опытом. В заключение же я им сказал, что не представляю себе, как можно научиться вести переговоры, не посидев в *первом кресле* хотя бы в какой-нибудь рабочей группе, разрабатывающей не учебный, а самый настоящий, пусть не *судьбоносный*, документ, например, проект резолюции.

Разумеется, каждые переговоры имеют свою специфику, связанную прежде всего с их предметом.

К тому времени когда я был назначен главой делегации, советско-американские переговоры по стратегическим вооружениям продолжались уже 20 лет. За это время были отработаны формы и методы, которые, базируясь на международной практике, учитывали и специфику данных переговоров.

Специфика состояла прежде всего в громоздкости готовившихся документов и в изобилии военно-технических деталей. Текст самого договора был относительно невелик — страниц пятьдесят. Но различного рода приложения и приложения к приложениям, договоренности, оформлявшиеся путем обмена письмами, заявлениями, и другие документы составляли в общей сложности более восьмисот страниц. Причем отдельные части этой махины разрабатывались параллельно в различных рабочих группах.

Такой порядок работы требовал тщательной координации действий переговорщиков в различных рабочих группах. Кроме того, необходимо было тщательно следить за тем, чтобы разрабатываемые документы *стыковались* друг с другом (изменения в тексте одного документа могли вызывать необходимость корректировки и других документов). Эта задача осуществлялась на регулярно проводимых совещаниях делегации.

Механика подготовки договора и связанных с ним документов выглядела следующим образом. Каждая из сторон представляла свой текст. Они как бы накладывались один на другой. То, что совпадало, становилось согласованным текстом. То, что не совпадало, помещалось в квадратные скобки с пояснениями, из которых становилось понятно, чья позиция отражена в скобках (в русском тексте наша позиция отмечалась значком ¹⁾, а позиция США — значком ²⁾; в английском тексте значки соответственно менялись).

В тех случаях, когда несовпадение было чисто словесным, находились формулировки, которые отражали согласованную позицию. Если же расхождения касались существа, то согласование, естественно, становилось более сложным. Поиск преодоления расхождений и составлял суть переговоров.

Каждый раунд начинался и завершался пленарными заседаниями, на которые делегации собирались в полном

составе. На них зачитывались заранее подготовленные заявления довольно общего характера. На заседании при открытии раунда стороны декларировали свои намерения, выражали надежды и т. д. На заключительном заседании подводились итоги и выражались надежды на сближение позиций на следующем раунде.

После первого пленарного заседания начиналась работа двух основных групп — по наступательным вооружениям (советскую часть группы возглавлял посол Л. А. Мастерков) и по обороне и космосу¹ (нашими основными представителями здесь были посол Ю. И. Кузнецов и генерал-лейтенант Н. Н. Детинов).

При этом американцы каждый раз подчеркивали, что они участвуют в работе группы по обороне и космосу в качестве самостоятельной делегации, не связанной с их делегацией в группе по стратегическим наступательным вооружениям. Администрации Рейгана, а затем и Буша-старшего (1989–1993) в то время были озабочены получением от Конгресса средств на СОИ. Они пытались доказать, что заключение договора по СНВ не должно снизить ассигнований на ПРО. Это-то обстоятельство и побуждало делегацию США делать такие ритуальные заклинания. Мы, со своей стороны, исходя из неразрывной связи наступательных и оборонительных вооружений, подчеркивали, что делегация у нас одна и что наш представитель в группе по обороне и космосу полностью подчинен руководителю всей делегации, как и представитель в группе по стратегическим наступательным вооружениям.

¹ Название этой группы было компромиссным и совершенно противоречивым: американцы настаивали на обсуждении Договора по ПРО 1972 г., на том, чтобы согласовать его расширенное толкование; мы же, категорически возражая против этого, предлагали обсуждать запрет на использование космоса в военных целях, что было неприемлемо для американцев, поскольку они планировали, в частности, размещать в космосе элементы своей ПРО.

Группы делились на подгруппы, каждая из которых занималась разработкой текста отдельного документа. Первоначально группа по обороне и космосу образовывала свои символические подгруппы. Но постепенно мы сократили свою делегацию в ней до трех человек и практически отказались от подгрупп. Американцы, число которых в этой группе превышало 20 человек, пытались протестовать, но в конце концов приняли ситуацию как она есть.

Группа по СНВ делилась на подгруппы, каждая из которых разрабатывала и согласовывала текст порученного ей документа — самого договора, протокола об инспекциях, протокола о переоборудовании или ликвидации СНВ, протокола об уведомлениях о сокращении и ограничении СНВ, протокола о забрасываемом весе, протокола о телеметрической информации, протокола о Совместной комиссии по соблюдению и инспекциям, Меморандума о договоренности об установлении исходных данных. По мере необходимости создавались и какие-то еще более мелкие подгруппы для подготовки решения конкретных узловых вопросов. Конечно, очень важную роль играли всегда встречи глав делегаций.

Общая схема механизма переговоров была рациональна. К моему назначению на переговоры существовал уже солидный задел в виде текстов основных документов. Правда, значительная их часть находилась «в скобках», т. е. была не согласована. Перед делегацией была поставлена задача находить выходы и представлять свои предложения в Центр.

По своему предыдущему опыту на Конференции по разоружению, где я участвовал в различных переговорах, в том числе по запрещению химического оружия, я знал, что без неофициального зондажа трудно найти варианты, которые вели бы к договоренностям. Достижение договоренностей на переговорах по сложным и деликатным вопросам невозможно без неофициальных контактов, в ходе которых стороны

пытаются достичь договоренности *ad referendum*, т. е. на свой страх и риск для доклада в свои столицы. За столом переговоров это сделать невозможно, так как каждое слово фиксируется. Формально никакого протокола не ведется. Но каждая сторона делает для себя подробные записи, на которые она в случае чего может сослаться. И даже если кто-то за столом переговоров предупреждает: «Я хочу сейчас сказать кое-что неофициально, не для протокола», всем, в том числе и говорящему, ясно, что все его слова будут зафиксированы, даже если все участники положат свои ручки и отодвинут блокноты.

Другое дело неофициальные встречи на нейтральной почве — в кафе, ресторане и т. д. Конечно, и там можно организовать запись разговора. Современные технические средства позволяют записать разговор даже во время прогулки в лесу, хотя там это сделать гораздо сложнее, чем в помещении. Но это уже сфера спецслужб. Во всяком случае, контакты вне официального переговорного стола дают больше свободы для отказа от достигнутых предварительных договоренностей, если они не будут одобрены соответствующими правительствами.

Примерно раз в неделю главы делегаций вместе с их заместителями встречались за ланчем в каком-нибудь ресторанчике, где подводили итоги прошедшей недели, улавливались об основных направлениях работы на следующую неделю, обсуждали какие-либо конкретные вопросы, прощупывали возможные подходы к их решению, готовили так называемые компромиссные «пакеты». На этой форме «пакетных» договоренностей следует остановиться подробнее.

Конечно, классическим компромиссом является договоренность по какому-то конкретному вопросу, для достижения которой каждая сторона уступает в равной мере. Это, однако, не всегда оказывается возможным в силу характера того или иного вопроса, когда он может быть решен на основе «или-или»: либо предложение принимается, либо снимается.

Бывает и так, что по отдельным элементам «пакета» компромисс может быть найден, но не посередине, а ближе в ту или иную сторону. В таких случаях составляется набор вопросов, и договоренность достигается путем «размена озабоченностями» — «в пакете»: по некоторым стороны уступают друг другу в разной степени, а в целом получается примерный баланс уступок. При этом действует принцип: пока не согласовано все, не согласовано ничего. Иными словами, условием любого «пакета» является то, что если не принимается хотя бы одно его условие, весь «пакет» считается несогласованным («рассыпается»).

Можно, конечно, привести конкретные примеры таких «пакетов», но объяснение их смысла со всеми нюансами было бы столь узкотехническим, что, боюсь, любой читатель, за исключением разве что нескольких специалистов, на этом закрыл бы эту книгу. А вообще схема таких «пакетов» примерно такова: я тебе частично уступаю по вопросу А (скажем, 30:70), ты мне — по вопросу Б (70:30), а вопросы В и Г, по которым компромисс невозможен, «размениваются», т. е. снимаются вообще.

Для того чтобы выторговать у другой стороны побольше уступок в рамках «пакета», переговорщики иной раз придерживают полученное из Центра разрешение дать на что-то согласие, а потом это согласие включить в очередной «пакет». Иногда это бывает связано с риском.

В течение длительного времени американцы настаивали на включение в договор положения, разрешающего строительство и передислокацию стационарных пусковых установок (ПУ) межконтинентальных баллистических ракет (МБР) в пределах устанавливаемых договором суммарных количеств на стратегические носители. И вот в конце 1989 г. делегация получила разрешение дать на это согласие. Это изменение нашей позиции, видимо, продиктовано было намерением иметь возможность перевести наши железно-

дорожные мобильные пусковые установки современных ракет SS-24¹ на шахтное базирование. Естественно, возникло желание выторговать эту *уступку* за встречную уступку со стороны США. Но случая все не представлялось.

Как-то приходит с очередной встречи со своим американским коллегой один наш переговорщик и докладывает мне, что американец завел с ним разговор о том, что американская сторона могла бы, мол, отказаться от своего предложения о возможности передислокации шахтных пусковых установок (ШПУ), если бы советская сторона в чем-то пошла навстречу американцам. Иными словами, в Вашингтоне происходил тот же процесс, что и в Москве, только в обратном направлении. Очевидно, у США отпала необходимость в строительстве новых ШПУ, а с другой стороны, они могли узнать или вычислить то, что мы захотим наши железнодорожно-мобильные SS-24 или часть их спрятать под землю.

Пришлось срочно заготавливать официальное согласие на принятие американского предложения о возможности передислокации ШПУ, естественно, без *выторговывания* уступок, теперь уж было не до них. Американские коллеги были очень этим раздосадованы, так как, по всей видимости, им пришло указание из Вашингтона снять предложение о возможности передислокации ШПУ и они решили за это что-нибудь выторговать у нас.

Очень полезной формой неофициальных контактов были ежедневные утренние встречи с главой американской делегации Ричардом Бертом (кроме субботы и воскресенья) на *нейтральной территории* — за чашкой кофе в кафе, расположенном недалеко и от американской, и от советской миссий. Обычно встречались двое на двоих, вместе со своими заместителями. На таких встречах согласовывались планы обеих делегаций на день, устранялись всяческие сложности,

¹ Обозначение советских ракет РС-22, принятое в НАТО.

шероховатости, возникавшие в отдельных рабочих группах, обсуждались различные проблемы (если эти проблемы носили технический характер, приглашали на такое обсуждение соответствующих экспертов).

Порой осложнения в группах возникали на чисто личностной основе. Тогда приходилось выступать посредниками, чтобы помирить повздоривших между собой советского и американского переговорщиков. Иногда приходилось улаживать о перестановке в группах, чтобы устранить психологическую несовместимость переговорщиков с той или другой стороны.

В одной из рабочих групп американскую делегацию представляла весьма корректная дама, а с нашей стороны ей противостоял человек, которого никак нельзя было причислить к категории джентльменов. Природная резкость сочеталась в нем с отсутствием элементарной воспитанности, хотя, надо сказать, предмет, по которому велись переговоры в этой группе, он знал хорошо. На одной из встреч за чашкой кофе Берт мне говорит:

— Наша мадам пришла ко мне в слезах и говорит, что она долго терпела грубость своего советского визави, но терпению ее пришел конец, когда он во время последнего заседания группы вместо того, чтобы просто сказать «нет», сунул ей в физиономию кукиш. Я прошу тебя что-то предпринять.

— Согласен, — говорю я, — что кукиш — это не средство дипломатического общения. И я знаю, что манеры у нашего представителя не очень изысканные. Но не думаю, что я смогу его перевоспитать, в его пятьдесят с лишним лет. Можно, конечно, развести твою деликатную мадам и моего грубияна по разным группам, но тогда потребуется время для вхождения новых людей в детали незнакомых для них вопросов. Можем ли мы на это пойти?

В результате улаживаемся, что каждый из нас проведет со своим представителем беседу на предмет повышения

сдержанности одной высокой договаривающейся стороны и понижения уровня обидчивости другой. Не знаю, что говорил Берт обидчивой мадам. Я же, объяснив своему грубияну неуместность использования жестов в переговорной практике, посоветовал каким-то образом загладить свой *дипломатический промах*. Сам ли наш переговорщик догадался или ему кто-нибудь посоветовал, но на следующем заседании (оно приходилось на 8 марта) он преподнес мадам букет цветов. Как свидетельствовали очевидцы, мадам чуть не упала со стула от потрясения. Так они и работали вместе до конца переговоров.

Еще одной формой неофициальных контактов с Бертом стали пешие прогулки в горы по воскресеньям.

В то время большой популярностью пользовался американский фильм «Прогулка в лесу». В начале 1980-х гг. руководители американской и советской делегаций на переговорах по ракетам средней дальности Пол Нитце и Юлий Квицинский совершили в окрестностях Женевы несколько прогулок, в ходе которых они попытались нащупать компромиссную договоренность, которая не была предусмотрена официальными позициями как той, так и другой стороны. Между собой они нашли решение, но ни американский президент, ни советское руководство не приняли его. Впоследствии прогулка была подробно описана П. Нитце в его мемуарах и вошла в историю как пример мужества двух дипломатов, рискнувших личным положением ради достижения договоренности на благо своих стран. По этому мотиву и был впоследствии поставлен фильм.

Этот фильм, который, впрочем, не имел ничего общего с подлинными событиями, а лишь использовал тему личного риска ради общего блага, сильно преувеличивал риск, которому подвергались оба дипломата. Во всяком случае, несмотря на неудачу своей попытки, ни тот ни другой не только не пострадали, но успешно продолжали свои карьеры (Юлий

Квицинский был назначен послом в Бонн, а затем стал первым заместителем министра иностранных дел СССР, а Пол Нитце продолжал занимать положение советника номер один по вопросам разоружения при президенте США). Как бы то ни было, тема *прогулки в лесу* была весьма популярной среди женевских дипломатов конца 1980-х — начала 1990-х гг.

Таких прогулок мы совершили пять-шесть. Нас сопровождали заместители и помощники. Выезжали по воскресеньям на машинах в Швейцарскую Юру, километров за двадцать от Женевы, и карабкались вверх, к уютному кафе «Les Bareillettes». Там перекусывали, отдыхали, записывали некоторые формулировки, которые удавалось обговорить по дороге, и спускались обратно к машинам. Два с половиной — три часа — туда, час — отдых, час — обратно.

Во время этих *прогулок в горах* было, в частности, подготовлено заявление Буша-старшего и Горбачёва о будущих переговорах по стратегическим вооружениям¹, которые должны были последовать за подписанием Договора СНВ-I. Идея заявления возникла еще в Вайоминге, в сентябре 1989 г., где проходила встреча министров иностранных дел США и СССР. Смысл такого заявления, по моему мнению, должен был состоять в том, чтобы, во-первых, обеспечить непрерывность процесса, а во-вторых, получить возможность отводить обвинения относительно того, что какие-то вопросы были не решены или решены не так в договоре. Заявление должно было показать, что если в договоре что-то не так, то все это будет исправлено в ходе последующих переговоров. Этими соображениями я поделился с Бертом, гуляя с ним по живописным тропинкам вокруг Тетон-Лодж (гостинично-туристический комплекс в штате Вайоминг),

¹ Совместное заявление относительно будущих переговоров по ядерным и космическим вооружениям и по дальнейшему укреплению стратегической стабильности было подписано руководителями СССР и США 1 июня 1990 г.

где проходила министерская встреча. Условились вернуться к этой теме в Женеве.

В Женеве, куда мы съехались после непродолжительного перерыва после вайомингской встречи, оказалось, что ни ему, ни мне не удалось получить официальных инструкций о разработке заявления. Мои московские начальники сказали, что официальные инструкции (в то время они должны были проходить утверждение в Политбюро) могут быть мне даны только после того, как я представлю возможный текст такого заявления. В аналогичной ситуации оказался и Берт. Поэтому условились вести подготовку проекта заявления в ходе прогулок.

Между тем необходимость совместного заявления о будущих переговорах возрастала из-за того, что летом 1990 г. предстояла встреча в Вашингтоне на высшем уровне. Первоначально была надежда, что на ней можно будет подписать договор. Но с каждым днем эта надежда таяла, и скоро стало ясно, что договор не будет готов. И тогда было решено подготовить к вашингтонской встрече два совместных заявления — о достигнутом прогрессе в деле подготовки договора и относительно будущих переговоров по ядерным и космическим вооружениям и дальнейшему укреплению стратегической стабильности. Таким образом, заявление о будущих переговорах должно было сослужить роль оптимистического наполнителя встречи.

Сложность подготовки этого совместного заявления состояла в том, что позиции сторон расходились по трем основным вопросам: по взаимосвязи между стратегическими наступательными и оборонительными вооружениями (США настаивали на продолжении переговоров по ПРО и космосу с целью пересмотра Договора по ПРО); по уменьшению концентрации боезарядов на межконтинентальных баллистических ракетах с разделяющимися головными частями

индивидуального наведения (РГЧ ИН) и по дальнейшему сокращению тяжелых МБР, а также по вовлечению в дальнейшие переговоры других ядерных держав (США должны были проявлять здесь аккуратность из-за своих союзнических отношений с Великобританией и Францией, которые не хотели сокращать свои ядерные вооружения).

Совместное заявление о будущих переговорах (во всяком случае, его концептуальный подход) в дальнейшем сыграло свою роль при подготовке Договора СНВ-II, хотя бурные события, начавшиеся 19 августа 1991 г. в СССР, привели к таким последствиям, которые поломали все те осторожные компромиссные конструкции, с таким трудом разработанные для будущих переговоров. Достаточно вспомнить хотя бы следующую формулу из совместного заявления: «В частности, стороны будут вести поиск мер, которые уменьшат концентрацию боезарядов на стратегических носителях в целом, включая меры, относящиеся к вопросам тяжелых МБР и МБР с РГЧ ИН». По Договору СНВ-II российские переговорщики ради политической поддержки Б. Н. Ельцина со стороны США согласились полностью ликвидировать тяжелые МБР и все МБР с РГЧ ИН, в том числе современные десятизарядные ракеты SS-24, составлявшие основу стратегической триады России. Иными словами, США получили все то, о чем могли лишь мечтать во время разработки совместного заявления 1990 г.

Если сделана ошибка

Ходы назад брать нельзя. Это шахматное правило вполне приложимо к переговорам. Может выручить лишь заранее оговоренный «пакетный» подход, когда стороны идут на уступки друг другу по нескольким вопросам, составляющим «пакет», и улавливаются, что «пока не согласовано все, не согласовано

ничего». Но и эта палочка-выручалочка срabатывает не без труда. Поучительна в этом отношении история согласования вопросов, связанных с тяжелыми бомбардировщиками (ТБ).

Вообще решение этих вопросов заняло на переговорах больше всего времени. Другие проблемы как-то решались или на какое-то время *подвешивались*, а вопросы ТБ, по сути дела, обсуждались на протяжении всех переговоров. Как только удавалось достичь принципиальной договоренности по какой-то части проблемы ТБ, тут же всплывали новые детали, требовавшие согласования. Это была какая-то гидра, с которой никак не удавалось окончательно справиться.

Причина этого, видимо, заключалась в том, что американцы, имевшие крупное преимущество по этому виду стратегических вооружений, стремились не допустить его ослабления, а мы с такой же настойчивостью добивались хотя бы некоторой нивелировки. Проблема ТБ была связана с огромным количеством чисто технических деталей и нюансов. Поэтому неудивительно, что военные специалисты различных рангов — от полковников до маршала — не только принимали участие в переговорах, как это было по всем вопросам СНВ, но и часто занимали «первое кресло» в рабочих группах, занимавшихся теми или иными элементами проблемы.

С самого начала на переговорах возник вопрос: как зачислять вооружения ТБ в устанавливаемые договором уровни 1600 носителей и 6000 боезарядов? С баллистическими ракетами такого вопроса не возникало, а в отношении ТБ приходилось учитывать, что они вооружены и ядерными вооружениями, и неядерными, и крылатыми ракетами большой дальности, и ракетами ближнего действия, и бомбами свободного падения. Разумеется, нельзя отрицать, что степень эффективности этих вооружений различна. Для пуска ядерной крылатой ракеты воздушного базирования (КРВБ) большой дальности не требуется, чтобы несущий ее самолет,

приближаясь к цели, преодолевал ПВО противника. Будучи в состоянии преодолевать расстояние до 2,5 тыс. км, КРВБ может быть пущена с самолета по дальней цели из безопасной зоны. Причем благодаря низкой траектории полета и небольшой отражающей поверхности она с трудом поддается обнаружению радарам. Бомба же свободного падения должна быть сброшена непосредственно над целью, что делает несущий ее самолет весьма уязвимым для средств ПВО.

Вообще, по вопросу о том, распространяется ли договор на неядерные вооружения (стратегического назначения, разумеется) или нет, спор шел все время, постепенно усиливаясь. Чем дальше, тем более упорно США настаивали на том, что договор распространяется только на ядерные СНВ.

В отношении баллистических ракет американцы согласились засчитывать боеголовки вообще, не уточняя, что засчитываются только ядерные боезаряды. В то время и МБР, и баллистические ракеты подводных лодок (БРПЛ) существовали у обеих сторон только в ядерном снаряжении. Хотя впоследствии по мере возрастания точности таких ракет появился практический смысл в их оснащении и неядерными зарядами¹.

Сложнее дело обстояло с тяжелыми бомбардировщиками, так как любой ТБ, оснащенный для неядерных вооружений, поддается переоснащению для ядерных. Но самые большие трудности возникли при урегулировании вопросов, связанных с КРВБ: что такое КРВБ большой дальности и как отличить ядерные КРВБ от неядерных.

Основа для решения вопроса о засчете была заложена еще в 1986 г. в Рейкьявике — на встрече М. С. Горбачёва и Р. Рейгана. Было условлено, что ядерные вооружения,

¹ Эта проблема возникла со всей остротой на переговорах в 2009–2010 гг., когда разрабатывался «новый Договор СНВ», заменивший Договор СНВ-I 1991 г., действие которого истекло в 2009 г.

не являющиеся ядерными КРВБ большой дальности, будут засчитываться за каждым ТБ, оснащенным для таких вооружений, как один боезаряд, сколько бы их ни было на ТБ. Что же касается правил засчета ядерных КРВБ большой дальности, то было признано, что они должны быть другими, а какими именно — это предстояло определить в ходе последующих переговоров.

Договоренность о правиле засчета ядерных вооружений, не являющихся ядерными КРВБ большой дальности, конечно, была очень крупной нашей уступкой США, может быть, самой крупной за все время переговоров. В результате США, у которых значительно больше ТБ, чем у нас¹, получали большое преимущество по фактическому количеству ядерных боезарядов, выходящему за пределы согласованного для обеих сторон потолка в 6000 боезарядов. Разумеется, и СССР, пользуясь тем же правилом засчета, получил право выйти по фактическому количеству ядерных боезарядов из шеститысячного лимита. Однако, обладая парком ТБ, превышающим парк СССР в 3,5 раза, США при таком засчете получали преимущество более чем на тысячу боезарядов.

Была ли эта уступка ошибкой?

Для объективного ответа на этот вопрос нужно учитывать, по крайней мере, два обстоятельства.

Обстоятельство первое. В Рейкьявике, договариваясь о правиле засчета, советская сторона (в рабочей группе по ограничению вооружений ее представлял маршал С. Ф. Ахромеев, бывший в то время начальником Генерального штаба) одновременно ставила вопрос и об определении «большой дальности» для КРВБ. Согласие с американским

¹ По состоянию на 1 сентября 1990 г. у СССР было развернуто 162 ТБ, в том числе 63 ТБ, оснащенных для ядерных вооружений, не являющихся ядерными КРВБ большой дальности, а у США — 574, в том числе 385 ТБ, оснащенных для ядерных вооружений, не являющихся ядерными КРВБ большой дальности.

правилом засчета увязывалось советскими представителями с установлением для КРВБ рубежа в 600 км, свыше которого дальность действия считалась бы «большой» и соответственно КРВБ относилась бы к категории «большой дальности».

По результатам рейкьявикской встречи не принималось каких-либо согласованных документов. Каждая сторона фиксировала их сама для себя. После этой встречи, когда на переговорах стали излагать договорным языком рейкьявикские договоренности, американская сторона стала отрицать, что дала согласие на 600 км. Поскольку я не принимал участия в рейкьявикской встрече, не берусь судить, что было допущено — ошибка с нашей стороны или вероломство с американской.

Рубеж дальности в 600 км несколько уравнивал нашу уступку по засчету, так как сужал категорию ракет ближней дальности с учетом возможностей нашей ПВО. И тем не менее вопрос оставался: стоит ли это объективное различие в военной эффективности той разницы в засчете, которая была согласована?

Второе обстоятельство может помочь ответить на этот вопрос. В 1986 г., когда проходила рейкьявикская встреча, маховик конфронтации, набравший большие обороты в первой половине 1980-х гг., продолжал вращаться. Заявление М. С. Горбачёва от 15 января 1986 г., несмотря на объявленный односторонний мораторий на ядерные испытания, все-таки воспринималось на Западе как пропаганда. Для преодоления инерции конфронтации и гонки вооружений нужны были реальные шаги, а не пропагандистские утопии типа «программы полной ликвидации ядерного оружия во всем мире к 2000 г.», которая была основой этого заявления.

В повороте к налаживанию отношений с остальным миром, к сокращению расходов на вооружения, очевидно, были больше заинтересованы М. С. Горбачёв с его еще не размежевавшимися соратниками, только что провозгласившие

перестройку, чем Р. Рейган, далеко не сразу воспринявший новые веяния из Москвы. Естественно, поэтому инициатива исходила от советской стороны. Приняв американское предложение о порядке засчета ядерных вооружений на ТБ, она сделала реальный шаг, показавший серьезность ее намерения заключить договор по СНВ.

Да, США в этом случае получили возможность иметь большее количество ядерных боезарядов, чем Советский Союз. Но ядерные вооружения подчиняются иным законам, чем обычные, неядерные. Формула ядерного паритета значительно сложнее, чем соотношение 1:1. Во время Карибского кризиса в 1962 г. соотношение по боезарядам было 1:17 в пользу США. Однако и тех ядерных средств, которые имелись у Советского Союза, оказалось достаточно для сдерживания США. Кризис не перерос в войну. Видимо, американская сторона сочла, причем весьма справедливо, что и те ядерные заряды, которыми Советский Союз мог бы поразить территорию США, причинили бы им «неприемлемый ущерб». Неясно, на каких весах взвешивался этот возможный неприемлемый ущерб. Наверное, все-таки не по «формуле Макнамары»: одна пятая — одна четвертая часть населения и от половины до двух третей промышленного потенциала. Уверен, что в то время Советский Союз не мог нанести такого удара. Но и значительно меньший ущерб оказался неприемлем для США. И слава богу.

Вместе с тем в ходе разработки Договора СНВ-I обе стороны исходили из иного подхода к сохранению паритета. Основу договора составили равные для каждой стороны уровни и по носителям, и по боезарядам. Таким образом, Договор должен был не только понизить существующие уровни, но и закрепить соотношение 1:1. По носителям это соотношение было выдержано, а по боезарядам сделаны отступления, в основном за счет вооружений воздушного базирования. По сути дела, договор снизил количественные

уровни боезарядов у обеих сторон, сохранив их соотношение (1,3:1 в пользу США).

Очевидно, С. Ф. Ахромеев, который был в 1986 г. начальником Генерального штаба, давая в Рейкьявике согласие на правило засчета, исходил из того, что безопасность государства не пострадает, если за США сохранится преимущество по боезарядам. Уверен, что он был прав. Ошибка была допущена, с моей точки зрения, лишь в том, что не была каким-либо образом — скажем, в неофициальном документе — зафиксирована увязка правила засчета ядерных вооружений на ТБ с установлением рубежа дальности в 600 км для КРВБ большой дальности. Но это была переговорная ошибка, которая в дальнейшем — правда, ценою немалых усилий — была устранена. Это произошло в мае 1990 г. во время встречи в Москве американского государственного секретаря Дж. Бейкера и советского министра иностранных дел Э. А. Шеварднадзе. Но это было позже. А пока решался вопрос о том, как же все-таки засчитывать ядерные КРВБ большой дальности.

В совместном советско-американском заявлении на высшем уровне от 10 декабря 1987 г. эта задача ставилась в качестве одной из первоочередных. «Делегации определяют конкретные правила в этой области», — говорилось в документе. В совместном заявлении по визиту Р. Рейгана в Москву в мае 1988 г. вскользь упоминалось, что в ходе встречи «удалось значительно расширить области согласия, в частности, по вопросу о КРВБ». Некоторое расширение областей согласия действительно произошло, но оно касалось лишь второстепенных деталей (наиболее важная договоренность предусматривала, что все существующие КРВБ будут считаться ядерными, а будущие КРВБ в обычном оснащении должны быть отличимы от ядерных). По главному же вопросу — о правилах засчета — в документе «Области согласия по во-

просу о КРВБ» от 1 июня 1988 г. лишь подтверждалось то, что эти правила необходимо согласовать: «Тяжелый бомбардировщик, оснащенный для крылатых ракет «воздух–земля» большой дальности в ядерном оснащении, будет засчитываться как одно средство доставки в предельный уровень в 1600 единиц и как согласованное количество боезарядов в предельный уровень в 6000 единиц».

После полугодового перерыва делегации съехались в июне 1989 г. в Женеву, имея в своих портфелях по засчету КРВБ следующие позиции: мы настаивали на засчете КРВБ по реальной максимальной оснащенности каждого типа ТБ, с ограничением и контролем развернутых и неразвернутых КРВБ и с установлением подуровня в 1100 единиц для вооружений ТБ (в рамках уровня в 6000 единиц для боезарядов); американцы добивались засчета 10 КРВБ за каждым ТБ, независимо от его типа, и отвергали ограничения на КРВБ и ТБ¹.

Конечно, обе позиции были «запросные». Вряд ли американцы рассчитывали на принятие нами их позиции. Нам тоже было понятно, что американцы не согласятся на *зжатие* своего воздушного компонента в результате принятия

¹ По данным, приведенным в Меморандуме о договоренности об исходных данных на 1 сентября 1990 г., у США имелось 574 ТБ, а у СССР — 162 ТБ. Таким образом, по носителям у США был перевес в 3,5 раза. При этом у США из указанного числа 189 ТБ были оснащены крылатыми ракетами большой дальности (96 единиц В-52G и 93 единицы В-52 Н). У нас имелось всего 99 ТБ в аналогичном оснащении (57 единиц — ТУ-95 МС 16, 27 единиц — ТУ МС 6 и 15 единиц — ТУ 160). Самолеты типа В-52G оснащены для 12 КРВБ (на внешних узлах крепления). Самолеты типа В-52 Н, помимо 12 внешних подвесок, имеют во внутренних отсеках узлы крепления еще для 8 КРВБ. Таким образом, максимальное количество КРВБ, которое могли поднять американские ТБ в 1990 г., составляло 3012 единиц. Наши самолеты ТУ-95 МС 16 могли нести 16 КРВБ (10 на внешних подвесках и 6 во внутренних отсеках), ТУ-95 МС 6–6 (только во внутренних отсеках) и ТУ-160–12 (только во внутренних отсеках). Таким образом, максимальное количество КРВБ на наших ТБ составляло 1254 единицы.

нашей позиции. Но каждая сторона отстаивала свою «запросную» позицию, стремясь в конечном счете побольше выторговать. Человеческая психология проявляется одинаково — что на международных переговорах, что в базарном торге.

Разумеется, ни одна ни другая сторона в реальной жизни не могла использовать свои ТБ с максимальной загрузкой их крылатыми ракетами, так как такая загрузка существенно снижала бы радиус действия. И если у США еще была какая-то возможность использовать свои стратегические базы за пределами своей территории, то у СССР такой возможности не было.

Надо учесть и то, что США придавали большое значение своему воздушному компоненту в планах на будущее, строя новые самолеты В-1 В и В-2. Одной из причин этого было, очевидно, намерение США противопоставить свои ТБ наращивавшимся нами мобильным МБР (конечно, авиасредства более эффективны против движущихся целей, чем баллистические ракеты). Мы же традиционно делали упор на развитие наземных МБР — прежде всего ввиду отсутствия у нас зарубежных баз¹.

Понятно поэтому, что наши предложения о засчете КРВБ по максимуму и особенно о подуровне в 1100 единиц для боезарядов на ТБ заставили бы США более чем в три раза сократить флот своих ТБ и почти не подвергли бы ограничениям наш воздушный компонент. Должен сказать, что на той стадии переговоров, на которой я начал в них участвовать, практически никто всерьез не воспринимал подуровень в 1100 единиц и для ТБ. И американцы, и мы были уверены, что это предложение будет нами снято, настолько оно было «запросно». Да и предложение о засчете КРВБ по максимуму тоже не выглядело убедительным. Жесткая «запросность»

¹ США в то время уже отказались от своего проекта развертывания мобильных МБР.

нашей позиции по ТБ и КРВБ определялась стремлением военного руководства страны отыграться за рейкьявикскую уступку по засчету ядерных боезарядов, не являющихся КРВБ большой дальности. Но стремление это было совершенно нереалистичным.

Со стороны МИДа была предпринята попытка поправить эту позицию к встрече министров иностранных дел СССР и США в Вайоминге в сентябре 1989 г. Сделать этого, к сожалению, не удалось. В результате делегация повезла в Тетон-Лодж старую позицию по засчету КРВБ и, разумеется, по рубежу их дальности (600 км). А чтобы наша позиция по авиационному компоненту не выглядела как саботажная, была сделана следующая уступка: мы соглашались не засчитывать ТБ несовременных типов, переоборудованные под обычные вооружения, в уровень стратегических носителей 1600 единиц при условии установления на них отдельного подуровня в 100 единиц при соответствующем контроле (США предлагали 115 единиц).

Этот сдвиг, не имевший непосредственного отношения к КРВБ, в сочетании с некоторыми словесными манипуляциями в отношении засчета КРВБ, дал возможность включить в совместное заявление министров фразу: «По вопросу о КРВБ советская сторона выдвинула новую идею, касающуюся ее подхода к тому, как решать проблему КРВБ и тяжелых бомбардировщиков»¹.

По-настоящему сдвинуть проблему КРВБ и ТБ с мертвой точки удалось лишь в ходе московской встречи министров 7–9 февраля 1990 г. Но сдвиг этот был очень странным, что, в свою очередь, создало новые проблемы. Эта история, по моему, любопытна и заслуживает более подробного рассказа.

Прибыв 4 февраля из Женевы в Москву, я с разочарованием узнал, что ни по одному вопросу наши позиции

¹ Выпуск газеты «Правда» от 25 сентября 1989 г.

к переговорам министров готовы не были и что предстоит еще серия межведомственных совещаний для согласования предложений, которые могли бы быть выдвинуты нами. Совещания на различных уровнях — от экспертного до *зайковского*¹ — заполнили все три дня — 5–7 февраля. Проходили они мучительно и закончились практически безрезультатно. Военно-промышленный комплекс грудью закрывал путь к заключению договора. Было ясно, что ни одно серьезное предложение, приближающееся к этой цели, не пройдет сквозь многослойный фильтр межведомственного чиновничьего согласования. Требовались решения высшего политического руководства страны. А оно, прежде всего М. С. Горбачёв, было занято внутренними проблемами. Острой была обстановка в Азербайджане, Литве. Приближался пленум ЦК КПСС. Так что забот у М. С. Горбачёва хватало. Но нужно было решать и проблемы крылатых ракет.

Переговоры начались встречей министров один на один вечером 7 февраля. Уже на этой встрече Дж. Бейкер передал Э. А. Шеварднадзе детальные предложения США по КРВБ, с тем чтобы у советских экспертов было время их изучить. Ко мне они попали часов в девять вечера с поручением к восьми утра следующего дня доложить результаты изучения Э. А. Шеварднадзе.

Американские предложения предусматривали засчет за каждым Б-52 и каждым Б-1, оснащенными для КРВБ, по 10 боезарядов. За каждым ТУ-95 и каждым ТУ-160, оснащенными для КРВБ, засчитывалось бы по 8 боезарядов. За будущими ТБ — и американскими и советскими — засчитывалось бы по 10 боезарядов. Вместе с тем предлагалось установить предел на оснащение ТБ для КРВБ — не более чем

¹ В то время секретарь ЦК КПСС и член Политбюро ЦК КПСС Л. Н. Зайков возглавлял Межведомственную комиссию по разоружению Политбюро (так называемую «Большую пятерку»).

в два раза по сравнению с засчитываемым числом КРВБ. Таким образом, максимальное число для американских бомбардировщиков составило бы 20, а для советских — 16 единиц. Тем самым американцы в некоторой степени учли то обстоятельство, что советские бомбардировщики по объективным причинам не могут взять такой же груз, как американские. Ведь американские самолеты могут совершать посадку для дозаправки на американских базах вблизи советской территории, а ракетный груз советских бомбардировщиков определяется тем, что они должны приблизиться к американской территории, а затем без посадки вернуться назад.

Чем было вызвано такое *усредненное* правило засчета, допускавшее оставление вне предела в 6000 боезарядов определенного количества КРВБ, и было ли оно оправданно? Американцы аргументировали его тем, что хотя теоретически на ТБ можно нацепить и двадцать, и даже более КРВБ, но на практике этого не произойдет, так как каждая лишняя КР *съедает* примерно 700 км дальности ТБ. В реальной жизни на американских ТБ может быть как минимум 8 КРВБ (в роторной установке, которая, находясь в фюзеляже, не сказывается на аэродинамических качествах самолета), а на внешних подвесках — еще 4 КРВБ. Увеличение их числа при загруженности самолета другими видами вооружений — ракетами малой дальности, ядерными бомбами — практически невозможно. То же самое, как считали американцы, справедливо и по отношению к советским ТБ с поправкой в меньшую сторону — с учетом географического фактора.

В качестве критерия дальности для определения КРВБ большой дальности американцы впервые официально назвали 1000 км вместо прежних 1500 км. Они принимали наше предложение о контроле, который позволял бы отличать неядерные КРВБ от ядерных. Он должен был осуществляться не только с помощью национальных технических средств,

но и путем инспекций на месте. Для этого требовалось, чтобы неядерные ракеты содержали внешние отличия, которые могли бы увидеть инспектора.

США подтверждали неприемлемость для них наших предложений о подуровне в 1100 единиц для вооружений ТБ и ограничениях для неразвернутых КРВБ, ракет малой дальности и бомб. Этот последний *негатив* был воспринят нашими военными как должное. В ходе ночной проработки американских предложений они высказались за то, что этот наш «запрос» можно было бы снять, если бы рубеж дальности был 600 км («ведь мы уже договорились об этом в Рейкьявике») и если бы удалось договориться об удовлетворительном засчете КРВБ. А по произведенным подсчетам получилось, что США, несмотря на некоторый сдвиг в нашу сторону, получали бы вне зачетного числа значительно больше КРВБ, чем мы.

На следующее утро Э.А. Шеварднадзе было доложено, что, несмотря на некоторые положительные изменения в американской позиции, расхождения слишком велики, чтобы при нашей нынешней позиции можно было бы рассчитывать на договоренность.

В 10 часов утра в особняке МИДа на улице Алексея Толстого (ныне Спиридоновка) собрались обе делегации во главе со своими министрами. После обычного в таких случаях позирования перед теле-, кино- и фотокамерами, как только за последним журналистом закрылась дверь Белого зала, где проходили переговоры, началась работа.

Дж. Бейкер — уже на этот раз официально, для протокола, изложил американские предложения, переданные им накануне Э. А. Шеварднадзе. После этого он перешел к другим вопросам — о телеметрической информации, о неразвернутых баллистических ракетах, об этапах сокращения СНВ и т. д. Нельзя сказать, что в изложенных Дж. Бейкером позициях по этим вопросам были какие-то «прорывы». Так,

легкая косметика. Но подавалось все это таким образом, чтобы создать впечатление грандиозных усилий американской стороны с целью ускорения заключения договора.

Что ж, демагогия применяется и на закрытых переговорах. Тем более что потом журналистам можно говорить, что, мол, нами были выдвинуты конструктивные предложения по более чем дюжине важных вопросов. Мы, к сожалению, даже такого демагогического вала не смогли наскрести: портфель наш был пуст.

Вечером, покидая особняк, Р. Берт сказал мне, что удручен результатами, что, видимо, советское руководство целиком занято внутренними делами, что оно теряет интерес к договору и т.д. Я ответил, что разделяю его пессимизм, но не могу никак согласиться с тем, что советское руководство теряет интерес к договору. Те легкие косметические штрихи, которыми американская сторона подкрасила свою позицию, никак не означают движение вперед по существу. «А что же ты хочешь, — возразил Берт, — чтобы мы согласились на 600 км¹? Может быть, еще и Аляску вам вернуть в придачу?» «Насчет Аляски я лично не знаю, — сказал я, — а то, что без вашего согласия на 600 км у нас ничего не получится, это я знаю точно». На том и расстались.

На следующий день М. С. Горбачёв принимал Дж. Бейкера. В ожидании результатов этой встречи делегации занялись третьестепенными вопросами, которые носили в основном технический характер.

Около 14:00 решили прерваться на обед и вновь встретиться в 15:00. А вскоре нам была передана команда Э. А. Шеварднадзе провести встречу по КРВБ в узком составе с участием С. Ф. Ахромеева (к тому времени маршал С. Ф. Ахромеев уже оставил пост начальника Генерального штаба

¹ Имеется в виду 600 км как минимальный критерий дальности для определения КРВБ большой дальности.

и состоял военным советником при М. С. Горбачёве), которому М. С. Горбачёв поручил совместно с Э. А. Шеварднадзе, Л. Н. Зайковым и Д. Т. Язовым¹ с учетом нового предложения Дж. Бейкера «найти какое-то решение², которое устроило бы обе стороны»³.

Положение, в котором оказался С. Ф. Ахромеев, было, конечно, сверхсложным. За считанные часы ему предстояло выполнить то, что не смогли осуществить в течение месяца несколько министерств и ведомств. Очевидно, такой спешкой и объясняются те ошибки и несуразности, которые оказались в подготовленных предложениях.

Как свидетельствовал С. Ф. Ахромеев в своих воспоминаниях, он занялся выполнением полученного поручения совместно с Л. Н. Зайковым и его аппаратом. Ни военные эксперты, ни МИДовцы не принимали участия в этой работе. Несомненно, маршал прекрасно владел военной стороной вопроса. Думаю, однако, что, привлеки он к подготовке предложений кого-либо из экспертов, участвовавших в переговорах, можно было бы избежать тех осложнений, которые возникли впоследствии.

Как бы то ни было, около 16:30 в особняке появился С. Ф. Ахромеев и без промедления прошел в заранее приготовленную для переговоров комнату. По одну сторону стола сели С. Ф. Ахромеев, заместитель министра иностранных дел В. П. Карпов и я, а по другую — заместитель госсекретаря США Р. Бартоломью, Р. Берт и кто-то из американских военных.

Я знал лишь то, что предстояло обсуждать проблему КРВБ, но не имел ни малейшего представления о том, что привез с собой Ахромеев. В таком же неведении был и Карпов (я спросил

¹ Министр обороны СССР в 1987–1990 гг.

² Речь идет о решении вопроса по КРВБ.

³ Цит. по: *Ахромеев С. Ф., Корниенко Г. М.* Глазами маршала и дипломата. С. 268.

его, не удалось ли ему хотя бы накоротке переговорить с Ахромеевым до начала переговоров; оказалось, нет, не удалось).

Ахромеев начал с того, что согласился с американским предложением засчитывать за каждым ТБ, оснащенным для КРВБ, по 10 единиц для США и по восемь единиц для СССР. Согласился он и с тем, чтобы американские ТБ оснащались не более чем для 20 КРВБ. Для советских же ТБ он предложил установить предел не в 16 КРВБ, как это предлагалось американской стороной, а в 12.

Американцы были явно озадачены, поскольку более высокий потолок в 16 единиц, ни к чему нас не обязывая, сохранял бы для нас такую же свободу рук в отношении повышенной загрузки бомбардировщиков крылатыми ракетами, как и для США (и для них, и для нас максимальный потолок был бы ровно в два раза выше засчитываемого количества КРВБ). Возможно, они заподозрили какую-то хитрость.

Ахромеев между тем продолжал:

— Однако в порядке компенсации за потерю в максимальном количестве КРВБ на одном ТБ Советский Союз должен быть вправе иметь на 40 процентов больше ТБ, оснащенных для КРВБ.

Повторив как закливание, что критерий дальности должен составлять 600 км, он закончил изложение своих предложений.

Посоветовавшись между собой, американцы задали несколько вопросов. Их интересовало, не собирается ли Советский Союз *прирастить* эти 40 процентов к уже согласованному уровню в 1600 носителей. Ахромеев подтвердил, что нет, не собирается — эти 40 процентов будут действовать внутри этого уровня. Далее американцы спросили, от какого уровня исчислялись бы эти 40 процентов, ведь, как уже было согласовано, отдельных ограничений для численности ТБ не должно было вводиться, их могло быть сколько угодно

в пределах 1600 носителей. В ответ Ахромеев стал развивать идею установления для американских ТБ «плавающих уровней», от которых и исчислялись бы 40 процентов.

Сама по себе концепция, основанная на нашем праве иметь на 40 процентов больше ТБ, выглядела логичной только для тех, кто не знал уже согласованных положений. А в соответствии с ними каждая сторона получала право иметь столько ТБ, сколько она захотела бы — в пределах, разумеется, общего уровня в 1600 носителей. Да и невозможно себе представить, чтобы мы, имея в три с половиной раза меньше тяжелых бомбардировщиков, чем США, смогли бы вдруг превысить их уровень почти в полтора раза. На какие средства? И зачем? В силу особенностей географического положения главным нашим стратегическим компонентом были наземные ракеты.

Идея «плавающих уровней» была совсем странной. Прежде всего было непонятно, что произойдет с нашими ТБ, построенными в счет дополнительных 40 процентов, если американский уровень поплывет в сторону сокращения. Должны ли мы будем ломать наши оказавшиеся вне лимита ТБ, следуя плаванию американского уровня? У меня было впечатление, что Ахромеев импровизирует, причем неудачно.

Наверняка такие же мысли возникли и у американцев. Однако они не стали задавать больше вопросов, видимо, чтобы не спугнуть плывущую им в руки удачу. Вместо этого они попросили сделать перерыв и побежали к Бейкеру. Вернулись они значительно быстрее, чем обычно требуется для согласования с высоким начальством сложных вопросов, и с порога заявили, что принимают предложение Ахромеева и что сейчас Бейкер предлагает Шеварднадзе немедленно созвать пленарное заседание на министерском уровне для формализации договоренности.

Что и было сделано.

С. Ф. Ахромеев зачитал для протокола свои предложения, подчеркнув, что речь идет о «пакете» (с включением в него критерия дальности 600 км). В связи с положением о праве советской стороны иметь сорокапроцентное преимущество по числу тяжелых бомбардировщиков Бейкер заявил, что США могут с этим согласиться, но не принимают какого-либо подуровня для ТБ. На что Ахромеев, подчеркнув, что высказывает свое личное мнение, изложил идею «плавающих потолков». Получив подтверждение, что эта *плавучесть* никак не связывала бы руки США, сколько бы ТБ они ни захотели иметь, Бейкер предложил согласовать последний элемент «пакета» — критерий дальности. Если бы это удалось, весь «пакет» был бы согласован.

Бейкер начал с того, что категорически заявил о неприемлемости 600 км в качестве критерия. Он ссылаясь на то, что позиция США уже сдвинулась с 1500 до 1000 км, а советская позиция застыла на 600 км, что в Вашингтоне его «не поймут», если он пойдет еще дальше, что советская система ПВО гораздо лучше американской и т. д. и т. п.

Со своей стороны Шеварднадзе клялся, что по критерию дальности у него нет в запасе ни одного километра, что в Рейкьявике мы приняли американское предложение по засчету на ТБ боезарядов, не являющихся ядерными КРВБ, что дало им более 100 лишних боезарядов, а сейчас пошли им навстречу по засчету КРВБ, что добавило к их преимуществу еще 1100 боезарядов и т. д.

Все это было святой правдой. Действительно, рубеж в 600 км был исключительно важен для нас, так как вся система ПВО СССР была построена на этой основе (этот рубеж был согласован еще в 1973 г. для Договора ОСВ-II). Предельный радиус действия самолетов-перехватчиков составлял 600–660 км, а дальность действия зенитно-ракетных комплексов не превышала 400 км. Причем эти средства

эффективны только против бомбардировщиков, но не против крылатых ракет, которые летят низко над землей (в 50–100 м от поверхности) и из-за небольшой отражающей поверхности почти невидимы для радиолокационных средств. Верно было и то, что в результате согласованных правил зачета боезарядов США получали преимущество более чем в 2100 единиц.

Вообще, дискуссия была эмоциональной и сумбурной. Наконец, Бейкер пошел с последнего козыря, заявив, что «был бы готов попробовать договориться на основе дальности в 800 км».

Наступила пауза. Все — и американцы и мы — понимали, что этот ход ставит нас в сложное положение: на переговорах невозможно все время говорить нет, особенно если другая сторона своими практическими шагами демонстрирует свое стремление к договоренности. Однако затем Ахромеев вновь заявил, что рубеж дальности в 600 км был согласован еще в Рейкьявике. Строго говоря, ответ должен был бы исходить от Шеварднадзе как от лица номер один за столом переговоров. Но он, видимо, решил избежать неприятной миссии и переложил ее на маршала. Призванные Бейкером в свидетели сотрудники американской делегации, участвовавшие в рейкьявикских переговорах, в один голос заявили, что не помнят такой договоренности. Согласовав совместное сообщение о результатах переговоров, делегации разъехались. В отношении КРВБ в заявлении говорилось: «Что касается крылатых ракет воздушного базирования, стороны достигли значительного прогресса, договорившись на основе пакетного подхода по всем оставшимся вопросам, за исключением вопроса о рубеже дальности».

Следующим важным этапом должна была стать вашингтонская встреча министров (она состоялась 4–6 апреля 1990 г.).

До этой встречи за столом официальных переговоров в Женеве вопрос о КРВБ не поднимался, но во время неофициальных встреч Берт время от времени возвращался к нему, подбрасывая мне аргументы в пользу изменения рубежа дальности в 600 км. Каждый раз я ему отвечал, нисколько не греша против истины, что не вижу никакой возможности изменения этой нашей позиции. Речь шла о рассмотрении этих вопросов на заседании так называемой «комиссии Зайкова»¹ с последующим утверждением Политбюро директив для поездки Э. А. Шеварднадзе в Вашингтон.

Заседание сначала должно было состояться в субботу 31 марта, но потом его перенесли на 30 марта, о чем я узнал в середине дня 29-го. В результате пришлось добираться с пересадками на каких-то случайных рейсах, и в Москву я прибыл в семь часов утра 30-го. Как бы то ни было, около 10:00 я был в предбаннике у Л. Н. Зайкова на Старой площади.

Там постепенно накапливались члены комиссии и приглашенные — председатель КГБ В. А. Крючков, министр иностранных дел Э. А. Шеварднадзе, секретарь ЦК по оборонной промышленности О. Д. Бакланов, зампред Совмина и председатель ВПК² И. С. Белоусов, начальник Генштаба М. А. Моисеев, военный советник президента³ маршал С. Ф. Ахромеев, заведующий международным отделом ЦК КПСС В. М. Фа-

¹ Имеется в виду ранее уже упомянутый автором секретарь ЦК КПСС и член Политбюро ЦК КПСС Лев Николаевич Зайков (1923–2002), который возглавлял Межведомственную комиссию по разоружению Политбюро.

² Название этого органа несколько раз менялось, но в то время он, кажется, назывался «Государственная комиссия по военно-промышленным вопросам».

³ Имеется в виду президент СССР — данный пост был введен 14 марта 1990 г. на III внеочередном Съезде народных депутатов СССР. Первым и единственным президентом СССР, как известно, был Михаил Сергеевич Горбачёв (1990–1991).

лин, секретарь ЦК КПСС по идеологии А. Н. Яковлев, эксперты из министерств и ведомств.

Начали с обсуждения записки по КРВБ (она, как наиболее противоречивая и сложная, шла отдельно от директив по другим вопросам). Как я узнал до заседания, МИД подготовил проект записки, в котором предлагалось утвердить результаты московской встречи министров и добиваться принятия американцами рубежа дальности в 600 км под угрозой «рассыпать весь пакет», т. е. то, что было согласовано в феврале. Однако этот вариант еще до заседания был отвергнут и подготовлен (без участия МИДа) другой, по сути дела, де-факто де-юре московскую договоренность и, следовательно, Э. А. Шеварднадзе и С. Ф. Ахромеева. В нем предлагался тот же порядок засчета КРВБ, с которым приехали в феврале в Москву американцы (для США — 10 и как максимальный предел — 20, а для нас — 8 и как максимальный предел — 16), но который был ими снят, после того как Ахромеев, ко всеобщему удивлению, предложил, чтобы наш максимальный предел составлял 12 единиц. Кроме того, за будущими типами ТБ обе стороны засчитывали бы максимальное реальное количество КРВБ, для которых они оснащены (это также расходилось с московской договоренностью, которая предусматривала для обеих сторон засчет по 10 единиц). И наконец, вопреки достигнутой еще в Вайоминге (сентябрь 1989 г.) договоренности неядерные ТБ предлагалось вновь включить в 1600 стратегических носителей, поскольку, мол, американская сторона не приняла предложенное нами в Вайоминге пакетное решение вопроса ТБ и КРВБ (рубеж дальности — 600 км, правило засчета по реальному оснащению ТБ для КРВБ, незасчет согласованного количества ТБ — до 100 единиц — несовременных типов, переоборудованных под обычные вооружения, в уровень 1600 единиц при соответствующем контроле).

Обсуждение этой записки, посвященной одному конкретному вопросу, вылилось, по существу, в дискуссию гораздо более широкого характера. Нужен ли нам договор по СНВ — таково было основное направление спора. А за такой постановкой вопроса и за различными взглядами на него явственно были видны разногласия среди высшего руководства страны из-за общей направленности внешней политики и оборонного строительства, да и всего политического курса. Расстановка сил в высших эшелонах власти прорисовывалась довольно четко.

После общих вводных слов Л. Н. Зайкова взял слово М. А. Моисеев, зачитавший возражения Генштаба против правила засчета КРВБ, которое предлагалось в записке МИДа как дающее США возможность увеличить свое преимущество по боезарядам. Он оспаривал данное нами еще в Рейкьявике на встрече на высшем уровне (1986 г.) согласие на то, чтобы каждый ТБ с ядерными вооружениями, помимо КРВБ большой дальности, засчитывался как единица в оба «потолка» — 1600 носителей и 6000 боезарядов.

Затем выступил маршал С. Ф. Ахромеев, который был предшественником Моисеева на посту начальника Генштаба. Он изложил свое видение ситуации, показав ошибочность ряда подсчетов, содержащихся в выступлении Моисеева. При этом он подчеркнул недопустимость отхода от уже достигнутых договоренностей, тем более принятых на высшем уровне.

Очень резко прозвучало выступление О. Д. Бакланова. По сути дела, не касаясь содержания обсуждаемой записки, он заявил свое *особое мнение* по договору в целом (это его мнение было изложено в приложении к записке). Оно сводилось к тому, что в результате заключения договора по СНВ соотношение СССР и США по числу боезарядов стало бы 1:1,93 в пользу США (вместо 1:1,4 на март 1990 г.),

а с учетом ядерных arsenалов Англии и Франции — 1:2,1. Политический вывод не формулировался, но угадывался довольно легко: заключение договора по СНВ, а следовательно, и договоренности на этот счет, достигнутые М. С. Горбачёвым с Р. Рейганом, а затем Дж. Бушем-старшим, в том числе на мальтийской встрече, — роковая ошибка, наносящая ущерб безопасности Советского Союза.

А. Н. Яковлев, по сути дела, ушел от спора по существу вопроса, ограничившись постановкой вопросов: обезоружим ли мы себя в результате заключения договора, не потеряем ли способность для нанесения неприемлемого ущерба США и т. д.

Столь же уклончиво и витиевато высказался В. М. Фалин: с одной стороны, гонка вооружений обременяет нас, но, с другой стороны, в какой мере то ядерное оружие, которое у нас есть, решает задачу нанесения неприемлемого ущерба вероятному противнику. И т. д. и т. п.

Вполне определенно за заключение договора выступил В. А. Крючков. Его логика заключалась в том, что без договора гонка вооружений будет продолжена, мы в ней американцев все равно не догоним, а лишь еще больше измотаем свою экономику, а потому у нас нет другого пути, кроме как заключение договора. С этих же позиций выступил и Шеварднадзе. Говоря по теме записки, он заявил, что не поедет в Вашингтон с инструкциями, которые дезавуируют московскую договоренность по КРВБ. «Почему я не должен был верить маршалу Советского Союза, советнику президента по военным вопросам?» — спрашивал он, имея в виду выдвинутый Ахромеевым в феврале вариант *развязки*. Маршал Советского Союза при этих словах чувствовал себя явно не лучшим образом.

С неожиданных для меня позиций выступил И. С. Белоусов. Сама аббревиатура Госкомиссии по военно-

промышленным вопросам — ВПК — могла расшифровываться как «военно-промышленный комплекс». Представители этой организации всегда на моей памяти отстаивали линию, которую не назовешь иначе, как направленную на взвинчивание гонки вооружений и вытягивание средств на военные цели. Однако И. С. Белоусов в весьма сильных и определенных выражениях заявил, что договор по СНВ нужен нам как хлеб, как воздух. Экономика наша напряжена до предела, говорил он, и мы просто не в состоянии вернуться к гонке вооружений. Единственная возможность сделать это, считал он, — через возврат к тоталитаризму, через крах *перестройки*, а это опять экономический тупик. Обороноспособность же наша обеспечивается благодаря сдерживающему характеру ядерного оружия не только при соотношении 1:2, но и при более выигрышном для Запада соотношении. Выступление Белоусова меня сильно подбодрило: раз уж руководитель ВПК за договор, значит, он нам действительно позарез нужен.

С. Ф. Ахромееву пришлось трудно. Конечно, он, как лично ответственный за московскую договоренность по КРВБ, вынужден был защищать ее. Однако потом, когда началось обсуждение других вопросов, в частности крылатых ракет морского базирования (КРМБ), маршал попытался отмотить этот свой грех, завинчивая гайки до полного предела.

Л. Н. Зайков старался примирить непримиримые позиции участников совещания. «Нужно двигаться вперед, но с оглядкой», — сделал он заключительный вывод.

После четырех часов безрезультатной дискуссии Шварднадзе уехал на встречу с министром иностранных дел Франции (в это время проходил его визит в Москву), и директивы по КРВБ были отложены. Другие вопросы, в том числе и КРМБ, решили довольно быстро, так как то, что было подготовлено, не давало никакого выхода на договоренности. Ухудшать было уже некуда, а улучшать

невозможно. Для того чтобы все-таки принять какое-то решение по КРВБ, назначили на следующий день новое совещание в том же составе.

Видимо, этот тайм-аут был активно использован Л. Н. Зайковым для нахождения компромиссного варианта решения. В результате субботнее заседание продолжалось не более получаса. Л. Н. Зайков объявил, что к варианту зачета КРВБ «8–16» добавляется как альтернативный вариант С. Ф. Ахромеева «8–12», а что касается 115 бывших ТБ, то если американцы согласятся на минимальный рубеж для КРВБ большой дальности в 600 км, то делегация даст из Вашингтона телеграмму и весь «пакет», включая и вопрос о бывших ТБ, будет вынесен на решение президента.

Это последнее добавление насчет возможности решения вопроса о неядерных ТБ сверх уровня в 1600 носителей в директивы включено не было. Слова Зайкова насчет вынесения его на президентское решение, очевидно, были предназначены для того, чтобы хоть немного смягчить впечатление от очень жестких директив, не только не приближавших, но затруднявших договоренность.

Суть этих директив была следующей:

1. Отстаивать рубеж дальности КРВБ в 600 км.
2. Подтвердив правило зачета КРВБ, согласованное в Москве (при максимальном оснащении наших ТБ в 12 КРВБ), попытаться вернуть американцев к их предложению о максимальном зачете для нас в 16 КРВБ.

Конечно, на такой основе результативного разговора получиться не могло. Отказ от собственных предложений, даже если они входят в несогласованные «пакеты», — дело скандальное. А тут мы отказывались сразу от трех предложений! Введение ограничений на «плавающий» уровень, не оговоренных в Москве при выдвижении предложения о таком уровне, означало отход и от этого предложения.

С этой позицией наша делегация и отбыла в Вашингтон на встречу Шеварднадзе с Бейкером.

Утром 5 апреля на встрече министров в узком составе Дж. Бейкер в резкой форме охарактеризовал наши предложения как движение вспять, ставящее под угрозу июньскую встречу президентов. Завершая встречу во второй половине дня, министры решили поручить Р. Бартоломью и Р. Берту, С. Ф. Ахромееву и мне поискать в течение ночи возможные решения.

Ну какие решения можно найти, когда на руках висят пудовые оковы в виде железобетонных инструкций, а за спиной, в Москве, уже наточили ножи, чтобы разделаться с переговорщиками, если они хоть на йоту отойдут от этих инструкций! Но коль скоро получен приказ «поискать решения», значит, надо искать.

Думаю, что Р. Бартоломью и Р. Берт, как и мы, хорошо понимали бессмысленность нашего ночного бдения. Но тем не менее они в течение всей ночи честно вели с нами игру под названием «поиск решения», обозначая добросовестное выполнение министерского приказа.

Быстро договорились о правилах игры («провести обзор всех несогласованных вопросов и посмотреть, где можно сблизить позиции») и приступили к *ночному марафону*. заседали в комнате для совещаний, примыкавшей к кабинету Бартоломью, постоянно взбадривая себя кофе из огромных термосов. Помимо КРВБ, в нашу задачу входило рассмотрение и проблемы КРМБ. И там положение было столь же тупиковое.

Разумеется, никакого продвижения ни по одному из вопросов найдено не было. С. Ф. Ахромеев, обжегшийся в Москве на попытке найти решение по КРВБ, вел себя предельно жестко и ни на какие отклонения от официальных позиций не шел. Конечно, осуждать его за это ни в коем случае нельзя.

По сути дела, он стал жертвой той тактики, с помощью которой М. С. Горбачёв боролся со своими политическими противниками, пробивая лбами соратников и советников бреши в завалах *старого мышления*. Полученные синяки болели и получать новые не хотелось.

Где-то часа в три устроили перерыв, чтобы передохнуть. Немного размялись, поговорили на отвлеченные темы. Не помню, с чего начался разговор, но хорошо запомнил, как Ахромеев вдруг сказал Бартоломью:

— Вы знаете, я убежденный коммунист. Я абсолютно уверен, что будущее за коммунизмом, и я делаю и буду делать все, что в моих силах, чтобы оно наступило скорее. Да и могу ли я думать иначе? Я, крестьянский сын, которому советская власть дала все — знания, высокое положение, почет.

Впоследствии, когда осенью 1991 г. я узнал о самоубийстве Сергея Фёдоровича, у меня, ошеломленного, в памяти мгновенно возникла эта сцена — ночь, Вашингтон, Государственный департамент США. Вспомнилась абсолютная искренность, с которой он, утомленный ночной работой, поделился сокровенным с симпатичным ему собеседником. Думаю, что, будучи натурой цельной и искренней, он не мог пережить трагедии крушения того, во что свято верил. И как ни относиться к убеждениям другого человека, если эти убеждения столь тверды и глубоки, человек этот заслуживает величайшего уважения.

После вашингтонской встречи, в конце апреля — начале мая 1990 г., между Дж. Бейкером и Э. А. Шеварднадзе происходил обмен предложениями по проблеме КРВБ-ТБ, в результате чего наметилось сближение позиций. Но во всех вариантах решения США исходили из того, что критерий дальности для КРВБ должен быть не меньше 800 км, мы же по-прежнему настаивали на 600 км.

16 мая в Москве, в особняке МИДа на улице Алексея Толстого, началась очередная встреча министров иностранных дел СССР и США. Мне она запомнилась как связанная прежде всего с решением вопроса о рубеже дальности для КРВБ.

Два дня — 17 и 18 мая — американские и наши эксперты бились над узлом проблем КРВБ-ТБ, приводя к единому знаменателю договоренности, наметившиеся в начале мая. Вроде бы все получалось, за исключением рубежа дальности.

Выше уже говорилось о том, что стояло за нашей неуступчивостью. Была своя причина и у американцев. В США готовилась в производство крылатая ракета «Тэсит Рейнбоу», дальность действия которой должна была быть более 600, но менее 800 км. Ее не предполагалось оснащать ядерными боеголовками, но в соответствии с уже согласованными положениями¹ она должна была относиться к КРВБ «будущих типов» и в этом качестве ей следовало иметь видимые для инспекторов отличия от КРВБ в ядерном оснащении — по длине планера, форме сечения, конфигурации стабилизатора, узлам крепления и т. д.

С этим, однако, возникали сложности: «Тэсит Рейнбоу», спроектированная еще до того, как возникло требование об *отличимости* ядерных и неядерных КРВБ «будущих типов», в принципе могла быть превращена в ядерную, а у наших экспертов не было уверенности, что это переоснащение поддавалось бы обнаружению обусловленными в договоре средствами.

¹ Первые летные испытания ракеты «Тэсит Рейнбоу» были проведены до 31 декабря 1988 г., т. е. до той даты, которая, по достигнутой ранее договоренности, отделяла «существующие типы» КРВБ от «будущих типов» КРВБ. Однако договоренность оговаривала, что имеются в виду летные испытания, проведенные с тяжелого бомбардировщика. Поскольку ракета «Тэсит Рейнбоу» была испытана с самолета другого типа, она должна была рассматриваться как ракета «будущего типа».

Поздно вечером 18 мая переговоры были прерваны и американцы отправились в посольство докладывать Бейкеру о положении дел. Настроение было мрачное. Договоренность, которая, казалось бы, уже забрезжила, не получалась. Условились, что будем ждать реакции Бейкера на следующее утро.

К 8:00 19 мая, в субботу, вся наша команда была в особняке. Вскоре прибыл Э. А. Шеварднадзе. Стали перебирать возможные варианты на случай отказа американцев от рубежа в 600 км. Что делать в этом случае? Не рассматривался лишь один вариант — о нашем отказе от этого рубежа. Собственно говоря, от американской стороны требовалось, чтобы она, наконец, официально приняла рубеж дальности в 600 км и дала заверения в том, что крылатая ракета «Тэсит Рейнбоу» не будет нести ядерных зарядов. В этом случае советская сторона в порядке исключения соглашалась бы рассматривать ее как неядерную.

Между тем до отлета Бейкера из Москвы оставалось несколько часов, а ответа от него все не было.

Выйдя из зала, где проходило совещание, а точнее, коллективное томительное ожидание ответа, я увидел в дверях сотрудника американского посольства, пытавшегося объясниться со швейцаром. В руках у американца был пакет. Распечатав его и быстро пробежав текст, я понял, что все в порядке. Дж. Бейкер подтверждал, что «Тэсит Рейнбоу» является неядерной ракетой, и давал согласие на то, что «если неядерная КРВБ когда-либо была бы превращена в ядерную, в этом случае на эту ракету распространялись бы все ограничения Договора СНВ, относящиеся к ядерным КРВБ». Эти заверения давали нам возможность в настоящее время сделать исключение для «Тэсит Рейнбоу», не засчитывая ее в число ядерных боезарядов, что позволяло американцам согласиться наконец на 600 км в качестве минимального рубежа дальности и критерия для КРВБ большой дальности.

Конечно, сейчас все эти тревожления могут показаться сильно преувеличенными и попросту странными. Совсем другие, гораздо более крупные заботы волнуют людей. Да и от самой ракеты «Тэсит Рейнбоу», причинившей столько хлопот, США вскоре полностью отказалась, прикрыв программу.

И тем не менее, в истории переговоров по стратегическим вооружениям это был один из драматических моментов. США приняли нашу позицию по рубежу дальности, которую мы отстаивали с самого начала переговоров. Вообще, надо сказать, американцы на всех уровнях — очень жесткие переговорщики. Но поняв, что уперлись лбом в твердую стену, они, как правило, проявляют гибкость и находят разумные решения, если, разумеется, заинтересованы в договоренности.

Остается рассказать, чем закончилось выправление другой нашей ошибки — о «плавающих» уровнях и засчете КРВБ. Таких уровней в договоре нет. Вместо них предусмотрены фиксированные уровни — 180 для СССР с засчетом в пределах этого уровня по 8 КРВБ и 150 — для США с засчетом по 10 КРВБ. Сверх этих уровней засчет ведется по максимальной реальной оснащенности. Максимальная оснащенность для США — 20 КРВБ, для СССР — 16 КРВБ.

Так в конечном счете удалось поправить две ошибки, допущенные в ходе переговоров, — нефиксированные договоренности о рубеже дальности для КРВБ и занижение максимально допустимой оснащенности крылатыми ракетами большой дальности на наших тяжелых бомбардировщиках. И в том, и в другом случае помог «пакетный» подход. Но для этого потребовалось много времени и сил. Московская встреча министров в мае 1990 г. решила основные вопросы, связанные с ТБ и КРВБ. Однако и после нее продолжали всплывать детали, требующие согласования, — вопросы контроля, уточнение понятий и т. д.

Конфиденциальность и утечки

В декабре 1989 г. я оказался проездом в Вашингтоне¹. Мое кратковременное пребывание там было решено использовать для неофициального зондажа возможного решения проблемы крылатых ракет морского базирования. В то время это была главная заноза, которую мы пытались вытащить.

При всей важности этой проблемы она была, конечно, не единственная. Но другие проблемы либо должны были еще *вылежаться* (например, по мобильным МБР, по которым Вашингтон еще не определился — разворачивать или прикрыть проект), либо могли быть пока отложены. А нерешенность проблемы КРМБ тормозила продвижение по некоторым другим направлениям.

Формальных инструкций на эту встречу у меня не было. Было лишь устное благословение руководства МИДа. Конечно, в Москве я провел необходимую подготовку к этому разговору, посоветовавшись со своими коллегами не только в МИДе, но и в Генштабе. В результате я пришел к выводу, что главное для нас — получить гарантии от США, которые позволяли бы учитывать КРМБ большой дальности в связи с договором по СНВ, для чего необходимо знать их количество на каждый год и установить общий предельный уровень. Разумеется, возникал вопрос о контроле за соблюдением такого уровня.

Мы встретились с Бертом в кафе отеля «Мариотт», где я остановился. Уточнив организационные вопросы предстоящего в январе следующего года раунда, мы приступили к обсуждению КРМБ. Подчеркнув, что собираюсь поразмышлять вслух на эту тему, не имея на этот счет каких-либо

¹ В этой поездке я возглавлял группу экспертов, которые по приглашению американцев должны были посетить некоторые научно-технические центры США, занимавшиеся развитием противоракетной обороны.

инструкций, я просил Берта соблюсти особую конфиденциальность беседы и исключить возможность каких-либо ссылок на мои слова при более официальных встречах.

Подобные беседы в переговорной практике представляют собой определенный риск, поскольку недобросовестный собеседник может в дальнейшем ради выторговывания уступок другой стороны сослаться на допущенные в ходе неофициальной беседы отклонения от официальной позиции как на обещания эту позицию изменить. Однако без такого зондажа порой бывает невозможно выбраться из тупика и нащупать решение спорного вопроса. Подобные неофициальные беседы помогают обоим собеседникам подготовить предложения в свои столицы о таком изменении позиций, которое ведет к их сближению. К тому времени у нас с Бертом уже установились вполне доверительные отношения. Я имел возможность убедиться в его добросовестности и порядочности и знал, что он соблюдает правила переговорной игры.

Ко времени нашего разговора в отеле «Мариотт» позиции СССР и США по КРМБ были весьма далеки друг от друга. Советская сторона хотя и дала согласие на то, чтобы предел на ядерные КРМБ большой дальности устанавливался не в тексте договора, а иным путем (например, с помощью соответствующих взаимных обязательств в связи с договором), продолжала настаивать на контроле за соблюдением этого предела. Американцы возражали против контроля, ссылаясь на невозможность его осуществления. Для того чтобы повлиять на эту их позицию, советское руководство пошло даже на то, чтобы пригласить американских специалистов на эксперимент, который был проведен на крейсере «Слава» для демонстрации тех методов, которые могут быть использованы для обнаружения ядерных КРМБ. Не знаю, кто у нас додумался до такого эксперимента, во всяком случае, он был

заранее обречен на нулевой результат. Американцы, конечно, охотно согласились побывать на современном советском ракетоносце (не каждый день выпадает удача — за просто так познакомиться с секретами потенциального противника!), но, естественно, остались при своем прежнем мнении о невозможности контроля.

Не было также согласия ни в отношении характера обязательств об уровнях КРМБ, ни об их значении (мы называли 400 единиц для ядерных КРМБ большой дальности либо 1000 единиц для всех КРМБ, а США планировали развернуть 4000 единиц КРМБ, в том числе 758 ядерных КРМБ большой дальности). Наконец, не способствовали решению проблемы и наши попытки увязать КРМБ с сокращением военно-морских вооружений в более широком плане. США категорически против этого возражали.

Наш разговор в отеле «Мариотт» Р. Берт начал с подробного объяснения позиции США. Он говорил о невозможности для США принять на себя юридические обязательства в отношении КРМБ — в рамках договора или вне их, — поскольку такие обязательства потребовали бы ратификации, но, по его словам, не были бы ратифицированы. В то же время, говорил он, если бы стороны договорились заранее объявлять, сколько ядерных КРМБ большой дальности каждая из них собирается развернуть, не потребовалось бы контроля, так как по крайней мере в том, что касается США, они были бы связаны размером тех средств, которые ассигновывались Конгрессом США на такие КРМБ.

Я, со своей стороны, пытался выяснить, в каком направлении можно ожидать развития позиции США. У меня в результате разговора окрепло убеждение, что США не смогут пойти дальше обмена политическими заявлениями, приняв на себя какие-либо юридические обязательства в отношении КРМБ с их последующей ратификацией. Следовательно,

поиск решения необходимо было направить на разработку содержания политических обязательств, которые могли бы нас удовлетворить. Вокруг этого и шли наши рассуждения вслух.

Вернувшись в Москву, я рассказал о беседе с Бертом заместителю министра иностранных дел В. П. Карпову, который, собственно, и поручил мне провести этот зондаж. Он согласился с тем, что о контроле над КРМБ договориться не удастся, и добавил, что ведь при этом и наши КРМБ не будут контролироваться американцами.

Вскоре состоялась очередная «рабочая пятёрка», на которой обсуждался проект директив к предстоящему тринадцатому раунду переговоров. Дискуссия была острой. Представители МИДа пытались получить какие-то подвижки в нашей позиции на переговорах, в том числе по КРМБ, а военные на это не шли (в то время Генштаб еще не перестроил своих планов с учетом сокращений по договору). После моего, видимо, чересчур горячего выступления в пользу изменения позиций ведущий заседание генерал-полковник со словами «а вот я сейчас зачитаю один документ» открыл лежавшую перед ним папку и прочитал, что Ю. К. Назаркин в ходе встреч с Бертом в Вашингтоне, вместо того чтобы отстаивать позиции Советского Союза, отходил от этих позиций, допуская возможность ограничения КРМБ не в тексте договора, а путем односторонних заявлений, которые носили бы обязывающий характер, но не подлежали проверке путем инспекции судов. В этом была суть документа, хотя текст его был значительно более пространный.

Генерал закончил чтение и закрыл папку. Он не пояснил, что это за документ. Сам прочитанный текст также не содержал ссылок на какие-либо источники и никоим образом не раскрывал характера документа. Но та многозначительность, с которой он был оглашен, очевидно, предназначалась

для того, чтобы заставить думать, что документ является агентурным донесением, что, мол, от нас никуда не спрячешься, что каждое твое слово нам известно и что поэтому давай-ка ты не рыпайся.

В моей жизни это был первый случай, когда мне зачитали донос на меня. И конечно, ощущение было не из приятных. Прошло какое-то время, прежде чем я понял происхождение этого документа.

Американские газеты поступали в МИД с запозданием. И вот где-то в начале января 1990 г. ко мне наконец попадает «Нью-Йорк Таймс» от 19 декабря 1989 г. со статьей военного-политического обозревателя Майкла Гордона под заголовком «Советы смягчают свою позицию по КРМБ, — говорит американский источник». В этой статье была изложена та же информация, что и в документе, зачитанном на совещании «пятерки». А коль скоро это совещание состоялось через несколько дней после 19 декабря, очевидно, в документе, пришедшем в Москву, скорее всего, по «линии Генштаба», была пересказана статья М. Гордона. Неясно было лишь, кто опустил ссылку на статью — зачитывавший депешу генерал или ее авторы.

Эта утечка сильно осложнила согласование вопроса о КРМБ. Генштаб, не дававший санкции на консультации, использовал ее для обвинений МИДа в несогласованных действиях и заблокировал внесение изменений в нашу позицию по КРМБ. Только через полгода во время очередной встречи министров иностранных дел СССР и США с участием представителей Генштаба удалось развязать этот узел. Кстати, сделано это было на той основе, которая вырисовалась в ходе моих вашингтонских консультаций. В тех заявлениях, которыми стороны обменялись при подписании договора, СССР и США приняли на себя следующие политические обязательства:

— в течение всего срока действия договора каждая сторона будет указывать максимальное количество развернутых ядерных КРМБ с дальностью более 600 км на каждый год из последующих пяти лет действия договора;

— заявляемое количество ядерных КРМБ в течение срока действия договора не будет превышать 880 единиц.

Эти обязательства означали, что каждая из сторон будет знать на пять лет вперед о планах развертывания ядерных КРМБ большой дальности другой стороны, число которых никогда не должно превышать 880 единиц.

Кроме того, стороны обязались обмениваться конфиденциальной информацией о том, какие конкретно типы, т. е. какого класса, надводных кораблей и подлодок способны нести развернутые КРМБ, и о количестве ядерных КРМБ с дальностью между 300 и 600 км, развернутых на надводных кораблях и подлодках. Они обязались также не производить и не развертывать ядерные КРМБ с разделяющимися боеголовками индивидуального наведения и продолжить поиск взаимоприемлемых и эффективных методов контроля в отношении ядерных КРМБ большой дальности.

Разумеется, когда перед началом очередного раунда переговоров в Женеве я увидел Берта, я не преминул выразить ему свое возмущение разглашением нашего конфиденциального разговора. Подобные утечки осложняют ход переговоров, сковывают действия переговорщиков в поиске взаимоприемлемых *развязок*. И уж совсем недопустимо, когда в ходе таких утечек происходит искажение реальной картины, как это произошло в данном случае (мои *рассуждения вслух* были поданы американской газетой как изменение официальной позиции Советского Союза).

Лицо Берта покрылось красными пятнами.

— Я надеюсь, ты не думаешь, что это я дал утечку? — спросил он.

Пикантность ситуации усугублялась тем, что Берт когда-то сам работал военно-политическим обозревателем, причем именно в этой же газете — «Нью-Йорк Таймс». И он прекрасно понимал взрывчатую силу подобных утечек.

Я не подозревал Берта в умышленном разглашении информации хотя бы потому, что он сам был кровно заинтересован в успехе переговоров. Но он не обеспечил конфиденциальности, в результате чего кто-то из его коллег разгласил деликатную информацию в ущерб переговорам. Все это в весьма резкой форме я и высказал американцу.

Согласившись с этим, Берт заверил меня, что впредь будет соблюдать все меры предосторожности, чтобы подобных утечек не повторялось. И надо сказать, он сдержал слово. Конечно, нам еще не раз приходилось ступать на тонкий лед неофициальных поисков развязок — и по его инициативе, и по моей. Но больше ни разу мне не приходилось узнавать из газет о содержании наших доверительных бесед. Разумеется, аналогичную дискретность проявлял и я. Правда, мне было это легче делать, так как в то время наши журналисты еще не научились вынюхивать секреты, а редакции — публиковать их без оглядки на государственные интересы. Все это по-настоящему началось позже, уже после того как договор был подписан.

После того как инцидент был исчерпан и мы заказали еще по одному кофе, Берт стал вспоминать свой собственный журналистский опыт, связанный с добычей информации. Для меня это было чрезвычайно интересно.

Помню его рассказ, связанный с получением им информации о предстоявшей операции по освобождению американских заложников в Иране. Как он ее получил, он, естественно, не рассказал, но зато поведал, как его заставили не публиковать эту сенсацию. Его пригласили к высокому начальству в соответствующие органы и познакомили с планом операции по освобождению заложников, то есть

в общем сообщили то, что он уже знал от своих источников. «А теперь, — сказали ему, — если Вы опубликуете материал, то разгласите доверенные Вам совершенно секретные данные, что будет нарушением не только Вашего долга американского гражданина, но и законодательства США». Естественно, эта информация опубликована не была.

Конечно, журналист может купить информацию, может *вычислить* ситуацию. Но часто утечки бывают специально организованными, когда одна из сторон выпускает в средства массовой информации сведения, чтобы повлиять на общественное мнение своей страны либо на позицию другой стороны на переговорах. Дело это очень тонкое и рискованное, требующее тщательного и всестороннего учета всевозможных последствий, так как порой плохо продуманная утечка может дать эффект, прямо противоположный желаемому. По-английски такие последствия называются коротко и выразительно: «unintended consequences», т. е. непредусмотренные и нежелательные последствия.

За время переговоров, пока разрабатывался договор по СНВ, американская сторона не раз прибегала к утечкам. Мы же, как правило, шли на раскрытие хода переговоров в порядке реакции на американские утечки, для придания картине *сбалансированности*. По сути дела, до 1991 г. все то, что появлялось в нашей прессе, идентифицировалось с официальными источниками. Американцы же могли прикрываться *свободой печати*: сами, мол, не знаем, как эти проныры-журналисты докопались до этой информации, ну а запретить печатать то, что они хотят, не можем, ведь в свободной стране живем.

Внимание к этим переговорам в мире было очень велико. Приходилось часто выступать на пресс-конференциях, давать интервью, участвовать в различного рода дискуссиях. Каждый раз нужно было очень тщательно дозировать информацию,

чтобы не нарушить договоренности о конфиденциальности переговоров, проявлять осторожность, давая оценки уже найденным решениям: в чью пользу та или иная договоренность — СССР или США? Всегда следовало думать о том, как твоя оценка будет воспринята *по другую сторону баррикад* (не говоря уж о своей собственной стороне).

Р. Берт в своих выступлениях *на публику* был аккуратен. За все время переговоров с нашей стороны к нему не было ни одной претензии. Не возникало таких претензий и у американцев ко мне.

Но вот однажды в американской газете «Вашингтон Пост» была опубликована статья о переговорах, которая создала большую угрозу для договора. Статья появилась 3 апреля 1990 г. Это был сложный период, когда обеим сторонам еще предстояло принять трудные политические решения для того, чтобы подписание договора стало возможным. Написал статью военно-политический обозреватель газеты Джеффри Смит, обычно хорошо информированный, прекрасно разбирающийся в тонкостях военно-политических вопросов, серьезный журналист.

В статье давались оценки уже согласованным положениям договора с явным перекосом в пользу США. Договор «позволит США продолжать развертывать примерно такое же количество боезарядов, которым США располагают в настоящее время». Они «получат возможность развернуть средств примерно на 15 процентов больше, нежели имелось в их распоряжении восемь лет назад, когда были начаты переговоры о сокращении стратегических вооружений». «Договор не предусматривает ликвидации практически ни одного из тех американских стратегических вооружений, которые были произведены за последнее десятилетие в ходе процесса интенсивной модернизации. Не ограничивается договором и производство тысяч американских ядерных крылатых

ракет, ракет подводных лодок и авиационных бомб в дополнение к уже существующим». С таких утверждений началась статья. Каждое из них было достаточно тонко, даже лукаво сформулировано, чтобы не вступать в явное противоречие с действительностью.

В то же время картина в целом была серьезно искажена, причем с очевидным стремлением показать, какие выгоды получают США от заключения договора в ущерб Советскому Союзу. Взять хотя бы утверждение о том, что договор не ограничивает производство американских ядерных крылатых ракет, ракет подводных лодок и авиационных бомб. Да, действительно, договор таких ограничений не предусматривает, так как он вообще не касается сферы производства СНВ. Следовательно, оно не ограничивается и для другой стороны. Кроме того, взвесить уступки каждой стороны можно только в контексте всего договора: в отношении одних видов вооружений преимущества получала одна сторона, а по другим выигрывала другая.

Конечно, статья Дж. Смита подыгрывала тем кругам в администрации США, которые выступали за заключение договора. И видимо, внутри США свою положительную роль она сыграла. Но эффект, который статья произвела в Москве, вряд ли входил в расчеты ее автора.

Вскоре после появления статьи я оказался в Вашингтоне, где проходила очередная встреча министров иностранных дел СССР и США. После окончания одной из пресс-конференций, в которых я принимал участие, ко мне подошел Дж. Смит. Его интересовал вопрос, который он, естественно, не стал задавать во время пресс-конференции, — мое мнение о его статье от 3 апреля. Было видно, что его беспокоит резонанс от нее в Москве. Я откровенно ответил, что статья вооружает противников договора в Москве дополнительной аргументацией против его заключения, а высокая репутация

ее автора, известного своей объективностью и высокой профессиональной квалификацией, усугубляет негативное воздействие статьи.

— Вы считаете, что я искажил какие-нибудь факты? — с беспокойством спросил меня Смит.

— Каждый факт сам по себе вроде бы правилен, хотя некоторые из них поданы неточно. Но самое главное, что картина в целом получилась сильно искаженной: она тенденциозно показывает, какие выгоды получают США от заключения договора, умалчивая об их уступках в пользу СССР.

В то время я еще не знал, какая угроза на самом деле исходила от статьи. Узнал я об этом, когда вернулся в Москву. Она послужила основанием для секретаря ЦК КПСС О. Д. Бакланова вновь поставить перед политическим руководством Советского Союза вопрос о недопустимости заключения договора по СНВ, который якобы рубит под корень («и это признают сами американцы») всю обороноспособность советского государства.

Как я слышал, этот вопрос О. Д. Бакланова рассматривался на Совете обороны, где после острого обсуждения все-таки были подтверждены позиции, из которых исходила наша делегация на переговорах. В то время авторитет М. С. Горбачёва, хотя уже сильно подточенный, все же оказался достаточно высок, чтобы его слово оказалось решающим. Однако ситуация, возникшая в связи со статьей Дж. Смита, показывает, какие осложнения могут возникнуть из-за односторонних оценок.

Закулисная борьба вокруг договора велась, естественно, не только у нас, но и в Вашингтоне. Иногда кое-что на этот счет просачивалось в печать. Но я расскажу об одном случае, с которым мне пришлось непосредственно столкнуться. Он был связан с тяжелыми ракетами. Но сначала нужно пояснить, что это за проблема — тяжелые МБР.

На протяжении всех долгих лет, пока велись переговоры, вплоть до их заключительного этапа, вопрос о тяжелых МБР крайне болезненно воспринимался американцами. Дело в том, что эти ракеты были только у нас и, как видно, они представляли грозную опасность для США.

Еще на ранней стадии переговоров стороны условились, что к тяжелым МБР, на которые должны вводиться более жесткие ограничения, относились бы ракеты со стартовым весом, превышающим 106 т. Почему был установлен такой рубеж? Чисто прагматически. Первоначально американцы предлагали, чтобы рубеж проходил немного выше стартового веса их ракеты МХ («Пискипер») — 88,1 т. Тогда все американские ракеты относились бы к легким, а три типа наших ракет — к тяжелым. Договорившись о рубеже для тяжелых ракет в 106 т., мы тем самым включили в категорию легких наши ракеты РС-18 (SS-19)¹ и РС-22 (SS-24), стартовый вес которых был несколько меньше 106 т. Таким образом, к тяжелым ракетам был отнесен только один тип, имевшийся у нас, — огромная МБР РС-20 (SS-18), и по весу, и по габаритам более чем вдвое превосходившая все другие — и наши, и американские — ракеты².

Почему мы оказались обладателями такого монстра, а у американцев ничего похожего не было? Видимо, не потому, что американская техника не могла создать столь мощных двигателей, которые требовались для тяжелых ракет. Скорее наоборот, ее более высокий уровень позволял обойтись без них.

Отставая от американцев в точности наведения боеголовок на цель, мы старались компенсировать это отставание более мощными боезарядами. Утяжеляли наши ракеты и большие допуски, необходимые, например, для наших те-

¹ Здесь и далее в скобках даются НАТОвские обозначения наших ракет.

² Стартовый вес МБР РС-18—105,6 т; РС-22—104,5 т; РС-20—211,1 т.

плотстойких материалов, которыми облицовывались ракеты, и более громоздкая приборная часть. Ну конечно, нельзя забывать и того, что в силу особенностей нашего географического положения в стратегической триаде приоритет у нас отдавался наземному компоненту, в то время как США больший упор делали на воздушный и морской.

Как бы то ни было, у нас еще в 1960-е гг. появилась тяжелая ракета РС-20, оказавшаяся на редкость удачной. 308 таких ракет с дальностью действия 11 тыс. км, оснащенных 10 мощными боеголовками с высокой точностью попадания (по американским оценкам, это была в то время самая точная из наших стратегических баллистических ракет), представляли, несомненно, грозную силу. А большой забрасываемый вес (8,8 т — в два раза больше, чем у американской МБР МХ) создавал хорошие потенциальные возможности для преодоления средств ПРО.

Американцы с самого начала разработки договора по СНВ попытались добиться полного запрета и уничтожения ракет РС-20. Для обоснования такой позиции они ссылались на то, что это самый дестабилизирующий вид СНВ. Иными словами, в кризисной ситуации, когда дело дойдет до глобального конфликта, именно они выстрелят первыми, так как в противном случае их ШПУ будут подавлены первым ядерным ударом противника, причем одной боеголовки, ну максимум двух — для подстраховки, достаточно для того, чтобы уничтожить сразу десять мощных боеголовок. Это, мол, обстоятельство делает тяжелые ракеты особо привлекательной целью для первого ядерного удара, что, в свою очередь, побудит сторону, обладающую такими ракетами, не дожидаясь удара, самой нанести его этими ракетами.

Определенная логика здесь есть, но она применима отнюдь не только к тяжелым ракетам, а к любым многозарядным МБР шахтного базирования. Почему, например, МХ

менее дестабилизирующая ракета, чем РС-20? Она тоже шахтного базирования и тоже с десятью боеголовками. Причем повышенная точность¹ этой ракеты делает ее не менее, а более опасной по сравнению с РС-20, а следовательно, и более привлекательной как цель первого удара. Следуя той же логике, ракету МХ уж никак не отнесешь к менее дестабилизирующим по сравнению с ракетой РС-20.

Впрочем, оперируя концептуальными подходами там, где это было для них выгодно, американцы становились чистыми прагматиками в тех случаях, когда концепции входили в противоречие с их реальными интересами. Именно такая ситуация сложилась с мобильными МБР, о чем будет рассказано ниже.

Что же касается тяжелых МБР, то в конце концов договорились об их сокращении ровно наполовину: с 308 до 154 (к концу предусмотренного договором семилетнего периода уничтожения СНВ). Ведь первоначально весь договор замышлялся как пятидесятипроцентное сокращение всех СНВ. Эта договоренность была достигнута на рейкьявической встрече на высшем уровне в 1986 г. и затем зафиксирована в совместном заявлении М. С. Горбачёва и Р. Рейгана по результатам их следующей встречи — в Вашингтоне в декабре 1987 г. (в Рейкьявике согласовать каких-либо совместных документов не удалось).

Тем не менее американцы не считали вопрос о тяжелых МБР решенным и продолжали добиваться дальнейших ограничений на них, которые привели бы остающиеся 154 ракеты к постепенному вымиранию. Речь шла о запрете на их летные испытания и модернизацию, что действительно привело бы

¹ Круговое вероятное отклонение (КВО) ракеты МХ — 90 м, мощность боеголовки — 30 кт. Для сравнения: КВО нашей ракеты РС-20—230 м, мощность боеголовки — 500–550 кт. Данные приводятся по американским источникам.

к невозможности поддержания в боеспособном состоянии эти МБР.

Договориться о тяжелых ракетах удалось лишь в начале октября 1990 г. в результате встречи министра иностранных дел СССР Э. А. Шеварднадзе и государственного секретаря США Дж. Бейкера, которая состоялась в Нью-Йорке в ходе сессии ГА ООН. Американцы сняли свое требование о полном уничтожении тяжелых ракет, согласившись с некоторыми ограничениями на них — в дополнение к пятидесятипроцентному уничтожению. В результате в договор был включен запрет на создание новых типов таких ракет (с сохранением возможности модернизации существующих типов без увеличения их стартового и забрасываемого весов), мобильных пусковых установок, тяжелых МБР и тяжелых БРПЛ. Запрещалось понижать засчитываемое за тяжелой МБР количество боезарядов (10 единиц), хотя, разумеется, не возбранялось понижать это число в реальности (если тяжелая МБР была бы оснащена вместо 10 боезарядов, скажем, тремя, за ней все равно засчитывалось в суммарный уровень 6 тыс. единиц 10 боезарядов). Наконец, не допускалось создание дополнительных ШПУ тяжелых МБР, кроме как вместо ликвидированных.

Таким образом, эти ограничения касались в основном не существующих типов, а будущих, гипотетических вариантов. При всем напряжении фантазии невозможно представить себе какое-либо мобильное средство — железнодорожное и тем более грунтовое, — с которого можно было бы осуществить запуск громады весом более 100 т. И длиной в 40 м. Очевидно, такая задача очень трудноосуществима и применительно к подводной лодке. По сути дела, дополнительные ограничения сводились к неувеличению стартового и забрасываемого весов, которые и без того были невероятно большими, и к сохранению засчета 10 боезарядов независимо от их реального количества, т. е. к распространению

на тяжелые МБР того правила, которое должно было действовать и на большинство других ракет, как наших, так и американских. Что же касается ограничения в отношении новых ШПУ, то аналогичное ограничение было согласовано для всех МБР с той лишь разницей, что для всех ШПУ действовал общий ограничитель в 1600 носителей и 4900 боезарядов на БР, а для ШПУ тяжелых МБР действовал бы еще один ограничитель, который был уже давно согласован, — 154 единицы, или 50 процентов развернутых МБР.

Наибольшие сложности возникли при согласовании выдвинутого нами условия о строительстве новых ШПУ (как выяснилось, хотя у нас не было определенного намерения передислоцировать ШПУ тяжелых ракет, но хотелось на всякий случай сохранить такую возможность).

Встреча Э. А. Шеварднадзе с Дж. Бейкером происходила в нашем представительстве в Нью-Йорке. Пока они обсуждали другие вопросы (сокращение обычных вооружений, ближневосточная проблема и т. д.), Р. Берт и я в одной из комнат рядом с залом, где заседали министры, согласовывали предложения для доклада им. Время от времени то он, то я обращались к экспертам, которые располагались неподалеку, в небольшом холле. Когда дело дошло до последнего препятствия — передислокации ШПУ тяжелых МБР, Берт довольно долго совещался со своими экспертами, а затем сообщил мне, что он мог бы рекомендовать Дж. Бейкеру принять всю договоренность по тяжелым МБР как пакет, включая возможность передислокации, но что Бейкер наверняка поставит вопрос, зачем нам нужна эта передислокация. В наших инструкциях, предписывавших добиваться возможности передислокации ШПУ, к сожалению, не было никакой мотивировки. Я поэтому на свой страх и риск ответил, что готов объяснить ему, Берту, мотивы, но что не советую поднимать этот вопрос на встрече министров, так как в этом случае с нашей

стороны потребовался бы официальный ответ, что было бы значительно сложнее и дольше, поскольку потребовалось бы согласование с Москвой. Переговорив с Бейкером, Берт дал согласие и предложил подышать воздухом.

Мы вышли из нашей миссии и пошли вокруг квартала, где было наше здание: Шестьдесят седьмая стрит — Лексингтон — Шестьдесят шестая стрит — Третья авеню — Шестьдесят седьмая. Видимо, Берт считал, что вне родных для него стен, «которые слышат», я буду более откровенен.

Я действительно не знал, зачем нашим военным нужно было сохранить возможность передислокации тяжелых ракет, но решил на свой страх и риск высказать собственные суждения, подчеркнув, что я их высказываю в сугубо личном порядке. Начал я с напоминания об отсутствии в проекте договора аналогичных ограничений в отношении ШПУ других ракет (разумеется, в рамках общего ограничительно-го «потолка»)¹. «И это естественно, — продолжал я импровизировать, — поскольку нельзя исключать возникновения аварийной обстановки как в связи с длительным сроком эксплуатации, так и в результате землетрясения и других стихийных явлений, в результате чего дальнейшая эксплуатация шахт могла бы оказаться невозможной. Так почему же для тяжелых ракет должно быть сделано исключение?». «Ну ты же знаешь, что для нас ваши тяжелые — это особый случай, — отреагировал Берт. — А Казахстан?» — спрашивал он.

А надо сказать, что к тому времени в Казахстане действительно развернулось сильное антиядерное движение. Оно в первую очередь было направлено против Семипалатинского полигона, где проводились испытания ядерного оружия

¹ Не помню, почему наши указания предписывали возражать против запрета на передислокацию тяжелых МБР. Возможно, потому что американцы, одержимые стремлением зажать РС-20, настаивали на таком запрете.

(в результате этот полигон был закрыт). Но протесты раздавались и против дислоцированного в Казахстане ядерного оружия, основную часть которого составляли 104 развернутые тяжелые ракеты. В то время, однако, советское руководство старалось не выносить сора из избы. Поэтому я уклонился от прямого ответа (тем более что я и не располагал информацией на этот счет) и постарался перевести все дело в гипотетическую плоскость.

— Дело не в каком-либо конкретном регионе, поскольку речь не идет о потребности сегодняшнего дня, — отвечал я. — Однако можно представить себе, например, такую ситуацию. Скажем, когда-то какие-то ШПУ были построены на достаточном удалении от населенных пунктов. Однако в дальнейшем эти населенные пункты, разрастаясь, приблизились к этим ШПУ и население стало проявлять беспокойство по поводу опасного соседства. Ввиду существующей техники безопасности такое беспокойство необоснованно. Однако такие эмоции при их достаточно широком распространении могут стать серьезным политическим фактором, который нельзя было бы игнорировать, и в результате потребовалось бы перенести ШПУ в другое место.

Эти неофициальные разъяснения, сделанные в разговоре один на один, вполне удовлетворили американскую сторону. Берт на официальной встрече не поднял вопроса о мотивах возможной передислокации тяжелых МБР. Казалось бы, вопрос был исчерпан. Однако, к сожалению, он имел неприятное продолжение.

Вскоре после возвращения из Нью-Йорка в Женеву Берт попросил срочно с ним встретиться и с весьма встревоженным видом сообщил следующее. Министр обороны США Ричард Чейни, находясь (уже после нью-йоркской встречи министров иностранных дел СССР и США) с визитом в Советском Союзе, завел разговор с министром обороны

Д. Т. Язовым о том, почему, мол, СССР хочет передислоцировать часть ШПУ тяжелых ракет. На это будто бы Д. Т. Язов ответил, что советская сторона не собирается строить новые ШПУ для тяжелых МБР. У Чейни возник вопрос: почему Бейкер согласился на возможность их передислокации, если у советской стороны нет в этом никакой необходимости? Было заявлено, что до разъяснения этого вопроса делегация США не может продолжать работу по переводу на договорный язык нью-йоркской договоренности в отношении тяжелых МБР.

Выслушав это тревожное сообщение, я легко представил себе, в какое щекотливое положение попал Бейкер, а вместе с ним и Берт в результате такого ответа нашего министра обороны. Получалось, что и государственный секретарь, и руководитель делегации США пошли на неоправданные уступки Советскому Союзу. Сама по себе эта уступка была не бог весть какой, но при желании вашингтонские *ястребы* вполне могли раскрутить этот случай для *опорочения* всей линии Бейкера на достижение договоренностей с нами. Иными словами, дело пахло не только интригами в высших эшелонах власти США, но и высокой политикой. Вероятно, Чейни и поднял-то в разговоре с Язовым вопрос о передислокации ШПУ тяжелых МБР в провокационных целях. И он в этом преуспел, надо отдать ему должное.

Нужно было как-то реагировать. Для начала я выразил сомнение в правильности перевода или передачи слов Язова. Берт уверенно ответил, что исключает это, так как беседа велась в присутствии довольно широкого круга лиц и переводилась высококвалифицированными переводчиками, в том числе американскими. Я, откровенно говоря, не сомневался, что если потребовалось бы, американцы смогли бы представить нам запись беседы в подлиннике. Тем не менее я заявил, что немедленно снесусь с Москвой и что не вижу

возможности для дальнейшего обсуждения вопроса, пока и другая сторона, т. е. Д. Т. Язов, не внесет ясность в то, что было им на самом деле сказано.

Тем самым закончив официальную часть разговора, я, рассуждая в чисто личном плане, заметил, что даже если бы Язов и произнес приписываемые ему слова, между ними и нашей официальной позицией нет противоречия, так как отсутствие у нас сейчас планов строительства новых ШПУ не может исключать нашего намерения сохранить на будущее возможность такого строительства для передислокации шахт в случае возникновения непредвиденных обстоятельств, о которых мы говорили в Нью-Йорке. «Вот если бы именно так сказал Язов, то и вопроса не возникло бы», — реагировал Берт.

Вернувшись к себе (встреча происходила в кафе, расположенном вблизи и от нашей, и от американской миссий), я, естественно, срочно направил в Москву телеграмму с сообщением об обращении Берта и со своей оценкой ситуации. Предложив, чтобы со стороны Язова была срочно внесена ясность в возникшую ситуацию, я изложил ту мотивировку, которую выдвинул в Нью-Йорке в беседе с Бертом. Ее основной смысл сводился к тому, что даже если у нас нет сейчас планов строительства ШПУ тяжелых МБР, это не значит, что они не могут возникнуть в будущем. Надо сказать, что в Нью-Йорке я оформил эту мотивировку в виде записи беседы, которая должна была пойти в Москву с очередной диппочтой, но ни в одну из телеграмм, отправленных Шеварднадзе из Нью-Йорка, она включена не была, поэтому Язов о ней ничего и не знал. Возможно, это было ошибкой, хотя, с другой стороны, ведь требование о возможности передислокации шахт для тяжелых ракет было включено в наши директивы именно военными. Следовательно, у них все-таки были планы такой передислокации. К сожалению, до сведения министра

обороны эти планы своевременно доведены не были, почему он и отрицал их наличие в разговоре с Чейни.

Москва прореагировала быстро: уже через несколько дней Д. Т. Язов направил Р. Чейни послание, в котором наотрез отрицалось то, что американцы услышали от Язова (советская сторона не собирается строить новые ШПУ для тяжелых МБР), и не использовалась предложенная мною возможность уточнения того, что было сказано. Была допущена и другая ошибка: говоря о том, что мы будем осуществлять строительство ШПУ для тяжелых МБР одновременно с ликвидацией таких ШПУ, сообщалось, что это будет делаться при модернизации наших тяжелых МБР. Подготавливавшийся договор не лишал нас права на это, но вполне можно было бы обойтись без упоминания о модернизации, чтобы не подливать масла в огонь, в котором горел еще не согласованный до конца вопрос.

Конечно, обе эти ошибки были использованы вашингтонскими противниками договора для срыва договоренности по тяжелым МБР. Чтобы ее сохранить, потребовалось готовить еще одно послание, которое на этот раз было подписано не только Д. Т. Язовым, но и Э. А. Шеварднадзе и адресовалось Р. Чейни и Дж. Бейкеру. В нем говорилось, что сейчас у нас нет планов передислокации ШПУ тяжелых МБР, но что мы не можем исключать такую возможность как из-за возникновения аварийной обстановки, так и по соображениям невоенного характера, в частности — в связи с происходящими у нас в стране внутривнутриполитическими процессами.

Кроме того, было согласовано совместное заявление сторон, в котором фиксировались следующие договоренности:

— замена ШПУ тяжелых МБР производится только в случае их уничтожения в результате аварии или других исключительных обстоятельств;

— при возникновении необходимости в передислокации ШПУ сообщаются причины и планы такой передислокации.

Подозрительность американцев в отношении тяжелых МБР проявилась и еще в одном случае. По условиям договора процесс уничтожения СНВ должен протекать в течение семи лет. Возник вопрос, как пройти этот семилетний путь, чтобы ни на одном из его участков ни у той ни у другой стороны не возникло военных преимуществ. Каждая сторона старалась перетянуть канат на себя: мы хотели, чтобы вначале ликвидировалось больше тех вооружений, по которым у США было преимущество, а МБР, особенно их современные типы, которые являлись (и являются) нашим главным козырем, оставались бы на потом. Американцы, естественно, добивались прямо противоположного.

Само собой разумеется, решать этот вопрос можно было только при обеспечении полной равномерности процесса ликвидации СНВ, с взаимным учетом существовавшей асимметричности. После того как обе стороны согласились с таким подходом, довольно просто удалось договориться и о деталях. Весь семилетний процесс ликвидации разделялся на три этапа: первый — три года, второй и третий — по два года каждый. Установлены цифры (они зафиксированы в тексте договора) уровней носителей, в том числе баллистических ракет, боезарядов на них. Казалось бы, вопрос должен быть исчерпан. Однако и здесь американцы заговорили о гарантиях того, что тяжелые МБР будут уничтожаться равномерно, а не в последнюю очередь. И вновь начался торг.

Как объясняли наши военные, для них возникла чисто практическая, административная проблема. Ликвидация ракет должна была осуществляться по соответствующим воинским подразделениям. Уничтожили сколько-то ракет, входящих, скажем, в дивизион, — расформировали этот дивизион. Не знаю, почему и как, в конце концов, они сняли

эти свои возражения, но в ноябре 1990 г. наконец договорились уничтожать по 22 тяжелые ракеты в год. Таким образом, к концу первого — трехлетнего — периода из 308 таких ракет у нас должны были оставаться 242, к концу второго этапа — 198 и еще через два года — 154. Эта договоренность была оформлена без включения в сам договор — путем обмена письмами глав делегаций...

На финишной прямой

По мере того как переговоры продвигались к завершению, а Советский Союз — к своей кончине, на политическом горизонте все больше сгущались темные тучи, что вызывало серьезные сомнения в возможности заключения договора по СНВ.

В Женеву все явственнее доносились отзвуки обострявшейся борьбы в высшем политическом руководстве СССР. Все сильнее и заметнее стали импульсы тех сил, которые усиливали свою оппозицию к М. С. Горбачёву и стремились не допустить заключения договора. Препятствия возрастали день ото дня. В то же время официально главная задача — скорейшее заключение договора — оставалась в силе.

До тех пор пока председатель КГБ В. А. Крючков был в числе сторонников М. С. Горбачёва, представители Комитета демонстрировали максимальную лояльность. Я неоднократно слышал от них, что их главная задача — способствовать скорейшему заключению договора. Не могу сказать, что они сильно помогали. Представители этого ведомства в делегации не обладали достаточными экспертными знаниями, чтобы вносить свой вклад за переговорным столом. Но по крайней мере до поры до времени они не мешали. Обстановка стала меняться, когда председатель КГБ стал рулить в сторону от М. С. Горбачёва. Соответственно представители

этого ведомства в Женеве сменили свою улыбочивость на недоброжелательную подозрительность.

Я стал ощущать, что встречи в узком составе с руководителем американской делегации привлекают к себе внимание, причем явно неблагоприятное для меня. Я стал расширять состав встреч за чашкой кофе. Кроме того, располагался за одним и тем же столом, чтобы не создавать дополнительных технических сложностей нашим спецслужбам, если они установят подслушивание. Отказ же от таких встреч грозил затянуть переговоры, так как они играли роль дирижера. Стоило по тем или иным причинам пропустить две-три встречи, и на переговорах начинались сбои.

Конечно, работать стало значительно труднее. Но по настоящему гром грянул в конце декабря 1990 г., когда Э. А. Шеварднадзе в драматической форме заявил об уходе в отставку с поста министра иностранных дел. Об этом много в свое время писали, анализировали мотивы отставки и ее последствия. Расскажу о том, как я воспринял отставку Э. А. Шеварднадзе и как она сказалась на переговорах.

Вечером 19 декабря в Женеву пришла телеграмма, вызвавшая меня в Москву «для участия в подготовке позиций». Вызов был очень некстати, так как раунд завершался и я все равно через несколько дней прибыл бы в Москву; дел было невпроворот, а рутинная формулировка вызова не пролила никакого света на то, почему я должен бросить делегацию в горячие дни завершения раунда. На следующий день я позвонил заместителю министра Карпову и, объяснив ситуацию, спросил, нельзя ли несколько дней, до перерыва, обойтись без меня. На что мне было сказано, что вызывают меня по личному указанию министра и что лучше бы мне не задавать дурацких вопросов, а поскорее ехать в аэропорт. На следующий день я вылетел.

Первое, что я услышал от водителя, везшего меня из Шереметьева, — об отставке Э. А. Шеварднадзе. А дома по программе «Время» я смог увидеть кадры его выступления 20 декабря на сессии съезда народных депутатов с заявлением об отставке и предупреждением о готовящемся сторонниками «жесткой» линии перевороте.

Впоследствии я узнал, что сразу после выступления Э. А. Шеварднадзе М. С. Горбачёв созвал человек шесть близких ему людей и стал советоваться, что делать. На вопрос одного из них, знал ли он о намерениях Шеварднадзе, Горбачёв ответил, что о его настроениях уйти он знал, но что тем не менее выступление Шеварднадзе 20 декабря было для него неожиданным.

Я так и не знаю, зачем был вызван в Москву. Возможно, Э. А. Шеварднадзе, готовясь к выступлению на сессии, но не с заявлением об отставке, а по внешнеполитическим проблемам, захотел узнать из первых рук о положении на переговорах, об их перспективах, о препятствиях на пути к заключению договора. Об этом остается только гадать.

С февраля 1991 г. в Женеву из Москвы стала наведываться так называемая «группа высокого уровня» во главе с заместителем министра иностранных дел (в ней были также представлены Секретариат ЦК КПСС, Министерство обороны и ВПК). Впрочем, главным действующим лицом был в ней представитель Генштаба генерал-лейтенант Ф. И. Ладыгин, за которым всегда было последнее слово. Это бросалось в глаза и американцам, о чем свидетельствуют Майкл Бешлосс и Струоб Тэлбот в книге «На самом высоком уровне. Закулисная история окончания холодной войны»¹. Говоря о встрече советской и американской групп на уровне заместителей министров (советская группа возглавлялась

¹ *Beschloss M., Talbott S. At the Highest Levels. The Inside Story of the End of the Cold War. Little Brown & Co. 1993. 536 p.*

А. А. Обуховым, а американская — Р. Бартоломью) в Женеве 26 июня 1991 г., они пишут: «Американцы были снова поражены тем, как мало было свободы у советских дипломатов для переговоров. Обухова сопровождал генерал-лейтенант Фёдор Ладыгин, глава Договорно-правового управления советского Генштаба, который, и это бросалось в глаза, обладал правом сказать *последнее слово* по поводу любых уступок, которые предстояло сделать»¹.

Конечно, и у американской стороны были свои сложности. На переговорах они проявлялись в том, что все чаще договоренности, которые достигались в Женеве, дезавуировались американской стороной и, соответственно, тщательно составлявшиеся «пакеты» рассыпались. Впоследствии в упоминавшейся выше книге М. Бешлосса и С. Тэлбота я прочитал: «В Женеве Ричард Берт, глава делегации США на переговорах по СНВ, пребывал в полной растерянности. Он направлял администрации одно предложение за другим относительно того, как решить застопорившиеся вопросы. Он достигал предварительных договоренностей со своим советским коллегой Юрием Назаркиным, и все это отклонялось Вашингтоном — часто по личному распоряжению Скоукрофта»²³.

Надо сказать, Р. Берт был весьма изобретателен в составлении компромиссных «пакетов». Но по мере того как они отклонялись, у него все чаще портилось настроение, и он впадал в пессимизм. У Берта уже давно было предложение уйти в частный бизнес (речь шла о его участии в крупной консалтинговой фирме), но он откладывал свой переход, расчитывая на скорое завершение переговоров. Но вот наконец

¹ Ibid. P. 403.

² Брент Скоукрофт (1925–2020) — генерал-лейтенант ВВС США, советник президента США по национальной безопасности при Дж. Форде (1975–1977) и при Дж. Буше-старшем (1989–1993).

³ *Beschloss M., Talbott S. At the Highest Levels... P. 373.*

он, по-видимому, не видя реальных перспектив заключения договора и опасаясь упустить заманчивое предложение, принял решение покинуть администрацию, устроил прощальный прием и где-то в марте 1991 г. уехал. Вместо него главой делегации был назначен его заместитель Линтон Брукс.

Симпатичный, очень симпатичный человек. И очень знающий. В прошлом он был капитаном ядерной подлодки. Ушел с флота, как он с юмором говорил, после того как растолстел и перестал пролезать в люк подлодки. Вообще с юмором у него было все в порядке. Помню, как на одном из заседаний он очень сильно закашлялся. Настолько сильно, что, казалось, он сейчас задохнется. Хотели послать за врачом. Улучив небольшую паузу между приступами кашля, Брукс просипел: «В случае моей смерти переговоры продолжит мой заместитель миссис Офаллон».

С Бруксом нам и предстояло вытаскивать договор, который висел буквально на волоске. И в Москве, и в Вашингтоне были силы, которые старались пустить его под откос. Наиболее крупные вопросы были решены, но подписанию договора препятствовало отсутствие договоренностей по нескольким вопросам, которые нельзя было решить без участия начальников генеральных штабов.

Наиболее крупным из нерешенных вопросов было так называемое «снижение количества боезарядов». Суть проблемы заключалась в том, что обе стороны были заинтересованы в получении права на понижение засчитываемого числа боезарядов на своих МБР и БРПЛ, но никак не могли договориться об условиях такого понижения. Эти условия важны были с точки зрения «возвратного потенциала». Иными словами, в случае разрыва договора ни одна сторона не должна была иметь преимущество, если пожелала бы восстановить пониженное число боезарядов и тем самым увеличить свой ядерный потенциал. А поскольку у каждой стороны были

свои планы снижения числа боезарядов как на МБР, так и на БРПЛ некоторых типов, а наши и американские ракеты, естественно, имели свои технические особенности, все это предстояло взвесить на высокоточных весах. Роль таких весов должны были сыграть переговоры тех лиц с каждой стороны, которые не только знали все нюансы своих вооруженных сил, но и имели право принимать решения в отношении этих сил. Такими лицами были начальники генеральных штабов.

Другим нерешенным вопросом оставалось определение нового типа баллистической ракеты. Он был связан с проблемой снижения количества боезарядов, поскольку стороны не имели права зачислять за МБР нового типа количество боезарядов, превышающее наименьшее количество боезарядов, которое числится за любой МБР, за которой данная сторона зачислила уменьшенное количество боезарядов. Аналогичное правило было установлено и в отношении БРПЛ.

Все существовавшие на момент подписания договора типы баллистических ракет были перечислены с указанием их технических характеристик в приложенном к договору меморандуме. Но где грань между модернизацией существующего типа и новым типом? Трудности определения этого были связаны с тем, что каждая сторона имела свои планы в отношении создания новых типов баллистических ракет и не хотела, чтобы определение новых типов ущемляло ее интересы.

Были и еще нерешенные вопросы, относящиеся к тяжелым бомбардировщикам и крылатым ракетам воздушного базирования, доступу к телеметрической информации, сбрасываемой с ракет во время испытательных пусков, и некоторые другие.

Для достижения договоренностей по всем этим нерешенным вопросам советская сторона предложила провести встречу министров иностранных дел и начальников генштабов, но председатель американского Объединенного комитета начальников штабов Колин Пауэлл, сославшись на занятость

в связи с операцией «Буря в пустыне» в Ираке (1991), направил на встречу своего заместителя. Ввиду этого М. А. Моисеев, который был в то время начальником советского Генштаба, не поехал на встречу и направил на нее своего заместителя Омеличева. Встреча окончилась безрезультатно: за исключением нескольких мелочей, ни один вопрос решен не был, полномочия замов оказались недостаточными.

4 июля 1991 г. американцы давали прием по случаю Дня независимости, одного из главных национальных праздников. Дело было днем. В тенистом саду, где находилась резиденция американского посла-представителя при Женевском отделении ООН, играл оркестр морской пехоты, маршировали задорные голоногие мажоретки, выделявая различные кунштюки с жезлами. Рекой лилась кока-кола, которой многочисленные гости запивали хот-доги и другие незатейливые американские яства.

Увидев Брукса, я предложил ему отойти в сторону, сказав, что у меня есть серьезный разговор. Изложил я ему примерно следующее:

— Для того чтобы завершить согласование договора, нужно решить несколько чисто военных вопросов, а это могут сделать только начальники наших генштабов. Если этого не сделать в ближайшее время, делегации могут разъезжаться, так как делать им в Женеве больше нечего. Я понимаю занятость Пауэлла, но без него и Моисеева, без их непосредственного контакта вопросы решить невозможно. Последняя встреча министров иностранных дел показала это. Я готов направить в Москву предложение о новой встрече министров иностранных дел, если будет гарантия, что на этот раз Пауэлл примет участие во встрече.

Брукс очень внимательно меня выслушал и сказал, что постарается дать мне ответ завтра. Действительно, на следующий день он сообщил мне, что Пауэлл примет участие

во встрече, если Моисеев сможет приехать в Вашингтон, так как Пауэлл должен все время держать руку на пульсе в своем генштабе из-за войны с Ираком (операция «Буря в пустыне»). Я отправил в Москву сообщение о беседе с Бруксом с предложением о новой встрече министров иностранных дел с участием начальников генштабов. Такая встреча состоялась в Вашингтоне 11–15 июля.

Указания о вылете в Вашингтон на министерскую встречу я не получил и остался в Женеве дожидаться ее результатов. Вернувшийся из Вашингтона Брукс сообщил мне радостное известие: встреча прошла успешно, по всем нерешенным вопросам достигнуты принципиальные договоренности, встреча на высшем уровне для подписания договора состоится в Москве 31 июля, и делегациям предстоит в срочном порядке перевести достигнутые договоренности на договорный язык, т. е. отразить их в соответствующих договорных текстах. Москва, однако, хранила молчание. Впоследствии я узнал, что в это время Моисеев убеждал руководство нашей оборонной промышленности дать согласие на вашингтонские договоренности. Аналогичные проблемы возникли и у американской стороны, но Пауэлл сумел сломить сопротивление Скоукрофта еще во время вашингтонской встречи¹.

Наконец на мой срочный запрос МИД подтвердил сказанное Бруксом и пообещал передать тексты договоренностей. Время, однако, шло, а тексты из Москвы не поступали. Рассудив, что все равно договорные тексты мы будем согласовывать сначала на английском языке, а потом я их буду докладывать в Москву в переведенном виде, я решил не терять времени на ожидание и дал согласие Бруксу на встречу всех наших групп и подгрупп для завершения договора и всех связанных с ним текстов. Работа закипела. Шла она в буквальном смысле круглосуточно. Каждый день в Москву

¹ *Beschloss M., Talbott S. At the Highest Levels...* P. 373.

отправлялись новые тексты на апробацию. Одновременно шла выверка ранее согласованных текстов на предмет аутентичности русского и английского вариантов, а также с целью вылавливания разного рода *блох*.

Тем временем из Москвы подъехали принимавшие участие в вашингтонской встрече начальник Договорно-правового управления Генштаба Ф. И. Ладыгин и представитель Л. Н. Зайкова В. Л. Катаев. Они привезли согласованные в Вашингтоне и одобренные в Москве тексты.

29 июля 1991 г. в 11:00 в советской миссии в Женеве началась процедура парафирования договора. Естественно, Брукс и я обменялись приличествующими случаю торжественными заявлениями и взаимными поздравлениями с историческим достижением. А потом начался сам процесс парафирования, т. е. проставления Бруксом и мной наших инициалов на каждой странице договорного текста, причем не только под самим договором, но и под всеми сопутствующими документами — приложениями, двусторонними и односторонними заявлениями и т. д. Всего страниц 400–500. Текст был огромный, предстояло парафировать четыре экземпляра — два русских и два английских¹. По договоренности с американцами эта процедура велась попеременно то в американской, то в нашей миссиях (расстояние между ними было небольшое). Поэтому весь процесс занял несколько часов.

Американцы согласились последнюю встречу провести в нашей миссии. У нас был зал, напоминавший по своей торжественности кремлевский — Георгиевский. А в американской миссии были сугубо казенные, мрачные помещения. Американцы предложили на заключительной встрече обменяться ручками, которыми стороны поставят в тексте договора последние точки. Для этой процедуры они

¹ Каждая сторона должна была иметь русский и английский парафированные тексты договора.

изготовили специальные ручки с двумя гербами, флагами и прочими украшениями. Со времени появления компьютеров я ручками не пользовался, а если требовалось что-то подписать, то брал какую-нибудь шариковую, которая оказывалась под рукой. Ну не обмениваться же с Бруксом таким примитивом! Я поручил протоколисту подобрать в швейцарских магазинах что-нибудь более репрезентативное. Что и было сделано.

30 июля все экземпляры договора, запечатанные в большой дорожный чемодан, были доставлены в Москву. Вся делегация на специально присланном самолете тоже отправилась в Москву. Настроение у всех было праздничное: поставленная задача выполнена, мы победили.

31 июля утром, незадолго до церемонии подписания, я зашел в кабинет В.П. Карпова. Нужно было условиться о некоторых формальностях, связанных с предстоящей церемонией. Вопреки своей обычно сдержанной манере он бурно приветствовал меня и сказал: «Я до самого последнего времени не думал, что договор получится. Много, очень много было подводных камней. Ты, может быть, не обо всем знаешь. Поздравляю тебя».

Не скрою, мне было особенно приятно получить поздравления именно от Карпова — профессионала высшей категории, знавшего и понимавшего все тонкости и нюансы, связанные с подготовкой договора. Пройдя с 1969 г. все этапы переговоров по ограничению стратегических вооружений, он в 1985 г. был первым руководителем той делегации, которую я принял в 1989 г. и которая сейчас пришла к финишу.

А через несколько часов во Владимирском зале Большого Кремлевского дворца президент СССР М.С. Горбачёв и президент США Дж. Буш-старший подписали Договор о сокращении и ограничении стратегических наступательных

вооружений (Договор СНВ-I). Эта церемония завершила переговоры, которые были начаты 12 марта 1985 г.

На церемонии присутствовал, помимо Брукса, и Ричард Берт, специально прилетевший из Вашингтона. По-моему, он был сильно расстроен тем, что не довел переговоры до конца и ушел в отставку за несколько месяцев до подписания договора.

Несмотря на большую усталость из-за напряженной работы, нервного напряжения и недосыпа в течение последних *штормовых* недель, в первые дни после подписания я находился в состоянии эйфории. К чувству глубокого внутреннего удовлетворения достигнутым добавлялись многочисленные поздравления от всех знакомых и даже многих незнакомых. Поздравляли меня очень многие — в кабинетах, коридорах, лифтах высотного здания на Смоленской площади и вне его. Особенно растрогал постовой государственной автоинспекции, остановивший меня в первых числах августа за превышение скорости. Узнав при заполнении протокола, что я из МИДа, и взглядевшись, он спросил:

— А не Вас ли показывали по телевизору, как Вы подписывали стратегический договор?

Я объяснил ему, что подписывал договор М. С. Горбачёв, а я незадолго до этого парафировал его, что действительно демонстрировалось по программе «Время». Постовой порвал акт о штрафе за нарушение, вернул мне водительские права и сказал:

— Все равно молодец. Двигайте дальше, только поосторожнее.

Последние его слова, относившиеся, несомненно, к соблюдению правил дорожного движения, я тем не менее воспринял как напоминание о тех рискованных ситуациях, через которые мне пришлось пройти совсем недавно на переговорах.

Легкое эйфорическое состояние усиливалось предвкушением предстоящего отпуска (не отдыхал я уже три года). Нужно было сделать лишь два дела — проследить, чтобы были правильно собраны и разосланы депутатам и их экспертам для изучения все относящиеся к договору документы (один набор составлял более 900 страниц), и ходатайствовать перед руководством МИДа о вынесении благодарности сотрудникам, на чью долю выпала наиболее тяжелая и ответственная работа.

Вся делегация работала на заключительном этапе в каком-то порыве. Многие из сотрудников провели на переговорах долгие трудные годы. И увидев свет в конце туннеля, они рванулись к финишу, работая по 17–18 часов в сутки. Этот дух самоотверженного служения цели охватил всю делегацию. Ни о каком *подтягивании дисциплины* не было и речи. Напротив, приходилось напоминать наиболее работавшимся, что не мешает время от времени передохнуть, чтобы *не сойти с дистанции*.

Но вот цель достигнута — договор подписан. Очевидно, надо было хотя бы сказать несколько добрых слов тем, кто, не жалея своих сил и здоровья, выполнил поставленную задачу. Это можно было бы сделать, собрав делегацию и всех тех, кто помогал подготовке договора в Москве, скажем, в особняк МИДа на улице Алексея Толстого. Но все мои попытки организовать такой прием не получались. Министр был в отпуске, а его замы, ссылаясь на отсутствие полномочий, советовали подождать его возвращения. А вернулся он, как известно, только 18 августа — по экстренному вызову Государственного комитета по чрезвычайному положению в СССР (ГКЧП)...

«АРАБСКАЯ ВЕСНА» В ЙЕМЕНЕ

При подготовке этого материала я просмотрел большое количество находящейся в открытом доступе информации по Йемену и с удивлением обнаружил, что изложенная в них хронология событий не всегда соответствует действительности. Я постарался восстановить последовательность этих событий и дать им свою оценку, поскольку сам был их свидетелем либо непосредственным участником.

Мое самое первое знакомство с этой удивительной страной началось 25 августа 1980 года, когда я прилетел в Сану в качестве студента 5-го курса МГИМО на преддипломную практику по стечению обстоятельств одним рейсом с новым Послом СССР в Йемене, известным арабистом Олегом Герасимовичем Пересыпкиным. Первое поручение, которое я от него получил, состояло в том, чтобы перевести на арабский язык и напечатать на специальном гербовом бланке верительные грамоты, которые ему затем предстояло вручать Президенту ЙАР Али Абдалле Салеху. На это у меня ушел весь выходной день, т.к. печатать я не умел вообще, тем более на машинке с арабскими буквами, которые имеют (каждая) четыре варианта написания...

Вот такие воспоминания. В общей же сложности работе в Йемене, как на Юге в Адене, так и на Севере в Сане, я отдал более 9 лет. Наиболее сложной и потому особенно запомнившейся командировкой в Йемен была последняя — с сентября 2013 года по октябрь 2016 года.

* * *

События «Арабской весны», начавшиеся в декабре 2010 года в Тунисе, мощной волной прокатились по странам Северной Африки и Ближнего Востока, что привело к смене режимов в ряде из них, в том числе в Йемене.

27 января 2011 года (через два дня после Египта, за событиями в котором йеменцы всегда внимательно следили) в йеменской столице Санае начались массовые демонстрации протеста против режима Президента А. Салеха, находившегося к тому времени у власти почти 33 года. Главной движущей силой этих демонстраций стали студенты Санского университета, большинство из которых были сторонниками партии «Ислах» (Реформа). Масло в огонь протестов по нарастающей подливал катарский телеканал «Аль-Джазира». В марте после расстрела снайперами 52 демонстрантов на сторону «Ислаха» и протестующих перешел генерал Али Мохсен вместе со своей бронетанковой дивизией, что по сути привело к расколу йеменской армии. Движение хуситов «Ансаралла» в целом активно поддержало массовые протесты против режима А. Салеха и выступило за проведение в стране демократических реформ...

Под мощным давлением протестующих А. Салех трижды обещал уйти в отставку и трижды отказывался от выполнения своего обещания. Однако после покушения на него Аль-Ахмар в мечети Президентского дворца 3 июня 2011 года, когда он чудом остался жив, он спецрейсом был вывезен в Саудовскую Аравию на лечение.

23 ноября 2011 года в Эр-Рияде было подписано Соглашение о передаче власти. Этот документ предусматривал отставку А. Салеха, передачу президентских полномочий Вице-президенту Абдераббо Мансуру Хади, двухлетний переходный период, в течение которого будет проведена

Конференция по национальному диалогу (КНД), как «дорожная карта» переходного периода, разработана новая Конституция с последующими парламентскими и президентскими выборами. В этом контексте хотел бы отметить уникальность йеменского переходного политического процесса с точки зрения инклюзивности и формата национального диалога. На том этапе именно это ставилось в пример другим арабским странам, в том числе в Совете Безопасности ООН.

18 марта 2013 года после длительной подготовительной работы в Сане открылась Конференция по нацдиалогу, координацию деятельности которой осуществлял Спецпредставитель Генерального секретаря ООН по Йемену марокканец Джамаль Беномар.

...Я прилетел в Сану в качестве советника-посланника Посольства 15 сентября 2013 года одним рейсом с вновь назначенным Послом России в Йемене В. П. Дедушкиным в самый разгар работы Конференции. Обстановка в стране была достаточно сложной, в том числе из-за серьезных разногласий между делегатами КНД (всего их было 565), а также отказа южан от участия в ней.

Одним из приоритетов работы Посольства в тот период были регулярные встречи «десятки послов» стран — гарантов йеменского политпроцесса (в том числе пяти постоянных членов СБ ООН). На проходивших поочередно в посольствах этих стран встречах, включая Посольство России, всегда присутствовал Дж. Беномар, который подробно информировал нас о ходе КНД. Как-то раз Дж. Беномар один приехал к нам в Посольство на беседу с просьбой о содействии с нашей стороны по одному из вопросов Конференции, поскольку его отношения с В. П. Дедушкиным приобрели доверительный характер. Хотел бы особо отметить, что во многом благодаря выдержке, опыту и профессионализму

Дж. Беномара удалось найти развязки и компромиссы и урегулировать наиболее сложные проблемы и разногласия между участниками КНД.

Работа Конференции проходила на фоне непрекращающихся терактов в столице — так, в октябре один из охранников посла Германии был убит на парковке возле супермаркета, в ноябре работающие в Йемене двое граждан Белоруссии были застрелены возле гостиницы, где они остановились, а в декабре мощный взрыв заминированной машины скорой помощи потряс комплекс зданий Министерства обороны ЙР с последующим расстрелом нескольких пациентов военного госпиталя. Как выяснилось, за этим терактом стоял генерал Али Мохсен, тесно связанный с «Ислахом». Президент А. Хади позднее утверждал, что целью этой атаки был именно он, так как в тот день планировал посетить своего родственника, находившегося на лечении в военном госпитале.

В начале января 2014 года служба радиоперехвата хуситов зафиксировала телефонный разговор руководителя Администрации Президента ЙР Ахмеда Бен Мубарака с Председателем йеменского парламента, в ходе которого обсуждался проект нового административного деления страны на 6 провинций (вместо прежних 22). В случае реализации этого проекта хуситы теряли выход к побережью Красного моря, что для них было неприемлемо. В тот же день хуситы перехватили кортеж А. Бен Мубарака, изъяли у него документы с проектом нового административного деления и предали их огласке. При этом хуситы заявили, что в ходе КНД обсуждался совершенно иной, но консенсусный вариант административного деления страны. Они также обнародовали факты сотрудничества Бен Мубарака с британской спецслужбой что, по их заявлению, говорило о том, чьи указания он выполняет.

Несмотря на серьезные разногласия между делегатами Конференции Дж. Беномар сумел ее завершить 24 января

2014 года и выйти на компромиссные решения. Началась кропотливая работа по подведению итогов КНД и выработке путей реализации ее решений и рекомендаций (всего более двух тысяч). Одним из решений КНД стало продление срока президентских полномочий А. Хади еще на 1 год.

Продлив переходный период йеменского политпроцесса, Правительство приступило к назревшим экономическим реформам. Однако на этом пути Президент А. Хади совершил роковую ошибку, отменив в июне 2014 года по рекомендации Международного валютного фонда государственные субсидии на бензин и дизельное топливо и не просчитав при этом последствия этого решения. За один день цены на топливо взлетели более чем в два раза, на заправках выстроились километровые очереди, в стране стало быстро нарастать недовольство политикой Правительства.

В этих условиях хуситы из своей вотчины (провинции Саада) двинулись на юг в сторону столицы с тем, чтобы, как они говорили, «восстановить справедливость и навести порядок». После продолжительных и ожесточенных боев с лояльными «Ислаху» воинскими частями хуситы взяли Амран и подошли к Сане. Президент А. Хади призвал йеменские племена в близлежащих провинциях сплотиться и отстоять столицу, но хуситы в течение пяти дней масштабных боев все-таки взяли Сану. При этом генерал Али Мохсен сумел сбежать из окружения в районе Санского университета и был вывезен, как потом выяснилось, саудовским спецназом на вертолете.

Для стабилизации обстановки при активном участии Дж. Беномара было оперативно подготовлено и 21 сентября 2014 года подписано Соглашение о мире и партнерстве, многие положения которого отражали подходы хуситов. К тому времени их Движение уже стало по сути ведущим игроком на политической арене Йемена и основным претендентом

на власть в стране. В соответствии с Соглашением было сформировано новое Правительство технократов во главе с Халедом Баххахом. (А. Хади позднее заявил, что подписывал Соглашение «под дулом пистолета».)

Несмотря на принимаемые новым Правительством меры в стране нарастал социально-экономический кризис и как следствие — обострялись отношения А. Хади с хуситами. В этой напряженной обстановке 21 января 2015 года Президент А. Хади подал в отставку, спустя два часа заявление об отставке подписал Премьер-министр Х. Баххах. Расчет был сделан на хаос и дезорганизацию управления в стране, а ответственность за это должны были в полной мере нести хуситы. Однако этот план не сработал, хуситы взяли А. Хади и Х. Баххаха под домашний арест и ввели комендантский час. Чтобы заполнить вакуум власти, Дж. Беномар попытался сформировать временный высший орган — так называемый Президентский совет ЙР с участием ведущих политических сил страны, однако эти попытки окончились безрезультатно. Хуситы в создавшейся ситуации распустили парламент страны (позднее они признали, что это была ошибка) и 6 февраля 2015 года создали временный орган государственной власти — Высший революционный совет (ВРС) ЙР, который возглавил Мухаммед Али Аль-Хуси.

В этих чрезвычайных условиях США и другие страны Запада закрыли и экстренно эвакуировали свои посольства из Саны, причем американцы вывезли своих сотрудников charterным рейсом в течение суток. В аэропорту столицы они бросили около двух десятков своих машин с дипномерами, сняв с них аккумуляторы. Из иностранных дипмиссий в Сане остались посольства Ирана, Сирии, Ливана, представительства ООН и Международного Комитета Красного Креста.

На этом этапе хуситы допустили еще одну оплошность, позволив А. Хади принимать, находясь под домашним

арестом, своих родственников. 21 февраля поздно вечером во время очередного визита членов его семьи А. Хади, переодевшись в женскую одежду, сумел сбежать из-под ареста и ночью на машине уехал в Аден, объявил его столицей Йемена, отозвал свою отставку и заявил о продолжении исполнения президентских полномочий. Хуситы в ответ двинули свои войска на юг в сторону Адена. При поддержке Республиканской гвардии А. Салеха хуситы достаточно быстро вышли к Адену и блокировали его. А. Хади был вынужден бежать через Маскат (Оман) в Саудовскую Аравию. На этом этапе А. Салех, несмотря на крайне сложную историю своих отношений с хуситами (шесть войн в провинции Саада), решил пойти на тактический союз со вчерашними противниками, рассчитывая на восстановление своего прежнего влияния в стране.

1 марта 2015 года состоялся первый рейс иранской авиакомпании «Махан» из Тегерана в Сану, затем количество рейсов стало увеличиваться. Налаживание сотрудничества хуситов с иранским режимом переполнило чашу терпения саудовцев и перевело обсуждение в Эр-Рияде варианты восстановления власти А. Хади в Йемене в практическую плоскость. Новый министр обороны Саудовской Аравии 29-летний принц Мухаммед Бен Сальман (МБС его устоявшаяся аббревиатура) получил согласие Короля на подготовку военной операции в Йемене, к которой сразу же подключились американские и британские военные советники.

На министерской встрече Лиги арабских государств в египетском Шарм-Аш-Шейхе 23 марта саудовский министр иностранных дел Сауд Аль-Фейсал заявил, что для восстановления законной власти в Йемене Саудовская Аравия готова использовать все (это он повторил дважды) имеющиеся у нее средства. Это по сути стало последним предупреждением Эр-Рияда.

Операция «Буря решимости» под руководством Мухамеда Бен Сальмана началась около 3-х часов ночи 26 марта 2015 года. Авиация наскоро созданной саудовцами Арабской коалиции (КСА, ОАЭ, Кувейт, Катар, Марокко, Египет, Судан), к которой позднее присоединился еще ряд арабских государств, нанесла массированные авиаудары по военным и гражданским аэродромам, системе ПВО, электростанциям. Авианалеты готовились и проводились с использованием спутниковой группировки США, американских систем разведки, целеуказания и целенавешения, а также самолетов-заправщиков. На первом этапе дозаправку саудовских истребителей в воздухе проводили американские экипажи. Военная авиация и системы ПВО Йемена были практически полностью уничтожены в первые сутки операции. У хуситов и войск А. Салеха остались только зенитные пулеметы, из которых они вели огонь по саудовским самолетам — иногда прямо от стен нашего Посольства.

В связи с нарастающей эскалацией военных действий по согласованию с Центром Посольство приступило к эвакуации из Йемена своих сотрудников, а также граждан России, СНГ и других стран. Всего было эвакуировано более двух тысяч человек. Часть сотрудников Генконсульства России в Адене и группа граждан СНГ были эвакуированы российским военным кораблем в Джибути и затем самолетом в Москву, а основная эвакуация осуществлялась самолетами из Саны. Посол В. П. Дедушкин с супругой и группой сотрудников Посольства вылетел в Москву 9 апреля, а я был назначен Временным поверенным в делах России в Йемене. О ходе эвакуации ежедневно докладывал директору ДБВСА МИД России.

В связи с тем, что решение сохранить минимальный состав нашего Посольства в Йемене принималось в последний момент и заранее предсказать, как будут развиваться

события в стране тогда никто не мог, оказалось, что на счетах Посольства в йеменском банке денег нет (по указанию Центра они были оперативно перечислены в другие банки), касса бухгалтерии также пуста, т. к. вся наличность при эвакуации была вывезена в Москву. В Посольстве не осталось средств на оплату счетов за электричество, интернет, мобильную связь, бензин, дизельное топливо, а также зарплату сотрудникам йеменской внешней охраны и садовникам, не говоря уже о зарплате сотрудникам Посольства. Однако выход был найден достаточно быстро — директор Валютно-финансового департамента МИДа с учетом чрезвычайных обстоятельств разрешил нам реализовать на местном рынке три автомашины эвакуированных сотрудников без проведения конкурсных процедур. Таким образом Посольство расплатилось по своим счетам и успело пополнить запасы дизельного топлива до того, как с ним начались серьезные перебои.

После эвакуации в Посольстве остались 4 дипломата, включая военного атташе и его помощника, водитель, группа сотрудников «Заслон» и группа Сил специальных операций. Все наши выезды в город были жестко регламентированы — только в бронированном «Ленд Крузере» и в сопровождении вооруженной охраны.

Одновременно с началом военной операции в Йемене Саудовская Аравия установила наземную, морскую и воздушную блокаду страны. Последствия этой блокады стали нарастать после того, как саудовская авиация разбомбила все электростанции, снабжавшие столицу электроэнергией. Отключения городской электросети стали происходить все чаще, и вскоре Посольство было вынуждено перейти на электроснабжение только за счет своих электрогенераторов, а это требовало бесперебойных поставок дизельного топлива, что оказалось зачастую крайне сложно. Дизтопливо поставлялось в Сану через порт Ходейда танкерами под

контролем саудовской коалиции и ООН, что требовало длительной (порой несколько недель) процедуры согласования, при этом объемы поставок сокращались. В этих условиях Посольство было вынуждено ввести жесткий режим экономии дизтоплива с отключением электрогенераторов на 10 часов ежедневно (8 часов ночью и 2 часа днем). Установили также ночное патрулирование территории Посольства сотрудниками охраны, так как освещение и видеокамеры в это время не работали. Дважды из-за перебоев в поставках топлива нам пришлось запастись фонарями, свечами и набирать полную ванну воды (без электричества воду из скважин насосы, понятно, не качали). В этой ситуации на помощь Посольству пришел А. Салех — после того как я позвонил его соратнику по партии Всеобщий народный конгресс Арифу Зуке. По указанию А. Салеха несколько сот литров дизтоплива слили из баков двух танков на окраине столицы и привезли в Посольство. А. Зука и руководство хуситов позднее говорили мне, что сохранение Посольства России в Санае было для них принципиально важным морально-психологическим фактором поддержки в их борьбе с вооруженной агрессией саудовской коалиции.

20 апреля саудовская авиация нанесла самый мощный удар по складам боеприпасов Республиканской гвардии в горах на окраине Саны. Это была тяжелая либо американская, либо израильская авиабомба, способная пробивать несколько метров скального грунта. Взрыв был такой силы, что в радиусе шести километров от эпицентра были выбиты все стекла в окнах. Вернувшись домой, я обнаружил, что и в моей квартире в окнах выбиты стекла (4 км от места взрыва). Кроме тяжелых авиабомб саудовская авиация неоднократно наносила удары кассетными и фосфорными боеприпасами, что было официально подтверждено международными организациями, равно как и неизбирательность этих ударов.

После двух месяцев массированных авианалетов саудовская коалиция, не сумев поставить Йемен на колени, была вынуждена начать наземную операцию на юге страны в Адене. Затем сухопутные войска коалиции предприняли наступление на севере с саудовско-йеменской границы, включая провинции Асир, Джизан и Наджран (бывшие йеменские территории). Наиболее ожесточенные и затяжные бои проходили в йеменской провинции Мариб и южнее на расстоянии около семидесяти километров от Саны. Продвинуться дальше к столице войска коалиции, основу которых составляли суданские наемники, не смогли, поскольку в горах бронетехника теряла свою эффективность. Серьезные потери сухопутные части саудовской коалиции понесли от ракетных ударов, которые Национальная гвардия А. Салеха наносила по лагерям и скоплениям живой силы и техники, в том числе в районе Мариба, где погибло большое количество солдат и офицеров ОАЭ, а также на саудовской авиабазе Хамис Мушейт, на которой находились десятки офицеров — советников США и Великобритании. Кстати говоря, ни одна из стран саудовской коалиции за весь период военной операции в Йемене ни разу официально не сообщала о своих потерях. По разным оценкам, Саудовская Аравия потеряла от одной до трех тысяч своих военнослужащих, сопоставимые потери понесли и Эмираты, а потери Судана были в разы больше.

В течение всего лета 2015 года по указанию Главного штаба ВМФ России в Красном море в районе Ходейды находился российский военный корабль. Его командир каждое утро выходил на связь со мной и спрашивал о ситуации в столице и есть ли необходимость в эвакуации оставшихся сотрудников Посольства. Каждый раз я ему отвечал, что такой необходимости нет, и что Посольство работает в штатном режиме.

Моя первая официальная встреча с Председателем Высшего революционного совета Йемена Мухамедом Али Аль-Хуси состоялась при весьма необычных обстоятельствах. Вечером 9 мая 2015 года мы готовились отметить день Победы, накрыли стол в зале под открытым бассейном (там сверху мощное бетонное перекрытие). В девятом часу вечера, отдав сотруднику Посольства очередную информацию для Москвы, я вышел из своего кабинета. И тут раздался телефонный звонок — помощник М. А. Аль-Хуси сообщил, что тот ждет меня в Президентском дворце через тридцать минут. Мы оперативно собрались и с усиленной охраной выехали из Посольства. Президентский дворец был в полной темноте в целях светомаскировки, дорогу по его территории помощник освещал фонариком мобильного телефона. Беседа с Председателем ВРС проходила в беседке в саду Президентского дворца также в полной темноте. М. А. Аль-Хуси просил проинформировать Москву и нашего Посла в Эр-Рияде для ответа МБС, что хуситы не могут согласиться с предложенным саудовской стороной местом и форматом переговоров (ранее МБС через нашего Посла в Эр-Рияде предложил провести на территории Саудовской Аравии встречу с делегацией хуситов для обсуждения возможных путей урегулирования межйеменского конфликта. В качестве гарантии безопасности делегации хуситов МБС предложил участие в этой встрече российского Поверенного в делах). Проводить переговоры на территории агрессора хуситы категорически отказались, мое участие в них они также сочли избыточным и расценили как пропагандистскую уловку Эр-Рияда.

Дальнейшие наши встречи проходили, как правило, по инициативе Председателя ВРС, дважды в периоды затишья он приглашал меня в Республиканский дворец на беседу, затем на обед и угощал сочным барашком и пальчиковыми

бананами с медом из Хадрамаута. Сложившиеся между нами отношения были исключительно доверительными.

Встречи с А. Салехом были, как правило, более официальными и в ряде случаев с участием прессы и телевидения. Правда, один раз, когда разговор предстоял достаточно сложный и конфиденциальный, я попросил его удалить журналистов — одного движения его пальца было достаточно, чтобы они исчезли. Все встречи с А. Салехом проходили в разных местах, о которых заранее мы ничего не знали. Иногда он поднимал тему своего сына Ахмеда (бывший командующий Республиканской гвардией и бывший Посол Йемена в ОАЭ), находившегося тогда под домашним арестом в Абу-Даби, с просьбой о содействии России в его освобождении. В мае 2015 года в йеменской прессе и на телевидении широко подавался ответ Президента Российской Федерации В. В. Путина на поздравительное послание А. Салеха по случаю 70-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне.

В августе 2016 года Движение хуситов и ВНК А. Салеха объединились в рамках Высшего политического совета Йемена. После торжественной церемонии подписания соответствующего Соглашения в интервью журналистам я в целом охарактеризовал его как «шаг в правильном направлении», так как он расширял социальную базу процесса межйеменского урегулирования. Однако эта фраза была воспринята в арабских СМИ, в том числе в репортаже канала «Аль-Джазира», как кардинальное изменение позиции России в пользу власти захвативших Сану «повстанцев». Более того, на следующий день на первой странице подконтрольной А. Салеху газеты крупным планом был размещен снимок ракетного крейсера «Москва» с заголовком «Российский флот движется к йеменским берегам». Шумиха вокруг моего интервью улеглась только через несколько дней после наших разъяснений, в т. ч. на уровне заместителя Министра

иностранных дел М. Л. Богданова, о том, что Россия по-прежнему рассматривает в качестве международно признанного только Правительство Президента А. Хади.

Несколько раз А. Салех по своей инициативе приезжал в Посольство, однако каких-либо серьезных вопросов в ходе беседы не поднимал. Наиболее деликатные вещи он предпочитал обсуждать через своего доверенного помощника. Запомнилась достаточно сложная эпопея с эвакуацией из Саны в Москву семьи А. Салеха, состоявшей из 32 человек (женщины и дети). При этом с самого начала он выразил готовность оплатить все расходы, включая аэродромное обслуживание, заправку самолета топливом в аэропорту Каира и оплату работы экипажа. Москва достаточно быстро положительно отреагировала, и семья А. Салеха была эвакуирована спецрейсом Минобороны России. Как выяснилось позднее, саудовцы плотно отслеживали все связанные с этим телефонные звонки и контакты, в том числе, чтобы не допустить выезда из Саны значимых фигур из окружения А. Салеха. Именно поэтому после посадки спецрейса поздно вечером в аэропорту Каира для дозаправки все находившиеся на его борту пассажиры проверялись египетскими спецслужбами два с половиной часа. Нервы были на пределе не только у А. Салеха, но и у нас в Посольстве.

Хорошие отношения сложились и с наиболее близким соратником А. Салеха по ВНК Генеральным секретарем партии Арефом Зука. Когда в условиях блокады начались перебои с поставками в Сану дизельного топлива, А. Зука лично выходил на связь со мной для решения проблемы с дизтопливом.

Среди руководителей Движения «Ансаралла» особое место занимал Салех Саммад. Спокойный и рассудительный, он подробно рассказывал о политической и идеологической платформе Движения хуситов, отмечая при этом, что она

не имеет ничего общего с идеологией иранского режима. Он неоднократно подчеркивал, что главная цель хуситов — это создание независимого, демократического, суверенного, но при этом светского йеменского государства с обеспечением полного равноправия женщин. К сожалению, увидеть это ему не довелось, он погиб в Ходейде в результате удара саудовского беспилотника по его машине, к днищу которой был прикреплен радиомаяк.

Частым гостем в Посольстве был заведующий международным отделом Политсовета Движения «Ансаралла» Хусейн Аль-Иззи, который впоследствии стал заместителем Министра иностранных дел ЙР.

Руководитель делегации хуситов на межйеменских переговорах в Женеве и Кувейте Мухаммед Абдесалям, проявивший себя как умелый и гибкий переговорщик, по мере возможности ставил меня в известность о перипетиях переговорного процесса, который неоднократно оказывался на грани провала. Он, кстати, дал мне понять, что согласие хуситов на проведение переговоров именно в Кувейте стало возможным благодаря моим аргументам (они категорически отказывались ехать в Кувейт, считая его страной-агрессором). Я же сумел убедить их тем фактом, что единственная в составе Арабской коалиции кувейтская артиллерийская батарея была в то время расположена в глубине саудовской территории и в обстрелах Йемена не участвовала. Межйеменские переговоры в Кувейте велись под патронатом ООН (продолжались с перерывами около четырех месяцев) и в отличие от Женевы, где удалось договориться только об обмене пленными и доставке гуманитарной помощи, были наиболее продуктивными и во многом способствовали сближению позиций сторон.

Хорошую информационную подпитку я получал и от йеменских военных. Наиболее значимые операции на фронтах

мне кратко описывал заместитель начальника Генерального штаба (хусит), за голову которого, кстати, саудовцы обещали заплатить 20 млн долларов. О текущих военных событиях мне подробно рассказывал полковник Минобороны Йемена Абдель Кудус Хашеб (выпускник советского военного училища). Он же активно помогал мне продолжить, несмотря на войну и блокаду, программу обучения в российских ВУЗах йеменских студентов. Выделенную Россотрудничеством квоту для Йемена мы практически в полном объеме выполнили. Причем в 2015 г. первая партия студентов выехала из Саны на автобусах через южные провинции страны, ряд районов которых контролировала «Аль-Каида». На границе с Оманом их встретили по моей просьбе консульские работники нашего Посольства и помогли им с вылетом в Москву.

После того, как в апреле 2015 года Дж. Беномар ушел в отставку (с одной стороны его жестко критиковали саудовцы и Президент А. Хади за якобы симпатии к хуситам, с другой — он сам заявил, что саудовское вооруженное вмешательство в йеменский конфликт только усугубит его), новым Спецпосланником Генсека ООН по Йемену был назначен мавританец Исмаил ульд Шейх Ахмед, работавший до этого в Йемене несколько лет в качестве одного из координаторов гуманитарных программ ООН. В отличие от Дж. Беномара он не вникал глубоко в йеменские реалии и демонстративно держал дистанцию от хуситов и А. Салеха. Тем не менее, во время визитов в Сану он каждый раз встречался со мной и подробно интересовался ситуацией в стране и возможными подвижками в подходах хуситов и А. Салеха к проблемам межйеменского урегулирования, в том числе на переговорах в Кувейте.

Характерно, что предложенный впоследствии Госсекретарем США Джоном Керри план по урегулированию йеменского конфликта по своим базовым параметрам был близок

к позиции хуситов, и прежде всего их требованию о создании политически нейтрального и консенсусного органа власти, который будет контролировать процесс демилитаризации и сдачи тяжелых вооружений на армейские склады всеми сторонами конфликта, взаимного отвода войск и перехода к политическому урегулированию. Мои попытки убедить хуситов не отвергать его с порога, а взять за основу для дальнейшего обсуждения не увенчались успехом. Мне было сказано, что «если бы этот план исходил от России, мы бы с ним согласились, а американский проект для нас по определению неприемлем». Эмоции, к сожалению, в очередной раз взяли верх.

Ситуацией в Йемене регулярно интересовался и Постпред России при ООН в Нью-Йорке В. И. Чуркин. Так, в начале мая 2016 года вечером из Нью-Йорка раздался телефонный звонок, и помощник Виталия Ивановича соединил меня с ним. В связи с предстоящим заседанием СБ ООН по Йемену Постпред спросил меня, что сейчас самое важное для Посольства России в Йемене. Мой ответ был однозначным — безопасность, поскольку массированные авиаудары саудовцев иногда происходили буквально в 200-х — 300-х метрах от посольской территории. На заседании СБ ООН В. И. Чуркин, сославшись на телефонный разговор с Поверенным в делах, в достаточно жесткой форме предупредил Саудовскую Аравию о серьезных последствиях в случае нанесения какого-либо ущерба Посольству России либо его сотрудникам, а также несоблюдения положений Венской Конвенции 1961 г. В другой раз со мной связался заместитель В. И. Чуркина В. К. Сафронков и по его поручению просил меня оперативно выяснить обстоятельства «вооруженного захвата хуситами Посольства ОАЭ в Сане» в связи с предстоящим обсуждением этого инцидента на заседании СБ ООН. Уточнив детали, я сообщил В. К. Сафронкову, что вооруженного захвата Посольства ОАЭ в Сане как такового

не было, поскольку хуситы сами его охраняют. Суть дела была в том, что служба радиоперехвата хуситов зафиксировала высокую интенсивность электронного излучения в одном из зданий эмиратского Посольства. Зайдя в это здание, хуситы обнаружили мощный комплекс радиоэлектронной разведки, который после изучения его базы данных был выведен из строя. Внимательно выслушав меня, В. К. Сафронков заметил, что эти обстоятельства сути дела не меняют, т. к. неприкосновенность территории и имущества Посольства ОАЭ была нарушена.

Тот факт, что за весь период работы Посольства в условиях гражданской войны в Йемене и массированных авианалетов саудовской коалиции на его столицу ни один из сотрудников не получил ни одной царапины, говорит об эффективности принятых нами мер безопасности, хотя элемент везения, безусловно, тут тоже есть. Наши дворники-йеменцы почти ежедневно выметали с территории Посольства осколки авиабомб, металлическое ограждение и заборы Посольства были пробиты насквозь в нескольких местах. Но особую опасность несли малокалиберные снаряды зенитных установок, которыми хуситы отбивали налеты саудовской авиации. Дело в том, что некоторые снаряды, не достигнув цели в воздухе, падали на землю и взрывались (хотя должны были самоуничтожиться в воздухе). Один из таких снарядов упал и взорвался во внутреннем дворике здания Посольства, куда выходила дверь моего кабинета. Сидевший у меня вечером военный атташе А. В. Киб (артиллерист и ракетчик по образованию) видел вспышку и взрыв и на другой день нашел осколки этого зенитного снаряда. Два таких же снаряда упали рядом с бассейном, взорвались и разбили стоявшие там лежаки.

Необходимо отметить, что в условиях блокады Йемена разрешение на пролеты наших спецрейсов в Сану, в том

числе для доставки российской гуманитарной помощи и замены сотрудников группы «Заслон», давались саудовцами редко и с задержками. По этим вопросам мы работали в тесном контакте с нашим Послом в Эр-Рияде О. Б. Озеровым.

Рейсы йеменской авиакомпании «Аль-Йемания» в Каир и Амман саудовцы разрешали только с обязательной посадкой в их аэропорту Биша (около часа лета от Саны) с тщательным досмотром багажа и проверкой пассажиров. Мне трижды удалось воспользоваться этими рейсами для отправки и получения диппочты через наше Посольство в Иордании. Каждый раз офицеры саудовской миграционной службы в аэропорту Биша забирали мой дипломатический паспорт и увозили его в здание аэропорта на 30–40 минут, при этом по поводу диппочты вопросов не возникало.

В июне 2016 года мне позвонил представитель Международного Комитета Красного Креста в Йемене (с ним сложились очень хорошие отношения) и попросил о срочной встрече. Когда я приехал к нему, то оказалось, что накануне по дороге в офис МККК была похищена одна его сотрудница и о ее судьбе и местонахождении ничего не известно. Руководство МККК в Женеве рекомендовало ему обратиться за содействием к зарубежным партнерам в Сане, в том числе и в российское Посольство. Обсудив с ним все возможные варианты, я остановился на Омане, репутация которого в подобных делах заслуживала уважения и особого внимания. И действительно, два месяца спустя мне сообщили, что сотрудницу Красного Креста удалось найти и освободить при содействии оманских спецслужб.

Особую роль в освещении йеменских событий в российских СМИ сыграла собкор ВГТРК в Брюсселе Анастасия Попова. Во время месячной командировки в Сану (июль — август 2016) Настя вместе с оператором сняла серию репортажей, которые были показаны по российскому телевидению.

Но прежде чем к ним приступить, она подробно расспрашивала меня о реалиях йеменской политической жизни.

Объединение ВНК и Движение хуситов в рамках Высшего политического совета ЙР в августе 2016 года вызвало крайне негативную реакцию эмигрантского Правительства А. Хади и Саудовской Аравии, которая в ответ запретила все рейсы йеменской авиакомпании в Каир и Амман. В сложившейся ситуации Посольство лишилось возможности получить с диппочтой материалы, необходимые для проведения выборов депутатов Государственной Думы в сентябре 2016 года. В тот период саудовцы оставили разрешение на пролеты только для рейсов ООН по маршруту Джибути — Сана — Амман. Узнав об этом, я встретился с Представителем ООН в Йемене и сумел убедить его разрешить мне вылет ооновским самолетом в Амман, обосновав эту поездку возможностью поставки новой партии российской гуманитарной помощи Йемену. Таким образом я смог получить в нашем Посольстве в Иордании все материалы, необходимые для проведения в Сана выборов депутатов Госдумы.

Гражданская война в Йемене, которая постепенно нарастала с 2011 года, приобрела наиболее ожесточенный характер летом 2014 года в основном между Движением хуситов «Ансаралла» и лояльными А. Салеху воинскими частями с одной стороны, и поддержавших Президента А. Хади частями йеменской армии (армия оказалась расколотой), вооруженными формированиями партии «Ислах» и племенами клана Аль-Ахмар — с другой. Саудовская Аравия выступила в поддержку А. Хади, что еще больше обострило внутрийеменский конфликт. Возникший вакуум власти, особенно в южных и восточных провинциях страны, стали быстро заполнять террористические организации — «Аль-Каида на Аравийском полуострове» (АКАП) и «Исламское Государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ). При этом, если АКАП проводила

теракты против йеменской армии, полиции и органов безопасности, то боевики ИГИЛ взрывали мечети, рынки и другие места массового скопления людей. Необходимо отметить, что хуситы безжалостно боролись и с теми, и с другими, поэтому саудовцы и сторонники А. Хади, действуя по принципу «враг моего врага — мой друг», периодически координировали свои действия с террористами и проводили совместные с ними операции против хуситов. Интересно, что со временем АКАП приобрела определенную социальную поддержку среди населения восточных провинций страны в основном за счет того, что сумела наладить работу коммунальных служб, школ и больниц, ликвидировать коррупцию, т. е. навела элементарный порядок на подконтрольных территориях в условиях фактического безвластия. В интернете в это время активно продвигался видеоролик о массовом митинге на стадионе в Мукалле (столица провинции Хадрамаут) в поддержку АКАП. Впрочем, продолжалось это недолго.

Моя йеменская командировка в этот раз завершилась 6 октября 2016 года, когда Саудовская Аравия дала наконец разрешение на пролет в Сану спецрейса Минобороны России. Этим рейсом прилетела моя замена — старший советник А. Г. Черновол. Когда минут через 20 после взлета я увидел в иллюминаторе нашего Ил-62 волны Индийского океана, то с облегчением вздохнул. После промежуточной остановки на сутки в Джибути мы наконец приземлились в Москве. Через месяц началось оформление документов в мою следующую командировку — в Постоянное представительство России при Организации исламского сотрудничества в Джидде (Саудовская Аравия).

Тем временем гражданская война в Йемене продолжалась, то затихая, то разгораясь с новой силой. В сложившейся в конце 2017 года на фронтах боевых действий патовой ситуации А. Салех пришел к выводу, что власть в Йемене

можно вернуть, если ликвидировать военное присутствие хуситов в столице и уничтожить их политическое руководство. Эти вероломные планы А. Салех по своим каналам координировал с Эр-Риядом и рассчитывал на его поддержку. Как выяснилось позднее, хуситы знали о подготовке мятежа, но не стали А. Салеху мешать. К тому же многие офицеры лояльных А. Салеху частей отказались участвовать в мятеже против тех, с кем они воевали плечом к плечу почти 3 года. А. Салеха впервые в жизни подвело политическое чутье, и мятеж изначально был обречен на провал. Предпринятая 29 ноября 2017 года попытка переворота в Санае была сразу же поддержана мощными ударами саудовской авиации. В Эр-Рияде, и прежде всего МВС, были уверены в успехе мятежа. Однако хуситы за два дня сумели его подавить. А. Салех не стал ждать развязки и со своим ближайшим окружением бежал из Саны. Но уже 4 декабря хуситы перехватили его кортеж в местечке Санхан — выстрелом из гранатомета они остановили его бронированный «Ленд Крузер», а выскочившего из машины с пистолетом руке А. Салеха пулей в лоб застрелил снайпер. Вместе с А. Салехом погиб и Генеральный секретарь ВНК Ареф Зука. Вот так завершился жизненный путь одного из наиболее известных государственных деятелей современного Йемена.

После гибели А. Салеха дальнейшая работа Посольства России в Йемене была сочтена нецелесообразной, и по решению Центра оно было закрыто, все оставшиеся сотрудники были эвакуированы в Москву.

Оглядываясь назад, невольно ловлю себя на мысли о том, что йеменский народ не был обречен на столь драматическое развитие событий и широкомасштабную гуманитарную катастрофу, поскольку шансы на успех межйеменского политического диалога оценивались, в том числе в ООН, достаточно высоко. Однако внешнее вмешательство повернуло

этот процесс вспять (по данным ООН за 2021 год, в Йемене погибло 377 тысяч человек, Минздрав же Йемена оценивает количество погибших от военных действий, авиабомбардировок, голода и болезней более чем в 700 тыс. человек).

Что касается принципиально важных для России проблем безопасности, то хотелось бы отметить позицию хуситов относительно российско-украинского конфликта, которую озвучил руководитель Движения «Ансаралла» Мухаммед А. Аль-Хуси — уже в марте 2022 года он заявил, что «ответственность за конфликт в Украине несет киевский режим, так как его политика представляла собой прямую угрозу безопасности России».

* * *

На сегодняшний день, спустя 14 лет после смены власти Йемен по-прежнему остается расколот, предпринимаемые попытки возобновить процесс межйеменского диалога результата не дают, так как накопившаяся вражда и недоверие противоборствующих сторон остаются пока непреодолимой преградой. Движение хуситов продолжает контролировать столицу Сану и наиболее населенные северо-западные и ряд центральных провинций Йемена (около 70% из 27 миллионов населения страны), эмигрантское правительство по-прежнему находится в Адене. Очевидно, что сложившееся статус-кво не отвечает ни интересам йеменского народа, ни обеспечению стабильности и безопасности в регионе, в том числе в акватории Красного моря. Вместе с тем уверен, что с учетом роли и авторитета России на Ближнем Востоке по-прежнему сохраняются благоприятные условия для активизации усилий, как в двустороннем формате, так и на площадке ООН, по процессу политического урегулирования йеменского конфликта.

В сборниках воспоминаний дипломатов уже не раз публиковались статьи о роли жен дипломатов в их зарубежной деятельности. Не публиковались, однако, воспоминания самих жен о значимых событиях, свидетелями которых они были вместе со своими мужьями. А зря! Женский не профессиональный взгляд, возможно, бывает иногда и несколько наивным, но он всегда интересен...

Нина СТОЛЯРОВА

ЧИЛИЙСКАЯ ЭПОПЕЯ

Я, Столярова Нина Николаевна, кандидат педагогических наук, специалист по начальной школе. Всю жизнь учила детей, родителей, учителей. В далеком 1969 году я готовилась к защите кандидатской диссертации и с 1-го сентября приступила к работе в группе ученых по подготовке основ обучения детей с шести лет в школе в одном академическом институте. Работа была очень интересная, мне даже уже тему докторской диссертации определили.

И вдруг, неожиданно я встретила парня. У него большие голубые глаза; он такой светлый, с доброжелательной улыбкой. А какой обаятельный, тактичный, во многом отличающийся от других вполне достойных поклонников! Представился: Володя Столяров, тоже скоро буду защищаться, по истории. Мы успешно защитились, четыре месяца ждали утверждения диссертаций в ВАКе. После этого Володя сделал

мне предложение: «Я — дипломат, как только женюсь — меня могут направить работать за границу. Ты должна решить: или докторскую будешь писать, или поедешь со мной изучать жизнь других народов, их культуру, учить их язык». Я выбрала второе — фактически быть всегда с Владимиром.

Вскоре после свадьбы нашу молодую семью направили на работу в Посольство СССР в Чили. Сборы оказались долгими: сначала длительное время пришлось посещать городскую поликлинику за справкой о здоровье, потом — поликлинику Министерства иностранных дел, опять за справкой о здоровье. Вечерами стала прислушиваться к сообщениям о жизни государств Латинской Америки и, в частности, из Чили. Слышала о непростой там обстановке, но все, к сожалению, пропускала мимо ушей, видимо, по наивности.

В МИДе нас предупредили: с собой надо взять все необходимое на двоих: посуду, столовые приборы, постельное белье, утюг. Там, якобы, это все очень дорого. Все мои подруги и сотрудницы на работе откровенно завидовали, что еду за границу. Ведь тогда редко, кто был за рубежом.

15-е августа 1973 года. Мы летим. Посадки нашего самолета в Лиссабоне, Гаване, Лиме и, наконец, в Сантьяго-де-Чили.

Страна нас встретила теплой погодой. У нас кончалось лето, а там начиналась весна. Повсюду цвела сакура. Воздух был в сиреневой дымке и напоен чудесным легким ароматом. Как много здесь памятников конкистадорам, необычная для глаз архитектура!

Остановились мы для начала у представителя ССОДа. Он жил с женой Адой и пятилетней дочкой Катей в 6-комнатной квартире на верхнем — третьем — этаже дома. На втором жил израильский дипломат с пятью сыновьями. У нас не было тогда с Израилем дипломатических отношений, мы с ними не общались. А Катю во двор нельзя было одну

выпустить, мальчишки начинали ее бить. На первом этаже жила хозяйка.

В первую неделю пребывания Ада с мужем отвезли нас в местный парк с удивительными южными растениями. Потом посетили местный рынок, где удивились необычайно крупным овощам и фруктам. В воскресный день съездили в район «Барио Альто», где живет крупная буржуазия. Какие там дворцы, утопающие в великолепных цветах!

По вечерам мы с Володей пытались найти себе квартиру. Хозяева, как только услышат, что мы советские, сразу отказывают. Одна дама, вдова генерала, предложила нам 8-комнатную квартиру на втором этаже в доме напротив Военной Академии. Володя отказался (во время переворота Академию взорвали, и все осколки летели именно в этот дом — вот так!).

В будни наши мужья уезжали на работу, а мы с Адой изучали испанский язык. Он казался нам таким мягким и мелодичным. А в мои планы входило еще и создание группы дошкольников по подготовке их к школе, а также организация школьных занятий для детей работников Посольства и Торгпредства.

В свободное время старалась смотреть телевизионные передачи. Из них стала понимать, что Чили, хотя и буржуазное государство, однако президент Альенде (он по образованию врач) довольно демократично относится к рабочему классу. Настроил им много жилья. У него хорошие отношения с нашей страной. Много советских инженеров работает в Чили в разных областях народного хозяйства. У него довольно лояльные отношения с Кубой, странами социалистического лагеря. Здесь есть Коммунистическая партия во главе с Луисом Корваланом. Буржуазная верхушка и часть военной элиты недовольны деятельностью президента и правительства, а американцы — тем более.

В сентябре 1973 года обстановка в стране стала резко меняться. Все чаще оппозиция высказывала недовольство. Начались громкие манифестации против президента, беспорядки на улицах. Закрывались магазины, лавки с продовольствием.

В один из дней я отважилась сходить в лавку за хлебом. Она находилась недалеко от нашего дома. Очередь была длинная. На меня косо смотрели. Где-то минут через 20 очередь стала быстро расходиться. Я поняла, что хлеб кончился, и вернулась домой ни с чем.

Повсюду, неожиданно, появлялись вооруженные молодчики. Они из-за угла стреляли в машины, развозящие по улицам молочные и сельскохозяйственные продукты. Мы стали бояться выходить из квартиры. Знакомый чех, у которого покупали продукты, не открыл нам дверь, а с заднего входа прошептал: «Больше не приходите, нам американцы платят по 10 долларов каждый день за то, чтобы мы не открывались». Мы пытались сходить в государственные магазины, а там у входа стояли все те же молодчики, в руках держали палки, на концах которых были гвозди. Кто пытался зайти, того били.

Наши мужья говорили, что противоборство в стране усиливается, сидите дома. А как сидеть? Жизнь продолжается!

В один из дней Володя сказал, что я буду работать в местном университете, преподавать русский язык. Там на всех четырех курсах работает Ира. Она жена нашего коллеги, в Москве вела испанский язык в МГИМО.

10 сентября нас с Ирой повезли в университет, занятия начинались в десять вечера. По дороге она сказала, что я буду вести второй и третий курсы, сейчас едем знакомиться с третьим. Группа — высокопоставленная: министры, генералы, религиозные деятели.

На занятии разбирали стихотворение Маяковского «Советский паспорт». Оказалось, что слушатели уже хорошо говорят по-русски. А как правильно, по нашему, они высказываются! Мне было очень интересно. И, вдруг, открылась дверь, заглянула взволнованная женщина, что-то прокричала. Студентов как ветром сдуло. А Ира сказала: «Посиди, я сейчас вернусь!». Я осталась одна, в большой аудитории, и ожидание казалось вечным. Ира вернулась с одним из студентов (религиозным деятелем), объяснив, что повсюду митинги, а через центральную площадь Ля Монеда, рядом с президентским дворцом, трудно проехать. Мы оделись в католические мантии, только с глазами открытыми. Сели в «фузьку» («Фольксваген») и поехали.

Действительно, вся огромная площадь была запружена народом. Через закрытые окна доносились до меня непонятные звуки и крики. Нашу машину постоянно останавливали, стучали в окна и кричали, а Ира переводила: «Поставьте подпись против Альенде!» Совали листовки. Наконец, меня высадили, Было около трех ночи, никто не спал, с волнением ждали меня. Всю ночь мы слышали какие-то выстрелы. Мы тоже не спали. А утром Ада накормила наших мужей завтраком. Они к 9 часам поехали в Посольство (7 минут езды на машине).

Мы разбудили Катю, собирались завтракать, как раздался сильный стук во входную дверь и крик: «Это Ира, открывайте скорее!» Мы открыли. Она, возбужденная, с маленькой дамской сумочкой и шалью влетела в прихожую и закричала: «В стране военный переворот, закрывайте жалюзи, включайте телевизор!». С улицы мы услышали шум. Там двигались танки, машины с солдатами, за ними бежали автоматчики. В воздухе загудели вертолеты. По телевизору показали трех генералов во главе с Пиночетом. Они засели в горах. Их лица показались нам грубыми рожами.

В столице ввели комендантский час. По теелвидению показали, как вчера вечером с Кубы прилетел советский самолет, с ним и жена президента вернулась с Кубы. Она гостила там у дочери, которая была замужем за кубинским дипломатом. На этом же самолете прилетела и наша знаменитая «Березка» на гастроли. Ее поселили в лучшей гостинице, рядом с президентским дворцом.

Затем весь день показывали обращения военной хунты к президенту с требованием сдатьсь. Он не соглашался и обращался с воззваниями к народу. Генералы предупреждали: «Будем бомбить дворец! Выходи!» После первого предупреждения из дворца выпустили обслуживающий персонал. После второго — вышли министры. Показали подвал дворца с большим запасом продовольствия. Туда спустился президент. Показали нашу «Березку», как они в страхе лежат под кроватями и матрасами. После третьего предупреждения наступила гробовая тишина — президент не вышел. Тогда бросили на дворец бомбы...

Мы были в шоке и не знали, что с нашим Посольством.

На следующий день в 5 часов утра, когда мы лежали под кроватями и укрытые матрасами (всю ночь были слышны выстрелы), почувствовали сильный толчок. Загремели люстры, упал стол и стулья. Мы подумали, что наше Посольство взорвали, а оказалось, что даже природа возмутилась и протестовала против переворота: произошло землетрясение силой в пять с половиной баллов...

В следующие дни все телевизионные передачи были посвящены злодеяниям хунты: танками громят рабочие кварталы, не щадя ни детей, ни женщин, ни стариков. Без конца показывали центральный стадион, куда стогнали пойманных коммунистов, их били, кололи штыками. Привезли одного известного и популярного певца. Он заиграл на гитаре и запел. Гитару выбили и растоптали, что-то сделали с его

руками (солдат загородил от нас спиной). По стадиону прокатился стон.

Все последующие дни по ночам были слышны выстрелы, в наш дом летели пули, дважды были слышны сильные взрывы. Днем в воздухе непрестанно гудели вертолеты, по улицам шли танки.

Во вторую ночь на крышу нашего дома упала ракета. Крыша загорелась, мы чувствовали запах гари. Правда, пожар довольно быстро потушили.

В третий день был телефонный звонок. Ира схватила трубку. На проводе оказался наш журналист из ТАСС. Он быстро сообщил: «Посольство живо, окружено войсками. К нему бегут советские женщины с детьми. Они замужем за чилийцами, учившимися в наших институтах. Их отгоняют штыками. Моего коллегу-тассовца схватили с женой и ребенком. Он даже не успел разбить аппаратуру. А я ее разбил, собрал свое имущество и приготовился».

Потом — в какой-то день — нам позвонили во входную дверь. Мы испугались, видимо, и за нами пришли. Оказалось, что хозяйка привела к нам чилийца-коммуниста и нашего инженера, который работал в одном из сельскохозяйственных кооперативов. Они несколько дней по ночам пробирались в столицу, были уставшие, грязные, голодные. Рассказали, что с Кубы прилетят в Чили семь советских самолетов, которые будут вывозить всех наших. Ада их намыла, накормила гостей, и они ушли.

По телевизору продолжали показывать происходящее. Вот в портовый город Вальпараисо пришел советский морской лайнер, часть моряков с которого спустилась на берег. Их схватили, приставили к стенке и открыто издевались над ними...

В один из следующих дней мы услышали, что в нашем дворе открылись ворота и заехал автобусик, типа нашего

«Рафика». Из него вышел мой муж. Радости не было конца. Он сказал, что заехал на минутку, узнать, как мы тут. «В Посольстве все нормально. Работаем, повар кормит, спим на рабочих столах. А мне приходится ездить каждый день по заданию посла — разыскиваю наших журналистов, они самые уязвимые, оказываю им помощь. Езжу в индийское посольство, чтобы связаться с Москвой, у нас связи нет. Меня постоянно останавливает военный патруль. Но когда слышат мою испанскую речь, относятся в принципе лояльно и отпускают, даже не проверяя машины».

Время тянется медленно, дом далеко, по телевизору все те же ужасы. Показали, как уезжали кубинские дипломаты. Куба разорвала дипотношения с Чили, и они выходили на летное поле, бросая на землю имевшееся у них оружие...

Наконец-то отменили на три часа комендантский час. И в один из дней приехали наши мужья. Они сказали, что решается вопрос о советском присутствии в стране. Посол настаивал понизить статус пребывания. Владимира Столярова оставили временным поверенным в делах. «Вместе со мной, — сказал Володя, — остаются жена, повар и хозяйственник. Я уже съездил в МИД с этой информацией. Все остальные уезжают домой».

Иру и Аду с Катей увезли на аэродром, а меня в Торгпредство СССР.

Это было большое здание со множеством отдельных квартир, как палаты в больнице. Хозяйственник первым делом попросил меня приготовить что-нибудь поесть. А я, увидев его несвежую рубашку, предложила ее постирать. Он провел меня в длинный коридор и сказал: «Располагайтесь в любой квартире. Берите все, что вам необходимо». Там я увидела шкафы, полные одежды, обуви, белья. Холодильники забиты продуктами. На столах и на полу разбросаны

вещи, посуда, детские игрушки. Люди бросили все, рады, что едут домой.

А через несколько дней заехал Володя и сказал: «Наша страна также разорвала отношения с чилийской хунтой, и мы с тобой едем домой. Сейчас я передаю все дела Посольству Индии. Оно будет здесь представлять нашу страну».

На аэродром ехали колонной. Целые сутки мы пробыли в изолированной комнате аэропорта. Нас не кормили, не давали воды. Якобы хунта не хотела, чтобы мы уезжали. Мы протестовали, но нас не слышали.

Потом под наблюдением автоматчиков нас пропустили к трапу нашего самолета. Самолет долго не взлетал. Наконец, летим. Радоваться уже не было сил. В самолет не загрузили ни еды, ни питья. Перед нами сидел советник Посольства. У него в кармане оказалась баночка красной икры. Он открыл ее перочинным ножом и раздал всем по несколько икринок. А с его женой случилось несчастье. Они жили в здании, где находилось телевизионное Агентство. После переворота его подорвали. Крыло, в котором жила семья Игоря, накренилось. Дети и жена испугались. У нее наступило легкое помешательство. С первым самолетом их отправили домой, но спасти жену так и не смогли. Впоследствии Игорь издал сборник стихов, посвященных ей — любимой. И один из экземпляров подарил нам. Храню его до сих пор.

Летели 7 часов до Лимы. Самолет был перегружен. Дважды попадали в воздушные ямы. Думали, что падаем. Но все закончилось благополучно. Самолет наш приземлился в Лиме, к нему по полю бежали люди — это нашим дипломатам разрешили нас встречать. Мой муж с послом отправились на пресс-конференцию...

Опять взлетели. Впервые удалось подремать.

Гавана. И снова — пресс-конференция. Хотели взлетать, а оказалось, что в самолете что-то сломалось. Задержка.

Опоздали взлетать. Наступала сильная жара. Погода для полетов в тех условиях неблагоприятная. Но летчики все-таки отважились на взлет...

Подлетаем к Африке, жуткий туман. Рабат не принимает. Летим вглубь континента. И там та же картина. Приземлились в Танжере. Маленький аэропорт. За нами приземляются другие лайнеры, летящие из Европы и Африки. Народу в аэропорту — яблоку негде упасть. Всю ночь сидели на земле. Температура +40°. Давали апельсиновый сок и бутерброды.

Наконец, раннее утро. Мы наблюдаем интересное явление: солнце как бы «всасывает» туман и становится светлее. Летим в Рабат. Там сменился экипаж, в салон вошёл лётчик со звездой Героя на форменном пиджаке и обещал через несколько часов доставить нас в Москву. Так оно и вышло.

После приземления — опять большая пресс-конференция. А потом — встреча с уставшими переволнованными родителями...

Вот так проходила и закончилась наша чилийская эпопея. Через неделю вышла на прежнюю работу. Все мне рады. Задают множество вопросов.

Но никто уже не завидует. Вот так.

А через 6 месяцев, 24 марта 1974 года, мы улетели в Бразилию. Впрочем, это уже совсем другая история.

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ БУДНИ

Игорь ЛЯКИН-ФРОЛОВ

ОТ ЭКВАТОРА ДО КАЛАХАРИ

Бурунди. Страна испытаний

Первой страной, куда я был направлен послом России, стала далекая и незнакомая для меня африканская страна Бурунди, в которой я проработал четыре года (1995–1999 гг.). Бурунди находится почти на экваторе в сердце Африки в районе Великих Африканских озер с населением свыше 11 млн человек. Претендентов на эту должность было не особенно много, хотя ранее — до известных трагических событий 1993 года — Бурунди рассматривалась среди коллег как африканская Швейцария на берегу прекрасного озера Танганьика, и послами туда направлялись весьма достойные люди. Потом же страна вступила в тяжелый период, вызванный этническими и социальными противоречиями между основными населяющими ее народностями — тутси и хуту, причем тутси исторически всегда занимали господствующие позиции в политике и экономике, хотя по численности хуту значительно превосходили тутси.

Незадолго до моего приезда в Бужумбуру в июне 1993 г. состоялись президентские выборы, на которых победил представитель численного большинства хуту Мельхиор

Ндадайте. Вскоре он был свергнут и убит военными тутси при попытке государственного переворота. В результате в стране началась по существу гражданская война. Обострению ситуации в стране также способствовали трагические события в Руанде с огромными жертвами среди мирного населения, в ходе которых погибло более 1 млн человек, что было признано международным сообществом актом геноцида. В конце 1993 года по Бурунди прокатилась волна массовых убийств тутси. За неделю было убито более 100 000 человек. Радикально настроенные хуту ушли в горы и, по существу, начали партизанскую войну. Обстановка была настолько опасной, что руководством России было принято решение об эвакуации из страны граждан России и стран СНГ, в основном женщин и детей.

На фоне кровавых событий в Руанде, партизанской войны, сложной политической обстановки, неспособности правительства стабилизировать ситуацию я и прибыл в Бужумбуру.

Буквально через год во время моего первого отпуска в июле 1996 г. в Бурунди произошел военный переворот. К власти пришел представитель тутси майор Пьер Буйоя, имевший авторитет среди местных военных, а также большой политический опыт, полученный им во время пребывания на посту президента страны с 1987 по 1993 год. Западные страны и африканские государства выступили против нового режима и ввели в отношении Бурунди тяжелейшие экономические санкции, в том числе полное запрещение авиа- и грузовых сообщений. Однако мы в посольстве считали возможным, что нам надо занять более взвешенную и осторожную позицию с учетом традиционно дружественных отношений между СССР и Бурунди. Кроме того, для нас было также важным то, что военные не допустили дальнейшего развития межэтнической резни, как это случилось

в Руанде. Военные были в основном выпускниками советских военных учебных заведений, что оказало большое влияние на их мышление и поведение. Под этим углом зрения мы доводили нашу оценку до сведения Центра. Поскольку вопрос о ситуации в Бурунди в рамках общего ухудшения обстановки в районе Великих Африканских озер постоянно вставал в повестке дня Совета Безопасности ООН, мы установили прямые контакты с нашим представительством при ООН, в частности со старшим советником О. Н. Щербаком, который отвечал в представительстве за африканскую тематику. Благодарен ему за то, что оценки посольства были учтены в представительстве при ООН при выработке нашей общей позиции по этому вопросу. Позже мы продолжали наши контакты, когда Олег Николаевич был послом в Зимбабве, а я в соседней Ботсване.

Посольство работало в тяжелых условиях, вызванных продолжающимися действиями партизанских формирований хуту, доходивших временами до окраин самой столицы. При этом повстанцами был сделан акцент на подрыв вышек ЛЭП в целях нарушения электроснабжения в столице и основных населенных пунктах страны с тем, чтобы вызвать панику и недовольство населения. О масштабах вооруженных действий оппозиции говорит то, что в 1996 году Бужумбура и, соответственно, российское посольство были лишены регулярного централизованного электроснабжения в течение семи (!) месяцев. Участились перестрелки в пригородах столицы. В этих условиях пришлось вводить дополнительные меры по обеспечению безопасности посольства и его сотрудников. Был ограничен выход в город, запрещен выезд за пределы Бужумбуры, в связи неизбирательной закладкой повстанцами мин запрещено передвижение по городу по неасфальтированным улицам. Нам пришлось также, исходя из перебоев с поставками дизельного топлива

и отключением электричества, установить график работы посольских электрогенераторов, назначив их включение только три раза в день: утром, днем и вечером по полтора часа, чтобы дать возможность сотрудникам приготовить еду и подзарядить холодильники. Могу с удовлетворением сказать, что работники посольства понимали всю сложность сложившейся ситуации и строго придерживались установленных правил. Хотелось бы особо с благодарностью отметить положительную реакцию Центра на наше предложение распространить на Бурунди статус страны со сложной военно-политической обстановкой и ввести 20% надбавку к зарплате, причем она распространялась на всех сотрудников одинаково, что было позитивно воспринято коллективом посольства.

В связи с введенными против Бурунди жесткими экономическими санкциями мне вспоминается случай, показывающий недобросовестность наших в то время западных партнеров. Через какое-то время после введения торгового эмбарго мы обратили внимание, что на международных биржах по-прежнему заключаются сделки на всемирно известные сорта бурундийского кофе и чая. Как это возможно? Я обратился с этим вопросом к министру иностранных дел, который с улыбкой мне ответил, что во время сбора урожая каждую ночь в аэропорт Бужумбуры секретно садятся большие частные грузовые самолеты, которые перевозят в Европу бурундийские кофе и чай. Таким образом был вывезен весь урожай этих экспортных товаров. «Бизнес есть бизнес», — закончил он. В этом проявилась двуликость наших западных «партнеров», ведь на всех международных площадках с их стороны провозглашалось осуждение Бурунди, призыв к бойкоту, а на деле, несмотря на санкции соседних стран, они по-прежнему продолжали осуществлять выгодные для них сделки с Бурунди.

Одной из самых серьезных проблем в связи с отменой авиасообщения с Бурунди были трудности с отправкой и получением диппочты и оперативной связью с Центром. Соответствующая служба посольства была расформирована незадолго до моего приезда. Ближайшей страной, куда доставлялась диппочта и где была соответствующая связь, оказалась Уганда. Инициативно был разработан и согласован с Москвой следующий маршрут: на автомашине от Бужумбуры до Кигали (Руанда), а затем самолетом до Уганды. Дорога до Кампалы и обратно занимала около 3–4 дней. Особо сложная часть этого маршрута, естественно, приходилась на отрезок Бужумбура-Кигали. На некоторых участках этой трассы проходили боестолкновения между правительственными войсками и отрядами повстанцев. После некоторых раздумий в целях безопасности, исходя из того, что Россия стала правопреемницей СССР, решили устанавливать на машине помимо российского триколора и советский флажок, который был тогда более известен и популярен в Африке. Это помогало нам подтвердить, что в машине находится российский посол.

Здесь хотелось бы вспомнить с благодарностью помощь нашего посольства в Уганде, в первую очередь посла России Алексева Рудольфа Фёдоровича. Эти поездки за диппочтой были достаточно опасными, поскольку я их использовал также для перевозки денежных средств посольству. Финансирование посольства осуществлялось в неконвертируемой валюте (бурундийский франк). Соответственно, сотрудники посольства получали зарплату в местных франках, находившихся на их счетах в банке Бурунди. По окончании командировки оставшаяся сумма переводилась в дорожные чеки, которые потом обменивались на доллары с определенной потерей, что, конечно, вызывало недовольство сотрудников. Мне удалось поменять эту систему, добиться того, что

посольство стало получать финансирование через наше посольство в Кампале в твердой валюте. Моя супруга, вспоминая эти поездки, до сих пор говорит, что очень волновалась, так как не знала, чем они закончатся. Но я был молод и как-то не заикливался на этом...

Кстати, так случилось, что и меня лично затронули решения соседних стран о прекращении авиасообщения их столиц с Бужумбурой. Во время объявления о прекращении полетов в Бурунди мои супруга и дочь находились в Кении. В день их возвращения в Бурунди — уже в аэропорту Найроби пришли сообщения, что Кения и Уганда прекращают авиасообщение с Бурунди. Но оставалась еще Руанда. Мы договорились срочно поменять билеты на вылет в Кигали с короткой посадкой на рейсовый самолет в Бужумбуру. Однако в момент их приземления в Кигали узнаем, что руководство Руанды присоединяется к санкциям соседних стран и отменяет все полеты в Бурунди. Что делать? Я срочно созвонился с послом в Руанде Анатолием Павловичем Смирновым и попросил его довести мою семью до границы с Бурунди в посольской машине. А дальше все было, как в известном фильме «Мертвый сезон». Анатолий Павлович стоял с одной стороны буферной зоны руандийско-бурундийской границы, я с другой стороны, а жена и дочь со своей поклажей медленно переходили эту нейтральную территорию. Так после серьезных трудностей прошло воссоединение нашей семьи. Спасибо за помощь нашим товарищам из посольств в Найроби и Кигали.

А потом возникла уже другая проблема — как отправить обратно домой после летних каникул дочь — студентку третьего курса МГИМО. Единственным транспортом в тот момент был маленький самолет ООН, который выполнял гуманитарные рейсы для перевозки грузов и сотрудников ООН в районе Великих Африканских озер. С большими трудом удалось договориться с представителем ООН в Бурунди

о перелете на одном из этих рейсов нашей дочери в Найроби. В день вылета все шло штатно, она села вовремя в самолет, он взлетел, мы с облегчением начали собираться вернуться в посольство. В этот момент в аэропорт с шумом приезжает посол США и требует от руководства аэропорта связаться с экипажем и вернуть самолет, чтобы взять на борт сотрудника его посольства. На наши возмущенные слова американец спокойно ответил, что поскольку полеты ооновского самолета оплачиваются США, он вправе им распоряжаться. Самолет возвращается, берет на борт сотрудника американского посольства и с опозданием вылетает в Найроби. Для нас это был большой стресс, поскольку дочь должна была пересесть на самолет Аэрофлота, но в другом аэропорту Найроби. К счастью, в последний момент она успела на самолет и вылетела в Москву.

Но не будем все время о грустном. Несмотря на трудности, мы старались в посольстве вести активную дипломатическую работу по всем направлениям. Особое внимание было уделено вопросам, связанным с поддержкой мирного переговорного процесса между правительством и оппозицией.

У меня сложились хорошие отношения с руководством страны, которое рассматривало Россию как продолжателя СССР и сохранило дружественное отношение к России. Кроме того, во властных структурах и в парламенте было много людей, получивших образование в СССР, особенно в армии. Мы были в постоянном контакте с начальником Генштаба, который окончил Военную академию имени М. В. Фрунзе в Москве. Он отлично владел русским языком и всячески демонстрировал нам свою поддержку. Говорили даже, что при передаче закрытой информации в полевых условиях армейские офицеры нередко использовали русский язык, чтобы их не понимали противники. До развала СССР наша страна была одним из самых активных партнеров Бурунди

в подготовке национальных кадров, особенно в областях обороны и здравоохранения.

Динамично поддерживались контакты с выпускниками российских вузов.. Многие помнили, какую масштабную помощь оказывал СССР Бурунди. Возможность получить образование в СССР, в России бурундийцы считали шансом утвердиться в жизни, поэтому выпускники российских вузов, добившиеся высокого положения в обществе, стремились поддерживать рабочие и просто человеческие отношения с посольством. Членами правительства в мое время были несколько человек, получившие образование в СССР и прекрасно говорившие на русском языке.

Активно поддерживались неформальные контакты с проживающими российскими гражданами. Так, каждое воскресенье на даче посольства проводились совместные спортивные мероприятия (волейбол и футбол) с участием выпускников российских вузов и членов их семей, а также дружеские встречи. Очень интересно мы отметили 200-летие рождения А. С. Пушкина, на котором наши бурундийские друзья читали стихи поэта на русском языке. Помню, как в этом поэтическом празднике принял участие даже советник посольства Франции, прочитавший стихи Пушкина на французском языке.

К сожалению, несмотря на наши усилия по развитию двустороннего сотрудничества, нам не удавалось выйти на уровень советского времени. Времена и нравы изменились, другими стали приоритеты нашей внешней политики, африканское направление было явно не в почете, к нему относились по остаточному принципу. Это явно контрастировало с тем, что было в советские времена. В стране работали советские врачи и учителя, военные и другие специалисты. О масштабах взаимодействия говорит и тот факт, что среди них были даже балетмейстер из Грузии и известный наш

тренер А. А. Ракитский, возглавлявший сборную команду страны по футболу. После 1991 года многие из них перешли на индивидуальные контракты с международными организациями или государственными учреждениями страны. Но все они, как и раньше, тянулись к посольству, и мы их радушно принимали.

Попутно замечу, что впервые с проявлением «самостийности» Киева я столкнулся именно в это время. Естественно, что в составе советских специалистов были и граждане Украины, которые в силу сложившихся обстоятельств хотели вернуться домой. Однако бурундийские власти не выпускали из страны людей по старым советским паспортам. Наши граждане получали в российском посольстве необходимые вкладыши в свои паспорта и свободно выезжали из Бурунди. Украинцы же должны были обращаться в посольства Украины, например, в ЮАР, для оформления соответствующих документов. Понятно, что в местных условиях это было практически невозможно. Специалисты с Украины обратились ко мне за помощью. Мы не могли бросить бывших советских людей на произвол судьбы и, руководствуясь гуманитарными соображениями, договорились с пограничной службой Бурунди о выезде из страны украинцев в установленном для российских граждан порядке. Специалисты благополучно выехали в Москву, а потом уже в различные города на Украине. Эта история дошла до сведения украинского МИД, который направил соответствующую ноту в наш МИД «о вмешательстве в дела Украины», в ноте было подчеркнуто, что эти люди должны были оформить все документы в Брюсселе или Претории. Смешно, если бы не было так грустно. Вот так украинские власти в те времена радели за интересы своих граждан.

Несколько слов о тамошнем дипломатическом корпусе. Трудности профессионального и бытового характера

способствовали созданию атмосферы взаимовыручки и помощи внутри дипкорпуса. В Бурунди находились около 20 посольств, в том числе членов Совета Безопасности, а также Бельгии, ФРГ, Египта, ряда соседних стран, представительства международных организаций (Офис представителя генерального секретаря ООН, Управление по делам беженцев, ВОЗ и др.). В отличие от нынешних времен, тогда между руководителями посольств сложились хорошие, можно даже сказать дружеские отношения. В случае необходимости, прежде всего бытового характера, всегда демонстрировались понимание и готовность оказать помощь. В качестве примера подобного взаимодействия могу назвать поддержку российскому посольству со стороны Управления по делам беженцев ООН. В результате тропического урагана у здания посольства, по существу, было снесено полкрыши. Начавшийся сезон дождей усугубил ситуацию — служебные помещения посольства стали заливаться водой, протечка оказалась настолько серьезной, что в кабинете посла пришлось ставить ведра, чтобы собирать воду. Мы не могли сразу начать ремонт, поскольку нам было необходимо время для оформления страховки и последующей закупки строительных материалов. Сложилась просто катастрофическая ситуация. На помощь нам пришел руководитель офиса УВКБ в Бужумбуре — американский гражданин. Он передал безвозмездно посольству несколько рулонов водонепроницаемой палаточной ткани для временного перекрытия крыши посольства до установки новой. Это был единственный на тот момент выход, и мы им с благодарностью воспользовались.

Были случаи, когда посольство по техническим причинам не имело телефонной связи с Москвой. Тогда на помощь приходил спецпредставитель ООН — канадец, бывший генерал, который давал мне в дружеском порядке возможность пользоваться спутниковым телефоном его офиса для открытых

разговоров с Центром. Примером такого взаимодействия было дружеское распределение между посольствами после введения соседними странами эмбарго в отношении Бурунди небольших партий бензина и дизельного топлива, выделяемого местными властями дипломатическим миссиям. Таких примеров взаимовыручки и взаимопомощи было немало.

Говоря об отношениях в дипкорпусе, хотелось бы привести и такой вроде бы малозначительный, но показательный факт. Во время моего окончательного отъезда в аэропорт приехали главы практически всех дипмиссий, в том числе послы западных стран — Франции, ФРГ, США. Прощание началось в зале VIP аэропорта, а завершилось на борту самолета с бокалами шампанского. Пришлось немного задержать время отлета. Но то прощание осталось до сих пор у меня в памяти.

Немного истории. О Бурунди я слышал задолго до командировки. Бужумбура, как я уже говорил, находится на берегу прекрасного озера Танганьика, которое славится своими прекрасными пляжами. Однако, к сожалению, воспользоваться этим во время моего пребывания в Бужумбуре мы не могли. В ходе вооруженных действий в стране была нарушена система обеспечения безопасности озера от нападения крокодилов на купающихся. Поскольку имелись случаи нападения крокодилов на людей с трагическими последствиями, купаться в озере было официально запрещено. Мы в посольстве строго соблюдали этот запрет. Для нас это было особенно чувствительно, поскольку именно в Бурунди в 1990 г. произошел трагический инцидент, слухи о котором живы до сих пор не только у нас, но и в дипломатических представительствах других стран. К сожалению, группа сотрудников посольства, отметив день рождения одного из них, решила отправиться продолжить празднование в вечернее время на берег озера. Приехали, зажгли фары машин

и пошли купаться. Когда начали входить в воду, одна из женщин внезапно исчезла. Ее поиски не дали результатов, тело женщины, изуродованное крокодилом, нашли на следующее утро под корягой недалеко от места купания. Вот такая случилась трагедия.

Оглядываясь назад, могу сказать, что командировка в Бурунди была очень непростой. Посольство работало в тяжелых военных условиях, но все задачи, которые были поставлены перед нами руководством министерства, выполнялись. Мне приятно видеть, что при голосовании в генеральной ассамблее ООН по важнейшим политическим вопросам делегация Бурунди, как правило, поддерживает нашу делегацию и голосует вместе с нами. Думаю, что в этом есть и результат работы нашего посольства, в том числе в те далекие сложные для Бурунди времена.

Ботсвана. Страна неожиданностей

Предложение о командировке в Ботсвану стало для меня неожиданностью. В это время (1999–2003 гг.) я работал замдиректора первого департамента стран СНГ и в круг моих обязанностей входила подготовка документов и организация проведения заседаний уставных органов СНГ. Работа была очень интересной и ответственной, поскольку сотрудничество в рамках Содружества являлось и является одним из важнейших направлений нашей внешней политики. Вместе с тем я со вниманием отнесся к этому предложению. Во-первых, у меня уже был опыт работы в Африке. Во вторых, это была страна с особой спецификой. Ботсвана в прошлом не входила в сферу советского влияния, однако представляла для СССР и России серьезный интерес как одна из точек форпоста нашего анализа и реализации соответствующих

мероприятий по поддержке народно-освободительных движений в колониальных странах Юга Африки (Мозамбик, Намибия, Зимбабве). Особое внимание уделялось ЮАР, с которой в те времена у нас дипломатических отношений не имелось. Безусловно, время внесло свои коррективы. После обретения этими странами независимости и ликвидации режима апартеида в ЮАР ситуация изменилась, и это открыло новый взгляд на отношения с Ботсваной. Изменился и характер, и приоритеты работы нашего посольства.

Несколько слов о Ботсване. Она является одной из крупнейших стран Африки, на территории которой находятся с детства известные по любимой сказке К. Чуковского «Доктор Айболит» пустыня Калахари (70% территории) и где протекает (частично) река Лимпопо. Что меня удивило по приезду в столицу Габороне, это наличие сезонов. На смену очень жаркого лета (декабрь-март) приходит короткая весна, а затем не на долгий срок зима (июнь-август — страна-то ведь расположена в южном полушарии). Мне говорили, что в Ботсване зимой выпадает даже снег. Не знаю, сам я снега не видел, но изморозь по утрам на лужицах иногда появлялась.

Ботсвана не была колонизирована в прямом смысле этого слова. В те далекие времена она была британским протекторатом под названием Бечуаналенд (страна бечуанов). Оказавшись под угрозой территориального поглощения в результате агрессивной экспансионистской политики южноафриканских белых поселенцев — буров (потомков голландцев) — с целью захвата принадлежавших племенам тсвана земель и скота, в 1895 году вожди этих племен под руководством верховного вождя Кхама отправились в Лондон и обратились к британской короне с просьбой о защите. Просьба была удовлетворена, и продвижение буров на север континента было приостановлено. Все это в определенной

степени отразилось на взаимоотношениях Ботсваны с ЮАР, которые требовали известной взвешенности и сбалансированности. С одной стороны, ботсванцы были соседями очень мощной страны, от которой серьезно зависели экономически, с другой — поддерживали требования международного сообщества к Претории покончить с политикой апартеида.

Сейчас в центре Габороне стоит огромный памятник — трем вождям (подарок правительства Северной Кореи) — как напоминание об истории государства Ботсвана, которая стала одной из последних стран Африки, получившей независимость от Великобритании. Первым премьер-министром стал Серетсе Кхама, потомок Верховного вождя Ботсваны и один из лидеров движения за независимость. Он был переизбран еще дважды и скончался в 1980 году, занимая пост президента. За всю историю независимой Ботсваны в ней не было совершено ни одного военного переворота или незаконной смены правительства, волна которых прокатилась по многим странам Африки. Формальные демократические процедуры соблюдались с самых первых лет, попыток установить какую-либо форму диктатуры не предпринималось.

Нахождение под протекторатом Великобритании в течение многих лет оставило заметный след в системе государственного управления. Официальными языками Ботсваны являются английский и тсвана. В целом осталась неизменной система административного деления. Интересно, что при проведении парадов в ходе праздничных государственных мероприятий ботсванские военнослужащие используют британский шаг, напоминающий некоторые элементы танцевальных движений, которые у нас, россиян, вызывали улыбку. Но традиции есть традиции, и они неуклонно исполняются.

Ботсвана — одна из самых преуспевающих стран Африки к югу от Сахары. Она занимает одно из первых мест среди

африканских стран по ВВП, который формируется в основном за счет добычи алмазов и животноводства. Страна обладает стабильным экономическим ростом и успешными стратегиями диверсификации, эффективно распоряжается своими алмазными ресурсами и инвестирует в такие отрасли, как туризм и сельское хозяйство, что способствует ее экономической устойчивости.

Что касается позднего получения независимости от британской короны в 1966 году, здесь я присоединяюсь к мнению некоторых специалистов о том, что это событие могло бы и не состояться, если бы в это время уже были открыты на ее территории крупнейшие в мире месторождения алмазов (такое богатство просто так не отдадут). Алмазы — главное достояние Ботсваны, с которым она плотно ассоциируется. Эти месторождения были открыты только в 1967 г., уже после получения независимости. В 1969 году была основана горнодобывающая компания De Beers Botswana Mining Company, дочернее предприятие транснациональной корпорации. В результате разумной и взвешенной политики по локализации деятельности компании правительство постепенно добилось увеличения своей доли прибыли от разработки и продажи алмазов с 15 до 50 процентов. В мое время на четырех карьерах Debswana добывалось свыше 30 миллионов карат алмазов в год, что составляло около четверти мировой добычи алмазов. Высокая стоимость добываемых компанией алмазов делает ее крупнейшим поставщиком алмазов в мире (по стоимости). Debswana является основным негосударственным работодателем в Ботсване, при том добыча алмазов дает треть национального ВВП и 90% экспортных доходов.

Сотрудничество России с Ботсваной в добыче алмазов ограничивалось в основном обменом информацией, согласованием позиций в вопросах борьбы с контрабандной

продажей так называемых конфликтных алмазов, за счет которых нередко финансируются антиправительственные вооруженные группировки в Африке. Ботсванцы рассматривают Россию как своего союзника в этих вопросах и всячески приветствуют наше участие в «Кимберлийском клубе».

Особенностью Ботсваны является повышенное внимание в стране к животноводству. Животноводство — это не только важнейшая составляющая экономики страны, но и неотъемлемая часть быта ботсванцев. В стране состоятельность людей оценивается количеством голов крупного рогатого скота. Такой маленький штрих — на мой вопрос к министру иностранных дел Момпати Мерафи, чем он занимается в свободное время, он ответил, что проводит его в своем загородном бунгало, сидит на веранде и любуется своим стадом. Для него — это удовольствие и отдых. Но при этом считается неприличным задавать ботсванцам вопрос о том, сколько коров они имеют. Всего же в стране насчитывается 3 100 000 голов крупного рогатого скота, практически две коровы на каждого жителя, включая детей. 15% производимого в Ботсване мяса ежегодно экспортируется в Европу. Было построено 2 завода по переработки мяса. При посещении одного из них я был приятно удивлен современным уровнем этих предприятий, при переработке скота введен принцип полного безотходного производства — от высококачественного мяса до муки, пуговиц и гуталина. Ценность импорта мяса из Ботсваны в том, что оно является экологически чистым. Информация о каждой партии мяса оцифровывается, что дает возможность проследить весь ее путь — от забоя до места продажи, включая информацию о самой корове и ее владельце.

2007 год стал прорывным в нашем экономическом сотрудничестве с Ботсваной. Российский «Норникель» в том году приобрел активы в Ботсване, ЮАР и Австралии,

потратив на это в целом \$7 млрд. После приобретения ведущей горнодобывающей и металлургической компании «Тати Никель Майн» наша компания стала самым крупным иностранным инвестором в Ботсване, открыв неплохие перспективы для дальнейшего развития экономического взаимодействия между нашими странами. Эта сделка сохранила свою значимость даже после того, как в СМИ просочилась информация, что основной причиной приобретения россиянами активов ботсванской компании прежде всего являлась уникальная технология, используемая на одной из стадий переработки никеля. Владельцы компании якобы отказывались продавать эту технологию отдельно. «Норникель» пошел на то, чтобы получить доступ к ней уже в качестве собственника предприятия.

С самого начала моей работы я почувствовал заинтересованность руководства Ботсваны в развитии двусторонних отношений. Об этом, в частности, мне говорил президент Ботсваны Фестус Могае во время вручения верительных грамот, других частных бесед с ним. Президент неоднократно обращался ко мне с просьбой об организации его визита в Россию. Конечно, я докладывал об этом в Центр, давал подробные разъяснения по поводу важности проведения такого визита. Однако, к сожалению, мои предложения оставались без ответа. Понимаю, что времена тогда были другими, соответственно, и другими были приоритеты нашей внешней политики. Отрадно, что мы сейчас возвращаемся в Африку, используя в том числе те заделы, которые были созданы на этом континенте в прошлые годы советскими и российскими дипломатами. В Африке нас помнят и знают, поддерживают наши усилия по укреплению российских позиций на континенте...

Вспоминая Ботсвану, хотел бы рассказать о некоторых важных, на мой взгляд, мероприятиях нашего посольства

в те времена, которые могли бы быть использованы сотрудниками наших диппредставительств сегодня.

В 2005 году, когда Россия отмечала 60-летнюю годовщину Победы в Великой Отечественной войне, мы в посольстве решили организовать празднование этой юбилейной даты таким образом, чтобы оно получило максимально широкое освещение и было бы понятным ботсванцам. Местом проведения приема был выбран Национальный музей Ботсваны, где мы развернули большую фотовыставку на военную тематику. Кроме того, изучая вопрос об участии африканцев во Второй мировой войне, я узнал, что и Ботсвана внесла свою лепту в Победу над фашизмом. Выяснилось, что 10 000 уроженцев Ботсваны вступили добровольцами в состав Африканского вспомогательного корпуса, который участвовал в годы Второй мировой войны в составе британских вооруженных сил в операциях на Ближнем Востоке. В основном они использовались во вспомогательных инженерных войсках союзных войск в районе Палестины и северного Египта. А одно из подразделений ботсванского контингента — зенитный дивизион в составе американских войск — принимал участие в высадке союзников в Сицилии в 1943 г. Многие из них были награждены медалями и орденами. Мы стали искать ветеранов и нашли некоторых из них в близлежащих населенных пунктах недалеко от Габороне. В день проведения приема привезли группу ботсванских ветеранов на церемонию открытия выставки. Некоторые из них доставили и надели форму, ордена и медали. Пресс-секретарь президента Джеф Рамсей помог нам оформить специальный стенд с фотографиями времен войны. Все это произвело огромное впечатление на главного гостя — министра труда и социальных вопросов Муенга Фето и спикера национальной ассамблеи Патрика Балопи, для которых эта страница истории страны стала открытием. В те времена 10 000 ботсванцев

составляли 20% мужского населения страны. В выступлениях подчеркивалось, что ни одна из стран в британской империи не представила в процентном отношении большего числа своих граждан для участия в военных действиях.

Эмоции достигли такого предела, что главный гость отошел от своего выступления и посвятил его не только СССР как главной силе в разгроме фашизма, но и его ведущей роли в национально-освободительном движении Африки после войны. При этом он обратился с просьбой подарить нашу фотовыставку Национальному музею, подчеркнув, что этот неизвестный до сих пор исторический факт будет описан в учебниках истории Ботсваны. Вся эта церемония проходила в присутствии послов — стран союзников. А мне, как сыну ветерана ВОВ, особенно приятна была встреча с ветеранами, которые были счастливы от проявленного внимания, от того, как мы организовали их приезд и встретили с русским гостеприимством...

Нулевые годы — это время массового увлечения россиян туризмом. Наши граждане постепенно открывали для себя интересный и ранее недоступный им мир, а мир открывал для себя Россию. Соответственно, консульские вопросы стали важной частью дипломатической работы. Наше посольство понимало это. После проведения переговоров 10 февраля 2005 года я от имени правительства подписал Соглашение между правительствами Российской Федерации и Республики Ботсвана о безвизовых поездках по дипломатическим и служебным паспортам (Габороне, 10 февраля 2005 г.). Понимая, что на этом останавливаться не стоит, я неоднократно ставил вопрос о предоставлении соответствующего режима безвизовых поездок всем российским гражданам. Тем не менее, ботсванская сторона не спешила с поддержкой нашего предложения, тормозила его реализацию. В связи с этим хочу описать предысторию решения этого вопроса.

Для стимулирования развития двустороннего сотрудничества в условиях (в том числе финансовых) ограничений приходилось принимать нестандартные решения. В качестве примера можно привести выступление в Габороне российской балетной труппы, что стало крупным событием в развитии культурных связей. Совершенно случайно до нас дошла информация, что в ЮАР гастролирует балетная труппа кремлевского балета. Поскольку Габороне находится всего лишь в 300 км от Претории, мне пришла в голову идея пригласить наших артистов для выступления в Ботсване. Связался с юаровским импрессарио и обратился с предложением организовать заезд труппы в Габороне для выступления перед местной публикой. После долгих уговоров он ответил, что возражать не будет, если мы возьмем на себя организационную сторону вопросов, связанных с приездом и выступлением наших артистов. В срочном порядке нам удалось найти в Габороне руководителя одной местной рекламной фирмы, а также нескольких ботсванских спонсоров, взявших помочь нам в этом вопросе. Что касается технической организации их приезда, то он оказался не таким простым. Пришлось решение этого вопроса взять на себя — доставили российских артистов, костюмы и часть декораций в Габороне и обратно своим посольским транспортом. И вот впервые за всю историю своего существования Ботсвана увидела живую российский балет. Успех был ошеломительным, зал был переполнен, для всех это выступление имело эффект разорвавшейся бомбы. Непосредственно у сцены были установлены кресла для президента и российского посла. Спектакль начался с гимна обеих стран.

По окончании спектакля президент поднялся за кулисы для того, чтобы поприветствовать и поблагодарить российских артистов. Ф. Могае был очень впечатлен и, находясь в приподнятом настроении, вспомнил о моей просьбе дать

ход нашему предложению о заключении соглашения о безвизовых поездках для российских граждан и позитивно высказался на этот счет. При этом президент пошутил, что это будет его подарком. Мне это было особенно приятно, потому что представление состоялось незадолго до моего дня рождения. Буквально через три недели после спектакля МИД Ботсваны объявил о решении правительства страны отменить в одностороннем порядке визовый режим для граждан Российской Федерации, въезжающих на территорию Ботсваны. Это решение было доведено до нашего сведения в виде ноты и вступило в силу через три месяца с вышеупомянутой даты, то есть 5 декабря 2006 г. после осуществления необходимых организационных процедур. Беспрецедентное решение ботсванской стороны впоследствии было использовано руководством нашего МИД в переговорах с другими странами. Соглашение 2005 г. и данное решение стало основой для дальнейших договоренностей по визовым вопросам. В Соглашении между правительствами Российской Федерации и Республики Ботсвана об отмене визовых требований для граждан России и Ботсваны от 6 июня 2019 г. есть даже ссылка на Соглашение 2005 г.

На наших глазах Ботсвана становилась одним из привлекательных для российских граждан туристических маршрутов в Африке. Наиболее интересными для наших туристов местами были парк Чобе и дельта реки Окаванго.

Парк Чобе известен тем, что на его территории проживает одна из крупнейших в мире популяция слонов. В парке есть также большие прайды львов, стада буйволов, бегемотов, несметное число антилоп, огромное количество всевозможных птиц. По праву он является центральным сафари Ботсваны. Северо-Восточная часть парка, по существу, примыкает к границам Замбии и Зимбабве, что дает возможность российским туристам достаточно быстро в течение одного часа

пересечь границу с этими странами и уже с их территории насладиться видом водопада Виктория. Не случайно, туристические агентства предлагают нашим туристам следующий маршрут и временной график: Кейптаун — Водопад Виктория — сафари Ботсваны продолжительностью 10 дней.

По некоторым данным, в целом на территории Ботсваны обитает более 150 000 слонов. В период, когда поспевают «пьяные плоды» дерева марула (также известного как слоновье дерево), которые содержат до 17% алкоголя, слоны, наевшись этих ягод, начинают себя вести достаточно агрессивно. Однажды, на пути в парк Чобе огромный слон преградил дорогу и не пропускал нашу машину в течение получаса. Это было испытанием. В связи с этим я вспоминаю разговор с мининдел Ботсваны, который то ли в шутку, то ли всерьез предложил подарить России несколько слонов, но только, добавил он, на основе самовывоза. Чувствовалось, что это предложение было сделано не только мне. Слоны создают правительству серьезные проблемы, наносят в отдельные сезоны большой вред фермерским хозяйствам, уничтожая их посевы.

Другой туристической меккой Ботсваны является река Окаванго, которая берет свое начало в Анголе и образует на территории Ботсваны огромную дельту с островами, каналами, заливными лугами. На ее территории обитает 450 видов птиц и тысячи видов растений. Говорят, что это лучшее место для наблюдения за природой в мире. Знаменательно, что в этом районе традиционно проводят медовый месяц молодожены из британской королевской семьи. В Ботсване дельту Окаванго называют природным раем.

Как говорят, сафари в Ботсване — самое дорогое в Африке. Но его высокая цена полностью оправдана: такого сафари больше нет нигде. И это не преувеличение. В отличие от ряда других стран охота в Ботсване не запрещена. Имеется

достаточно большое количество частных сафари-парков, где можно поохотиться на различных местных животных, включая таких экзотических, как слоны, носороги, буйволы. Конечно, это недешевое удовольствие, и далеко не все могут это себе позволить. Но желающих много, в том числе и среди россиян, которые уже протоптали тропинки в ботсванских охотничьих угодьях. Ботсванцы, владельцы частных сафари-парков, опасаясь вызвать гнев у защитников природы, не концентрируются на деталях предлагаемых ими охотничьих услуг, умело маскируя истинный предмет их рекламы. Мы в посольстве знали о визитах состоятельных россиян, прилетающих в Ботсвану на собственных самолетах, чтобы поохотиться, но они к нам предпочитали не обращаться. В то же время, когда наш высокопоставленный коллега обратился к нам за помощью, мы с удовольствием его приняли и оказали содействие в посещении водопада Виктория в Зимбабве и сафари-парка Чобе в Ботсване.

С глубокой благодарностью вспоминаю реакцию ботсванской общественности на трагические и горькие события 2004 г. в Беслане. В соответствии с поручением через министерство образования мы обратились в местные школы по всей стране с просьбой выразить соболезнования и осудить террористический акт, повлекший гибель большого числа наших детей. Через некоторое время к нам в посольство во главе с министром образования Георгом Кгорорба пришло несколько десятков ботсванских детей, которые принесли подписанное 16 тысячами школьников обращение с соболезнованием и осуждением террористического акта. К обращению были приложены их письма и рисунки. Министр сообщил также, что 14 сентября 2004 г. во всех школах Ботсваны состоялась молитва скорби. Реакция наших ботсванских друзей оказалась действительно удивительной. Честно говоря, мы не ожидали, что она будет такой искренней

и отзывчивой. Впоследствии послания ботсванских детей и их подарки были отправлены в Центр. Оказалось, что такой массовой реакции школьников на бесланские события не было ни в одной другой зарубежной стране.

Действительно, ботсванцы добрые и теплые люди. Наша внучка Даша ходила в местный детский сад. Как и везде, на рождественские праздники в садике был организован праздничный детский концерт, в котором приняла участие и Даша. Она вместе с местной девочкой спела песню на языке тсвана, сопровождая ее традиционными африканскими танцевальными движениями. Присутствующие родители взорвались аплодисментами, а мы с супругой стали — «по совместительству» — героями этого концерта, так всех тронула непосредственность русской девочки, державшей за руку свою ботсванскую подружку.

Еще одним своеобразным заслуживающим внимание мероприятием стало проведение совместной выставки с французским посольством в его культурном центре. Как-то мне на глаза попался подготовленный правительством Москвы юбилейный альбом с рисунками пленного французского художника, оказавшегося в нашей столице после войны 1812 года. На них были изображены памятные места и здания столицы того времени. Подумали, как наиболее эффективно использовать этот материал в наших целях. Приняли решение дополнить эти рисунки картинками и фотографиями современной Москвы, расположить их рядом друг с другом, чтобы можно было сравнить Москву того времени и нынешнюю. Для этого собрали календари с видами Москвы и поместили их в рамки. Встал вопрос, где эту выставку можно было бы разместить. У посольства подходящих помещений не было, поэтому пришла мысль обратиться к послу Франции с просьбой сделать это мероприятие совместным и использовать в качестве площадки культурный центр

французского посольства. Он согласился, и мы провели очень успешное мероприятие и даже с фуршетом. Выставка имела несомненный успех, ее посетило большое количество ботсванцев. На открытии выставки выступили послы России и Франции. Тогда это было возможно.

И еще один пример из моей дипломатической практики, который связан с деятельностью всемирного лидера борьбы против апартеида, бывшего президента ЮАР Нельсона Манделы. В 1990 году Нельсон Мандела после тюремного заключения совершил турне по 13 странам мира. Это было через четыре месяца после его освобождения из южноафриканской тюрьмы, где он провел 27 лет. В середине поездки он посетил Северную Америку, прежде всего США, где его принимали как триумфатора. В Нью-Йорке в честь Манделы организовали даже большой парад на Бродвее.

18 июня 1990 года состоялся визит Н. Манделы в Канаду. Я в это время работал в нашем посольстве в Оттаве в качестве советника по политическим вопросам. Мы получили указание из Центра об организации встречи с ним для обсуждения вопроса о его возможном визите в СССР. Тема была довольно щекотливой. Начиная с 60-х годов, СССР оказывал значимую помощь и поддерживал Африканский национальный конгресс (АНК). Новым руководством страны с 1989 года еще в период апартеида началась проработка вопроса об установлении дипломатических отношений с ЮАР и о визите тогдашнего президента этой страны Фредерика Де Клерка в Москву. Хотя Н. Мандела был приглашен в СССР сразу после его выхода на свободу, тогдашнее российское руководство приняло для многих непонятное и спорное решение поменять местами эти визиты и принять первым в Москве президента ЮАР. Нелегкая доля довести это решение до сведения Н. Манделы была возложена на наше посольство в Оттаве. Мне было дано поручение организовать встречу

с ним нашего посла. Это была непростая задача. Обратиться в посольство ЮАР? Тогда это было невозможным по понятным причинам. Пришлось проявить смекалку. Взял телефонную книгу Оттавы, нашел телефон АНК и связался с представителем этой организации. Отношение с его стороны ко мне было весьма доброжелательным, обращались друг к другу со словами товарищ. Быстро договорились о встрече нашего посла с Н. Манделой в одном из отелей Оттавы. На следующий день такая встреча состоялась. Встретил Н. Мандела нас гостеприимно. Он выслушал наше обращение о том, что предлагаем сначала провести визит де Клерка, а потом его визит. Чувствовалось, что это ему не понравилось, но он воздержался от каких-либо высказываний. Удивительно, но 80-летний южноафриканский лидер, национальный герой и «икона свободы» народа ЮАР, возглавлявший борьбу с режимом апартеида, которую долгие годы поддерживала Москва, прилетел в Россию лишь в апреле 1999 г. за месяц с небольшим до почетной отставки с поста президента. Вот так через 20 лет я наблюдал уже из соседней Ботсваны его деятельность как великого политика, с которым я встречался в далекие девяностые годы.

Делюсь опытом о работе российского посольства в Бурунди и Ботсване, который мог бы быть использован современными российскими дипломатами по продвижению интересов России за рубежом. Залогом успеха в этой работе является инициативность, творческий подход и глубокая проработка стоящих перед нами проблем.

О ПРОЖИТОМ И ПЕРЕЖИТОМ

Анатолий ЗАЙЦЕВ

МОЕ ОТКРЫТИЕ ИСЛАНДИИ

Узнавая об Исландии. Первые находки

Предложение о командировке в Рейкьявик, самую северную европейскую столицу, на крупнейший вулканический остров Земли в который раз подтвердило справедливость укоренившегося у меня за годы дипломатической службы представления о непредсказуемости избранной карьеры.

Ответил согласием, вспомнив совет восточных мудрецов о полезности не реже одного раза в 12 лет смены занятий как своего рода стимула для ускорения профессионального роста, обогащения познаниями новых регионов, стран и культур.

Готовясь к поездке в Рейкьявик, куда весной 1998 г. был назначен послом, покопавшись основательно в фондах Российской государственной библиотеки и Центральной научной библиотеки МИД, из работ отечественных исследователей и дореволюционных переводов на русский язык исландских саг и других памятников древней исландской литературы почерпнул интересные сведения о малознакомой мне далекой и загадочной стране, ее истории, культуре и языке.

Представление у большинства россиян об Исландии еще недавно укладывалось в не очень длинный ассоциативный ряд: исландская сельдь (это слово скандинавского происхождения звучит по-исландски «силъд» — *sild*) и гейзеры. Любители шахмат, среди которых высоко котировались исландская шахматная школа и международный гроссмейстер Олафссон, наверняка помнят проходивший в Рейкьявике в 1972 г. скандально известный матч между Б. Спасским и Б. Фишером. С октября 1986 г. исландская столица оставалась «на слуху» как место проведения советско-американской встречи в верхах. Позднее к этому короткому перечню добавилась мировая знаменитость — певица Бьорк. В 2008 г. при упоминании Исландии у многих россиян возникала также ассоциация с мировым финансово-экономическим кризисом, от которого она пострадала одной из первых и довольно чувствительно. А в апреле 2010 года — еще и с извержением вулкана Эйяфьятлайокудль (*Eyjafjallajökull*). Выброшенные им тогда огромные облака пепла привели к многодневному коллапсу авиасообщения в Европе.

Сделав для себя немало открытий, поразился давней истории связей наших народов, которая восходит к далеким временам викингов. Первые упоминания о контактах между Исландией и Русью сохранились в исландских сагах. Имеются свидетельства пребывания исландских купцов на Руси в X–XI веках. Еще в X веке герой исландских саг Торвальд-Путешественник был свидетелем крещения Руси и построил церковь в Полоцке. С интересом прочел дореволюционные переводы на русский исландских саг, произведений классиков исландской литературы, современные исследования наших ученых по исландской литературе и языку.

Интерес в России к Исландии, ее культуре известен давно: еще в первой половине XIX века в России была составлена грамматика исландского языка, тогда же на русский

язык и были переведены первые исландские саги. В 1870 г. состоялся визит в Исландию российского корвета «Варяг», на борту которого находился великий князь, будущий император России Александр III.

Позже, уже находясь в Рейкьявике, из бесед с главным редактором самой крупной исландской газеты «Моргунбладид», в годы Второй мировой войны участвовавшего в составе британского экипажа в доставке северными конвоями военных грузов в наши северные порты, мне стали известны малоизвестные подробности, связанные с формированием и отправкой первых союзных арктических конвоев из Исландии.

В одном из них, в часе езды от исландской столицы, еще сохранился полуразрушенный причал. Именно от причала Хвалфьордура (Китового фьорда) в августе 1941 г. был отправлен в Архангельск самый первый северный конвой союзнических войск. Запомнились и его рассказы о радушном приеме, оказанном участникам конвоя жителями Архангельска и Мурманска.

Истинной находкой для меня оказался изрядно потрепанный экземпляр изданной в 1967 г. в Ленинграде и с тех пор не переиздававшейся работы М. И. Стеблина-Каменского «Культура Исландии». Из этого фундаментального исследования тонкого и глубокого знатока исландской истории и культуры я почерпнул немало для себя ценного для понимания особенностей национального характера, психологического склада и образа мышления исландцев, среди которых мне предстояло вскоре жить и работать, а также исключительной роли в их формировании древней исландской литературы, культуры и языка. Позднее, уже в Рейкьявике, я не раз возвращался к этой книге в поисках разгадки занимавших меня вопросов.

Прочитанное навело меня на мысль заняться изучением исландского языка. Стал регулярно брать уроки исландского у профессора МГУ, вознамерившись за оставшиеся до отъезда к месту нового назначения несколько месяцев постичь хотя бы верхушки этого своеобразного языка. Тогда я еще не представлял себе, на что посягнул и что ожидает меня впереди. До сих пор не перестаю поражаться его мало изменившемуся за пятисотлетний период грамматическому строю, с многочисленными склонениями и спряжениями, двумя залогом и тремя наклонениями, различными формами четырех падежей и двух чисел в существительном и множественном других особенностях, не встречавшихся прежде в изучаемых мною восточных и европейских языках. Решив все же не пасовать перед трудностями, по приезде на место возобновил регулярные занятия исландским языком с профессором Рейкьявикского университета, которые не прерывал до самого отъезда.

Старательно заучивал не очень сложные фразы, которыми собирался не столько удивить будущих собеседников, сколько выказать уважительное отношение к древней культуре и языку страны пребывания — предмету гордости исландцев. Некоторые из моих «домашних заготовок» я успел «обкатать» на протокольной встрече с послом Исландии в Москве после получения агремана и в полете по пути в Рейкьявик.

В самой северной европейской столице

За день до вручения верительных грамот произошел случай, которому, находясь, видимо, под впечатлением от прочитанных саг, я поначалу склонен был придать скорее мистическую окраску. То обстоятельство, что мне предстоит стать 13-м по счету российским послом в Рейкьявике, я всерьез

не принимал. Однако позже, по зрелому размышлению, счел произошедшее добрым предзнаменованием.

За день до назначенной церемонии я неожиданно получил приглашение на прием по случаю находящегося с официальным визитом в Исландии премьер-министра Финляндии. Мой довод, что я еще официально не вступил в должность, директор протокольного департамента МИД не приняла во внимание, подчеркнув, что это инициатива министра иностранных дел.

На верхнем этаже ресторана «Перлан» (исландцы гордятся этим оригинальным сооружением, верхние этажи и купол которого покоятся на огромных баках, подобных тем, в которых накапливается и отстаивается перед использованием поступающая в город по трубам вода из геотермальных источников). На нижнем этаже здания расположена постоянная выставка, и можно было наблюдать за искусственными гейзером, фонтан которого поднимается до самого верхнего этажа, откуда открывается красивый панорамный вид на город, залив и потухший вулкан Асья...

Меня проводили за большой круглый стол, неподалеку от главного, где моими соседями оказались постоянный секретарь и директора департаментов МИД с супругами. В самом начале приема в тот момент, когда речь произносил премьер-министр Исландии Д. Оддссон, вдруг раздался громкий железный скрежет, напоминающий звук трущихся один о другой кусков металла. Пол ресторана, до этого плавно вращавшийся по кругу, подергавшись взад-вперед, наконец, остановился. Не забуду испуганного выражения на лицах сидящих рядом за столом женщин. Через минуту-другую пол опять задвигался и вновь замер. Все вопросительно посмотрели в сторону главного стола. Премьер-министр Исландии пытался скрасить паузу какой-то шуткой, обратился к главному гостю, и, дождавшись возобновления

движения поворотного механизма, продолжил чтение своей приветственной речи. В те первые дни после приезда, еще не освоившись с местными реалиями, я не сразу сообразил, что это были подземные толчки, и, как оказалось, отнюдь не слабые, о чем я узнал назавтра из утренней газеты. Опыт пришел позднее, когда за четыре года моей командировки город не раз основательно потряхивало, а в 2000 г. довелось наблюдать извержение самого крупного вулкана Гекла, находящегося в 110 км от исландской столицы.

Пока же озабоченное выражение еще долго не сходило с лиц моих соседей по столу. Настроение приподняла местная знаменитость — популярный оперный певец — в частности, талантливо исполнивший на русском языке арию из оперы «Евгений Онегин». Я не удержался и, подойдя к нему, сердечно поблагодарил.

В резиденции президента. Экзамен у первой леди

На следующее утро, 5 июня 1998 г. директор протокольного департамента исландского МИД на президентском либузине сопроводила меня от посольства в расположенную недалеко от столицы резиденцию главы государства — Бессастидир, названную по имени бывшего владельца поместья, которое он передал в 1941 г. Республике Исландии.

Церемония вручения верительных грамот проходила в небольшом зале. Войдя в него, встретился взглядом с президентом, стоявшим у противоположной от входа стены под большой картиной. Обстановка зала напоминала скорее уютную гостиную. Ощущение почти домашней обстановки усиливал стоявший в углу рояль.

По окончании краткой церемонии, проходившей в присутствии министра иностранных дел и внешней торговли, заведующего президентской канцелярией, постоянного

секретаря и директора протокольного департамента МИД, президент Республики Исландия Олавур Рагнар Гримссон пригласил меня для беседы один на один в примыкающую к залу библиотеку, служившую ему рабочим кабинетом.

Президент держался просто и сразу расположил к себе. Беседу он начал с заверения, что сохраняет оптимистический настрой насчет перспектив развития двусторонних отношений с Россией. Он считает не только возможным, но и необходимым добиться в ближайшие годы прогресса в торгово-экономической области, для чего, по его убеждению, есть все необходимые предпосылки. Кратчайший путь к этому он видит через развитие прямых связей с регионами российского Северо-Запада, Камчаткой и Чукоткой. К такому убеждению президент, по его словам, пришел после бесед с главами сотрудничающих с российскими партнерами ведущих исландских компаний, которых он пригласил на прием. «В беседах я убеждал их смелее инвестировать в экономику России», — добавил он. Этот призыв президент повторил позже в своем выступлении на приеме, обращаясь к присутствующим на нем руководителям государственных и коммерческих компаний.

После беседы и экскурсии в сопровождении президента по его резиденции с беглым осмотром хранящегося там уникального собрания предметов национального искусства мы вернулись в зал, где нас ожидали министр иностранных дел и первая леди.

Пока, стоя рядом с президентом и его супругой в ожидании прибытия приглашенных на прием гостей, первая леди устроила мне настоящий экзамен, проверяя познания в области исландской литературы и языка. Начала она с вопроса, сколько и какие именно исландские саги переведены на русский язык.

Ответил, вспоминая прочитанное накануне отъезда и стараясь не запутаться в еще не ставших привычными для меня исландских именах и названиях, что не менее шести, не считая в сокращенных переводах и изложении. Напрягшись, назвал «Сагу об Эгиле», «Сагу об Гуннлауге», «Сагу об Эрике Рыжем», не забыв упомянуть и «Старшую Эдду», составляющую, наряду с другими, гордость и славу древней исландской литературы.

Беседы на приеме с ведущими исландскими политиками и предпринимателями, которых представил мне на приеме президент, немало обнадежили меня, добавив оптимистического настроения в работе. (Тогда, за два месяца до разразившегося у нас в стране дефолта, я еще до конца не представлял себе, сколько времени и напряженных усилий с обеих сторон потребуется, чтобы обсуждаемые нами проекты приобрели реальные очертания.)

Новые страницы истории установления дипломатических отношений с Исландией

Моя официальная аккредитация в Рейкьявике совпала с 55-летием установления между нашими странами прямых дипломатических отношений.

Готовясь к участию к юбилейным мероприятиям, в том числе работая над статьей по этому случаю для крупнейшей столичной газеты, из архивных документов узнал немало интересных фактов и подробностей из истории установления дипломатических отношений с Исландией. (Многие из них стали известны широкому читателю из документов российских и исландских архивов, опубликованных в подготовленном министерствами иностранных дел РФ и РИ сборнике документов, выход которого из печати был приурочен

к 70-летию установления прямых дипломатических отношений между нашими странами).

Произошло это событие 4 октября 1943 г. в разгар Второй мировой войны, еще до провозглашения независимости Республики Исландия (17 июня 1944 г.). Однако начало регулярным отношениям между нашими странами было положено еще в июне 1926 г., осуществляемых в то время через Данию. Поверенный в делах Дании в СССР Э. Торп-Педерсен в ноте от 22 июня 1926 г. сообщил о «признании Королевским Правительством Исландии *de jure* Правительства СССР». В ответной ноте от 24 июня 1926 г. народный комиссар по иностранным делам Г. В. Чичерин «выразил большое удовлетворение Правительства Союза по поводу установления нормальных отношений между обеими странами».

Начало процессу установления прямых дипломатических отношений между СССР и Исландией было положено в середине 1942 г. с контактов в Лондоне посла СССР И. М. Майского и посланника Исландии Петура Бенедиктссона. Проведенный через их посредство зондаж позиций правительств СССР и Исландии на этот счет подтвердил обоюдную заинтересованность в установлении непосредственных дипломатических отношений.

Готовясь к провозглашению своей независимости (стоит отметить, что из 11-ти веков своей истории, ведущей начало с обоснования на острове первых поселенцев, только первые три с половиной века были периодом самостоятельного существования, за которым последовали семь веков господства Норвегии, а затем Дании), Исландия была крайне заинтересована в обеспечении международной поддержки своего будущего статуса, прежде всего со стороны трех мировых держав — СССР, США и Великобритании, рассматривая их как гаранта сохранения своего государственного суверенитета. Важное значение для исландской стороны

имели и соображения экономического характера. Исландский мининдел в телеграмме своему посланнику в Лондоне от 23.11.43 подчеркивал: «Конец войны уже близок, и поэтому Исландия очень нуждается в возможности реализации своей продукции на новых рынках сбыта. В этой связи многие обращают свой взгляд на Россию, в том числе в отношении закупок ею крупных партий соленой сельди». Повышенный интерес исландцы проявляли и к закупкам в Советском Союзе лесоматериалов.

4 февраля 1943 г. народный комиссар иностранных дел СССР В. М. Молотов сообщил в телеграмме послу И. М. Майскому, что «совпра (здесь и далее — советское правительство) не возражает против предложения исландского правительства об установлении непосредственных отношений между СССР и Исландией... Совпра не возражает против учреждения в Рейкьявике советской миссии, не дожидаясь окончания войны».

27 июля 1943 г. Министр иностранных дел Исландии В. Тор в телеграмме на имя наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова подтвердил, что исландское правительство было бы очень радо видеть дипломатические отношения между СССР и Исландией урегулированными. «Я буду рад получить предложение Вашего превосходительства, — говорится далее в телеграмме, — относительно дипломатического представителя СССР, и затем я поспешу немедленно препроводить предложение Исландского Правительства, в порядке взаимности на любезность Правительства СССР».

В ответной телеграмме, датированной 21 сентября 1943 г., В. М. Молотов, «ссылаясь на переговоры, имевшие место между советским послом в Лондоне и посланником Исландии в Лондоне», уведомил исландского мининдел о том, что «Советское Правительство готово обменяться с правительством Исландии дипломатическими представителями,

с назначением в ближайшее время своего посланника при правительстве Исландии в г. Рейкьявике».

Министр иностранных дел В. Тор в телеграмме от 4.10.43 г. сообщил, что «правительство Исландии будет готово назначить своего посланника при Правительстве СССР в Москве».

С даты отправки этого письма — 4 октября 1943 г. и принято вести отсчет времени установления прямых дипотношений между нашими странами.

Чрезвычайный и Полномочный Посланник СССР А. Н. Красильников прибыл в Рейкьявик в феврале 1944 г. Верительные грамоты ему довелось вручать дважды и оба раза — С. Свейну Бьёрнссону: 19 марта — как регенту Исландии и повторно 11 августа — как президенту Республики Исландия. 17 июня А. Н. Красильников принял участие в церемонии провозглашения Республики Исландия.

Принимая от А. Н. Красильникова верительные грамоты, Президент Свейн Бьёрнссон заявил, что рассматривает его назначение как «знак дружбы со стороны Советского Союза по отношению к Исландии». Он отметил далее:

«Я остаюсь при том же самом, как и Вы, мнении, что дружественные отношения между нашими обеими странами будут развиваться в будущем и приведут к плодотворному сотрудничеству между нашими народами. Я искренне желаю, чтобы политические, экономические и культурные отношения между Исландией и Советским Союзом укреплялись и принесли долговечную пользу и счастье обеим странам».

Чрезвычайный и Полномочный Посланник Исландии в СССР П. Бенедиктссон также дважды вручал в Москве верительные грамоты: первый — 10 мая 1944 г., второй — от Президента Республики Исландия 2 августа 1944 г. В декабре 1955 г. дипломатические миссии в Москве и Рейкьявике были преобразованы в посольства.

Дипломатическое признание Исландии со стороны влиятельной мировой державы — Советского Союза, одной из первой в разгар Второй мировой войны, незамедлительно откликнувшейся на обращение молодой независимой республики, было высоко расценено в Исландии как важная и конкретная поддержка становлению возрождающегося исландского государства. Шаг Москвы был воспринят и как признание роли Исландии, заметно возросшей с началом Второй мировой войны. Находясь на перекрестье океанических путей между Американским континентом и Европой, Исландия оказалась в эпицентре противоборства между Британией и Германией и их союзниками за контроль над стратегическими морскими коммуникациями в Северной Атлантике.

Что значит рыба для исландцев

Уже самые первые беседы с руководством страны укрепили убеждение в том, что без урегулирования спорных проблем рыболовства в анклав Баренцева моря и в районе моря Ирмингера, продолжавших оставаться главным раздражителем в наших двусторонних отношениях, трудно рассчитывать на их продвижение вперед в других областях.

Жизненно важное место рыбного промысла для исландцев, его значение для благосостояния этого островного государства невозможно переоценить. Стоит отметить, что на долю базовых отраслей исландской промышленности — рыбодобывающей и рыбоперерабатывающей — приходилось тогда свыше 14% ВВП и до 75% доходов от экспорта.

Ничто не принимается исландцами столь близко к сердцу и не отстаивается с такой безоглядной решимостью — вся новейшая история страны тому подтверждение — как свои рыбные богатства, суверенное право на их использование. Достаточно вспомнить, с какой дерзновенной отвагой,

не останавливаясь перед прямыми столкновениями с превосходящими по мощи соседями, на грани открытия огня, добились исландцы, пройдя через четыре «тресковые войны», признания в 1975 г. своего права на 200-мильную зону. Начав в 1952 г. с увеличения своей экономической зоны до 4-х миль и запрета иностранным судам вести промысел в своих фьордах и бухтах, затем — до 12, потом — 50 миль. Стоит вспомнить, что в разгар острого кризиса во время 2-й «тресковой войны» (1958–61 гг.) на помощь Исландии пришла наша страна, закупив свыше 20% ее экспорта соленой сельди и значительную долю другой рыбной продукции.

Спор Исландии с Россией и Норвегией возник из-за неконтролируемого промысла трески исландскими рыболовными судами в так называемой «лазейке» — ограниченном районе Баренцева моря, прилегающем к их экономическим зонам. Выступая за прекращение незаконного промысла, российская сторона исходила из того, что в соответствии с Соглашением об осуществлении положений Конвенции ООН по морскому праву от 10 декабря 1982 г., которые касаются сохранения трансграничных рыбных запасов и запасов далеко мигрирующих рыб и управления ими, в частности с частью II Соглашения, треска Баренцева моря является трансграничным запасом, поскольку нагуливается и нерестится в экономических зонах России и Норвегии и лишь частично на время выходит за пределы 200-мильной зоны.

Другая спорная проблема была связана с введением в 1996 г. запрета на заход в исландские порты российских судов с грузом морского окуня, добытого в районе моря Ирмингера (Рейкьянесский хребет) и вызвана отказом России соблюдать выделенную ей Комиссией по управлению рыболовством в Северо-Восточной части Атлантического океана (НЕАФК) — при активном участии исландских

представителей — неоправданно заниженную квоту на лов этого вида рыбы.

Несмотря на продолжающиеся в течение более трех лет двусторонние и трехсторонние (с участием Норвегии) консультации, не удалось найти приемлемое решение остающихся спорных вопросов, что затягивало подписание российско-исландского соглашения о сотрудничестве в области рыбного хозяйства.

Поиск взаимоприемлемых развязок спорных вопросов (в основе лежало наше компромиссное предложение о выделении Исландии квоты на вылов трески взамен прекращения лова его судами в «лазейке» в экономических зонах России и Норвегии) продолжался при активном участии российской стороны в ходе интенсивных переговоров на различных уровнях, включая высокий, в Рейкьявике и Москве и, наконец, после перемены в норвежской позиции, завершился подписанием 15 мая 1999 г. в Санкт-Петербурге межправительственного трехстороннего российско-норвежско-исландского «Соглашения, касающегося некоторых аспектов сотрудничества в области рыболовства». Это позволило после нескольких дополнительных раундов переговоров и консультаций подписать 3 апреля 2000 г. двустороннее российско-исландское Соглашение о сотрудничестве в области рыболовства и Протокол к нему, которым была определена российская квота (на безвозмездной и частично на платной основе) на промысел трески в исключительной экономической зоне России.

От урегулирования спорных вопросов к расширению взаимовыгодного сотрудничества

Урегулирование спорных проблем в такой важной для Исландии области, как рыбное хозяйство, устранившее многолетний раздражитель в наших двусторонних отношениях, ускорило их продвижение по другим направлениям. Заметно насыщеннее стала повестка дня двустороннего политического диалога, повысился его уровень, возросла интенсивность обмена визитами. Причем, большинство из них — впервые за всю историю отношений между нашими странами.

Позитивную динамику в двусторонних отношениях закрепил состоявшийся в сентябре 1999 г. визит в Исландию тогдашнего Министра иностранных дел РФ И. С. Иванова, который, по мнению исландской стороны, «восполнил сохраняющийся пробел в двустороннем политическом диалоге, подняв его на более высокий уровень». С ответными визитами в России в марте 2000 г. и в октябре-ноябре 2001 г. (впервые с официальным) побывал Министр иностранных дел и внешней торговли Х. Аустримссон в сопровождении большой группы представителей деловых кругов. После сорокалетнего перерыва Москву с официальным визитом посетила делегация Альтинга Исландии во главе с его председателем, что позволило перевести на регулярную основу межпарламентские связи.

В Рейкьявике побывала Заместитель Председателя Правительства РФ В. И. Матвиенко, принявшая участие в крупной международной конференции «Женщины и демократия на пороге XXI века».

Продолжала укрепляться договорно-правовая база двусторонних отношений. Помимо соглашений по вопросам рыболовства был подписан ряд важных межправительственных

и межведомственных соглашений, а также между Исландией и субъектами Российской Федерации.

Шире и предметнее стало наше сотрудничество с Исландией в рамках ООН, Арктического Совета и региональных организаций стран Балтийского моря — (Исландское участие в последних ограничивалось прежде по большей части политической поддержкой по причине, как они объясняли, «скромных финансовых возможностей»).

После длительной паузы по инициативе посольства и предложению Государственной думы РФ были возобновлены контакты между Федеральным собранием РФ и Северным Советом. Переговоры, проведенные делегацией Госдумы РФ, которая была приглашена на сессию этой организации в Рейкьявике, и во время ответного визита ее делегации в Москву способствовали принятию «Новой стратегии Совета Министров Северного Совета в области сотрудничества с сопредельными государствами на 2001 г.», к которым были отнесены и северо-западные регионы России.

После агрессии НАТО в Югославии

Однако последовавшие за этим события осложнили и замедлили набравшие силу позитивные процессы.

Позиция Исландии как последовательного атлантиста, ее ориентация на тесное оборонное сотрудничество с США со всей наглядностью проявились во время событий в Югославии. Официальный Рейкьявик среди первых поддержал ракетно-бомбовые удары Североатлантического альянса по Белграду и заявил о готовности направить свой персонал в Косово. (Ссылаясь на ограниченные материальные возможности, Исландия ограничилась предоставлением 200 тыс. исландских крон на гуманитарную помощь Косово, приняла

оттуда 20 беженцев и направила 6 медработников в составе британского контингента.)

Реагируя на аргументацию с нашей стороны о неправомерности военных действий Североатлантического альянса против суверенной СРЮ, министр иностранных дел Х. Аусгримссон, которому я, выполняя поручение, передал в беседе 25 марта 1999 г. текст «Заявления Президента РФ в связи с военной акцией НАТО в Югославии», обойдя вопрос о легитимности этой акции, ограничился повторением часто повторяемого натовцами штампа о «необходимости предотвратить гуманитарную катастрофу».

Оздоровлению атмосферы наших политических отношений не способствовало и то, что Рейкьявик, сохраняя курс на оказание поддержки планов втягивания в альянс трех прибалтийских стран, продолжал закрывать глаза на нарушения там прав русскоязычного населения.

Неожиданно бурно отреагировали официальный Рейкьявик и местные СМИ на пролет в конце июня 1999 г. в Северной Атлантике вблизи исландской зоны ПВО двух самолетов российских ВВС (он проходил в рамках проводимых у нас плановых военных учений вне пределов воздушного пространства Исландии, с предварительным уведомлением об этом исландской стороны).

В исландском МИДе, куда я был срочно вызван, мне была передана нота с выражением «обеспокоенности в связи с появлением вблизи Исландии после 8-ми летнего перерыва двух стратегических бомбардировщиков». Что как было заявлено в беседе, «ассоциируется у исландцев с периодом холодной войны и дает пищу для различных толкований относительно дальнейших планов и намерений российской стороны». Такая реакция Рейкьявика на пролет наших военных самолетов в местном дипкорпусе объясняли его растущей озабоченностью в отношении

судьбы американской военной базы в Кефлавике и других натовских объектов на территории Исландии и связывали с предстоящими переговорами с американской стороной по вопросу продления Протокола к Соглашению об обороне между США и Исландией от 1951 г.

По схожему с июнем 1999 г. сценарию развивалась ситуация во время учений Минобороны РФ в Северной Атлантике 10–15 сентября 2001 г., когда исландские власти, ссылаясь на неполноту информации и недостаточную, по их мнению, заблаговременность ее передачи российской стороной (в действительности вербальная нота с уведомлением об учениях поверенным в делах РФ была вручена еще 8 сентября), были на грани прекращения обслуживания своими авиадиспетчерами полетов гражданской авиации в зоне ответственности Исландии.

Однако по мере улучшения отношений Россия–НАТО возникшая напряженность постепенно спадала. (Позднее в мае 2002 г. в Рейкьявике прошли сессия Совета НАТО на уровне мининдел и заседание Совета Россия–НАТО.) Впервые с 1997 г. подразделения МЧС России приняли участие в проведенных на территории Исландии в рамках «Партнерства ради мира» международных учениях спасателей «Совместный страж–2000».

Со Службой береговой охраны Исландии была достигнута договоренность об организации визита корабля ВМФ РФ. Единственный за всю историю визит в Исландию российского корвета состоялся в 1870 г., на борту которого находился великий князь, будущий император России Александр III. (Первый после длительного перерыва визит в Исландию российского военного корабля состоялся в июле 2002 г.)

В целом же в годы моей работы в Исландии, возобновились приглашения российского посла на протокольные мероприятия по случаю визитов высоких натовских чинов,

на конференцию, посвященную 50-летию подписания Договора об обороне с США. Участились приглашения на различные мероприятия, устраиваемые на военных кораблях НАТО по случаю их захода в Рейкьявик и на территории базы ВВС и ВМС США в Кефлавике, где они проводились в офицерском клубе или ангарах с приглашением осмотреть военную технику. Время было такое. Правда, побывать в кабинах самолета F-16 и вертолета «Апачи», в отличие от скандинавских послов, у меня желания не возникало.

Каждый раз въезжая на территорию базы под любопытными взглядами охранявших ворота военных полицейских, с интересом разглядывавших российский флаг на автомашине, на меня непроизвольно накатывались воспоминания тридцатилетней давности, когда в далекие 60-е годы в начале своей дипломатической службы я провел несколько лет в воюющем Вьетнаме в разгар американских бомбардировок...

Вспоминая рейкьявикский саммит

Прибытие летом 1998 г. в исландскую столицу на международную конференцию «Скандинавские страны и холодная война» российских и американских ученых (некоторые из них, как академик Г. А. Арбатов входили в качестве советников в команды М. Горбачёва и Р. Рейгана) повысило внимание участников форума к Рейкьявикскому саммиту.

Малоизвестные, нередко курьезные, подробности, связанные с проведением саммита, мне довелось услышать, общаясь с российскими и американскими учеными в ходе конференции, на устроенном в нашем посольстве обеде и на заключительном приеме, организованном для ее участников в том же здании, где прежде проходил рейкьявикский саммит.

Это одиноко стоящее здание было выбрано для проведения встречи исключительно по соображениям безопасности (с фасада оно отгорожено широким шоссе и заливом, а на время саммита — еще и воздвигнутым высоким щитовым забором, а сзади, со стороны входа, от соседних строений его отделяет просторный сквер). В остальном построенное еще в 1909 г., деревянное строение было мало приспособлено для проведения мероприятия такого уровня. Внутри находилась небольшая гостиная, где проходили беседы глав, а по бокам несколько тесных помещений, в которых размещались их советники. На всех сопровождающих лиц обеих делегаций, вспоминали мои собеседники, был один-единственный туалет, расположенный на «советской территории». Через нее американцы, пока шли многочасовые переговоры, были вынуждены проходить, предваряя каждый раз свое «вторжение» условным знаком.

Потом этот особняк был передан столичной мэрии для представительских целей, в основном для приема иностранных гостей. К годовщине саммита в сквере, неподалеку от крыльца, широко известного по кадрам фото- и видео хроники знаменитого рукопожатия по окончании переговоров глав, тогда еще обеих, сверхдержав, власти Рейкьявика соорудили памятную каменную стелу, на которой были выбиты их полные имена и дата саммита.

Организованную мэрией церемонию открытия памятной стелы я пропустил, находясь в Москве. По возвращении из отпуска, сопровождая экскурсию по Рейкьявику российской делегации, я вчитался в надпись на стеле и был удивлен увиденному. Рядом с полным именем президента США было написано по-английски «Горбачев Михаил НИКОЛАЕВИЧ».

Вернувшись в посольство, поручил помощнику позвонить в канцелярию мэра и деликатно указать на ошибку. Спустя месяц, не дождавшись ответной реакции, на одном

из приемов напомнил мэру про надпись на стене. Потребовалось больше года, прежде чем ошибка была исправлена, но... другим шрифтом.

На пороге первого в истории президентского визита

Обсуждение международной и региональной проблематики в ходе обмена визитами министров иностранных дел, двусторонних политических консультаций на уровне заместителей министра и директоров департаментов МИД показал увеличение круга международных проблем, по которым позиций наших стран были близки или совпадали. Отмечалось сходство в подходах к новым глобальным вызовам, борьбе с терроризмом, роли и значения ООН, активному взаимодействию в Арктическом Совете. (В октябре 2002 г. Исландия стала председателем Арктического Совета.) Этому способствовала проведенная ранее по инициативе России в г. Санкт-Петербурге министерская встреча по формуле 5+3+1 (страны — члены Северного Совета, три — Балтии плюс одна «приглашенная извне» — ФРГ).

Двусторонний политический диалог еще больше ожил во время председательствования Исландии в Комитете Министров Совета Европы и в Совете Министров Северного Совета.

Далеко идущие надежды, особенно в плане восстановления подорванных дефолтом торгово-экономических связей и продвижения других труднорешаемых вопросов, возлагались на визит в Россию президента Республики Исландия О. Р. Гримссона, его переговорам с российским руководством.

По мере приближения сроков визита активизировалось участие министерств и ведомств обеих сторон в проработке

перспективных вопросов сотрудничества наших стран в торгово-экономической и других областях. Их обсуждению были посвящены переговоры в Москве с министром иностранных дел и внешней торговли Исландии. Они рассматривались в ходе обмена визитами председателя Госкомрыболовства РФ и министра рыболовства Исландии, министров финансов, во время визитов в Исландию делегаций субъектов Российской Федерации, на сессиях двусторонней Смешанной комиссии по рыболовству и трех раундах консультаций по торгово-экономическим вопросам между министерством экономического развития и торговли РФ и министерством иностранных дел и внешней торговли Исландии.

Состоявшиеся беседы и переговоры подтвердили наличие реальных перспектив расширения взаимного сотрудничества в таких областях, как рыболовство, рыбопереработка и энергетика, включая проработку проектов теплофикации населенных пунктов Камчатки и Чукотки на основе геотермальных источников.

При подготовке программы визита учитывались и научные интересы президента, в прошлом профессора Рейкьявического университета. Ему принадлежит идея создания Северного исследовательского форума (СИФ), 1-й учредительный конгресс которого был проведен под его председательством при широком участии российских исследователей в г. Акурейри в 2000 г. В дни проведения конгресса президент, подчеркивая в наших беседах полезность перевода деятельности СИФ на постоянную основу с точки зрения налаживания более тесной координации программ развития северных регионов России с сопредельными странами, делился своими планами насчет проведения следующего форума в России. Эти планы были осуществлены в сентябре 2002 г., когда с его участием в г. Великом Новгороде состоялся 2-й Конгресс Северного исследовательского форума.

Официальный визит в Россию президента Республики Исландия О.Р. Гримссона — первый за всю историю наших двусторонних отношений — состоялся в апреле 2002 г. и завершился плодотворными результатами.

О национальном характере и обычаях исландцев

И все же самыми ценными для изучения Исландии, помимо освоения языка и письменных источников, стали для меня поездки по стране, которую за четыре года работы основательно исколесил. И, конечно же, общение с исландцами самых различных социальных групп и профессиональных занятий — от рыбаков и фермеров до глав местных органов власти, владельцев и менеджеров предприятий и фирм, депутатов альтинга (парламента) и членов правительственного кабинета.

С каждым новым знакомством, особенно, когда удавалось, избежав гостиницы, остановиться в доме фермера, постепенно становились понятнее уклад и обычаи исландцев, особенности их национального характера и образ мышления.

При более близком общении с исландцами как-то незаметно расстаешься со стереотипными представлениями о типичных представителях северной страны, обитающих у самого полярного круга. По первому впечатлению, их внешняя суровость и даже некоторая холодность в общении с малознакомыми людьми, тем паче с иностранцами, довольно быстро, стоит только им убедиться в искреннем и уважительном к себе отношении, уступает место ответной симпатии и доброму расположению, нередко перерастающими в дружбу.

За поначалу кажущейся их эмоциональной сдержанностью скрывается вовсе не северный темперамент, а порою

безудержный азарт, который проявляется и в поведении местных футбольных и гандбольных фанатов, и в увлечении быстрой ездой, в пристрастии к экстремальным видам спорта, вроде подъема на джипах на вершины крутых высоких холмов, и во многом другом.

В отнюдь не нордическом темпераменте исландцев мне довелось не раз убедиться. Большие работяги, знающие цену заработанному нелегким трудом, раз в неделю по пятницам, в день выдачи зарплаты, исландцы, в основном молодежь, дают выход накопившемуся стрессу, всю ночь до утра громкими криками и песнями будоража жителей прилегающих к скверам и паркам домов.

Исландцам издавна присуща веротерпимость. В Исландии, где государственной является евангелическая лютеранская церковь, мирно уживаются церкви других конфессий. Это подтвердила и благожелательная реакция властей и руководства правящей и католической церкви на обращение Московской Патриархии об открытии в Исландии первого постоянно действующего прихода Русской Православной Церкви. (Свято-Никольский приход РПЦ в Рейкьявике был зарегистрирован в октябре 2001 г.).

В этом убедился я сам, присутствуя вместе с дипкорпусом в праздновании тысячелетия христианизации Исландии, состоявшемся в конце июня 2000 г. Проходило оно в торжественной обстановке на самом почитаемом исландцами историческом месте, символе ее древней культуры и независимости, — Полях Тинга. В живописной долине неподалеку от Скалы Закона, в древние века служившей трибуной, на месте альтинга — предтечи первого в Европе парламента (он отдаленно напоминает появившееся веком позже Новгородское Вече), была установлены большая сцена, гостевые и зрительские трибуны и шатры. В красочной и пышной церемонии участвовали представители евангелическо-лютеранской,

католической и других религиозных конфессий, включая РПЦ. Слушая их приветственные слова, вспоминал дошедшие до нас благодаря сохранившимся письменным источникам удивительные свидетельства о том историческом событии. Принятие 24 июня 1000-го года решением альтинга христианства как официальной религии Исландии, положившее конец спорам между христианами и язычниками, позволило избежать междоусобиц, сохранить мир с Норвегией и открыло дорогу к налаживанию связей с соседними странами, принявшими христианство раньше.

Не могу не отметить и такую уникальную особенность Исландии. Тесные родственные связи исландцев, в основе которых — уважение к памяти предков, единая историческая судьба, культура и язык, подкреплены доскональным знанием своей родословной. Существует ли в мире другой народ (в Европе точно нет), который благодаря сохранившимся до наших дней письменным источникам, в состоянии поименно назвать своих предков чуть ли не до 29-го колена?

Кто первым открыл Америку?

На начало второго тысячелетия в Исландии пришелся еще один большой юбилей — 1000-летие открытия Америки скандинавскими викингами. Этому знаменательному событию была посвящена большая экспозиция, развернутая в новом историческом музее в г. Рейкьявике, торжественно открытом президентом в присутствии дипкорпуса. Как свидетельствуют собранные в ней реликвии, в том числе копия старинной «карты Винланда», первыми из европейцев до Северной Америки около 1000 г. доплывали викинги. Как повествуется в исландских сагах — «Саге об Эрике Рыжем» и «Саге о гренландцах», исландец норвежского происхождения Лив Эрикссон достиг северо-восточного побережья

Америки (ныне канадская провинция Ньюфаундленд) в 1004 г., почти за пятьсот лет до открытия Х. Колумбом Америки (1492 г.). Обнаруженная в Канаде древняя стоянка викингов стала еще одним подтверждением того, что первым европейцем, родившимся на американском континенте, был потомок исландских викингов.

Помню, в дни юбилейных торжеств в Рейкьявике ходил популярный анекдот о Х. Колумбе и его команде, которые после высадки на берег были крайне раздосадованы, заметив среди аборигенов белых светловолосых детей.

Воодушевленные успехами своих предков-первопроходцев, исландцы с заинтересованным вниманием следили за археологическими раскопками экспедиций известного норвежского путешественника Тура Хейердала в районе Азова Ростовской области, ожидая доказательств присутствия там викингов, что подтвердило бы достоверность описаний в исландских сагах. Известный исландский политический деятель и предприниматель, увлекшись на волне всеобщего энтузиазма идеей организовать исландскую экспедицию «по древней дороге викингов от Балтийского моря через Россию по Волге и Каспию», предлагал мне даже провести ее совместно с российскими учеными...

Эрик Рыжий и Матвей Шпаро, или Кто открыл и покориł «Зеленую землю»

О малящем соседстве Гренландии напомнил прилет в Рейкьявик в августе 1998 г. известного российского путешественника Матвея Шпаро. Озабоченный подготовкой российской лыжной экспедиции здоровых и инвалидов через Гренландию, намеченной на май 2000 г., он приехал улаживать — не без помощи нашего посольства — связанные с этим многочисленные дела, за что потом, после успешного

завершения этого рискованного предприятия поблагодарил в письме от имени ее участников.

Не предполагал я тогда, что вскоре после экспедиции мне представится возможность воочию увидеть давно привлекавший меня самый крупный ледяной остров Земли. 23 мая 2000 г. в Гренландии открывалась встреча министров рыболовства стран Северной Атлантики, и министр рыболовства Исландии, который туда собрался, пригласил меня отправиться вместе с ним на легком четырехместном самолете.

Получив «добро» у своего мидовского начальства и датскую визу (по прилете и обратно в аэропорту никто к ней интереса не проявил и даже не заглянул в мой паспорт), через пять с половиной часов, перелетев с востока на запад через всю Гренландию и проехав около часа на автомашине, мы оказались в небольшом городке Илулиссат на западном побережье острова.

Открывшийся из расположенной на берегу залива Диско Бэй (в 2004 г. занесен в список всемирного наследия ЮНЕСКО) гостиницы вид на величественно проплывающие мимо айсберги, редкая, несмотря на май, зеленая растительность лишь отдаленно напоминали описание этого острова Эриком Рыжим, который в 982 г., сойдя на берег, дал ему завлекательное — в расчете на будущих поселенцев — название Гренландия (Greenland) или «Зеленая земля».

Во время долгого перелета назад в Рейкьявик перед глазами то и дело возникали незабываемые картины так быстро промелькнувших в поездке дней: встречи и песни под гитару с гренландцами-инуитами, их рассказы об особенностях жителя-бытья на острове; гигантские глыбы сползающих в море тающих ледников, наблюдаемые с вершины скального хребта во время вертолетной экскурсии; айсберги причудливых форм, такие непохожие издали и вблизи, когда подойдешь к ним на катере, и непременно для туристических круизов

по ледниковому фьорду аттракциономом — причаливанием к одному из дрейфующих айсбергов, чтобы отколотый гидом кусок самого чистого в мире льда, тут же раскрошив его на борту, опустить в стакан с популярным шотландским напитком.

Страна художников и поэтов

С наступлением весны в Исландии зимний пейзаж сменяют почти фантастические картины ее первозданной природы с непрерывной сменой чарующих красок гор, покрытых мхом или лишайником лавовых полей, с яркими вкраплениями лугов около хуторов в горных долинах. Созерцание этих дивных пейзажей неизменно настраивает на поэтический и философский лад. Влиянием этих природных факторов на современных жителей страны, впитавших в себя богатство древнеисландской (скальдической) поэзии как части многовековой культуры, литературы и языка, видимо, во многом объясняется их художественная одаренность. Без колебания разделяю авторитетное мнение исследователей Исландии, отдающих ей первое место среди других стран по количеству поэтов и художников на душу населения.

В достоверности таких наблюдений я мог убедиться, побывав за годы командировки в гостях у многих исландцев в их уютных домах, непременной частью убранства которых являются развешанные по стенам картины, написанные ими самими, их родственниками или приобретенные на выставках. Даже начинающие любители смело выставляют свои работы на многочисленных выставках, запрашивая за них цены, сопоставимые с картинами профессиональных мастеров. Одна из таких любительских работ — написанная маслом очень пожилой женщиной, матерью знакомого фермера, картина (на ней изображен вытасченный на берег

отслуживший свое старый рыбацкий баркас на фоне бушующего океана), украшает мою московскую квартиру и с каждым годом нравится мне все больше.

С несколькими известными исландскими художниками я был знаком и наблюдал за работой в их мастерских. И ныне не перестаю любоваться завораживающими пейзажами популярного в Исландии и за ее пределами художника Толли, открывая альбом его работ, подаренный им с трогательной надписью, заканчивающейся почти тавтологией: «С наилучшими пожеланиями Толе от Толли».

«Из-за острова на стрежень»

Помимо других талантов исландцев отличает врожденная музыкальность. Их мелодичные песни, по большей части, распевные и протяжные, сродни бескрайним исландским просторам, очень напоминают русские. Поэтому наша музыка, особенно фольклор, близка и понятна исландцам разных поколений и возрастов.

В этом я воочию убедился во время поездки по стране с ансамблем «Русские виртуозы» под руководством заслуженного артиста России Дмитрия Царенко. Во время выступлений и уроков мастерства наших талантливых артистов в музыкальных школах разных городов страны я наблюдал неподдельный интерес преподавателей и учеников (большинство из них, если не все, впервые видели и могли поддержать в руках балалайку и домру) к нашей музыкальной культуре.

Это было заметно по репертуару концерта на открытии только что построенного концертного зала музыкальной школы в небольшом живописном городке на северо-западе страны Исафьордуре, на которое были приглашены министр культуры Исландии и российский посол. Преподаватели

школы, показав в беседах глубокое знакомство с российской музыкальной культурой, с благодарностью вспоминали в беседах творческую и материальную помощь, оказанную их школе известным пианистом и дирижером В. Д. Ашкенази, жившим в этом городке вместе с женой.

В Исландии широко развита культура хорового пения. Даже в маленьких городках имеются клубы, где регулярно собираются на спевки, приезжая из отдаленных хуторов и рыбацких поселков, любители пения, непременно одетые в национальные костюмы.

С одним из таких певческих хоров в г. Дальвик на крайнем севере страны, где я был по приглашению местных властей и компании по добыче и переработке рыбы, у меня связан такой памятный эпизод.

На концерте местного хора, после того, как я, уступая настоятельным просьбам хозяев приема, исполнил по-русски, повторив, признаюсь, несколько раз одни и те же куплеты, популярные в Исландии «Подмосковные вечера» и «Катюшу», последовало предложение исполнить в заключение еще одну песню вместе с хором.

Первой на ум пришла мелодия русской народной песни «Из-за острова на стрежень». Энтузиазм, с которым было встречено это предложение, когда я напел мелодию, меня немало удивил. «Откуда вы ее знаете, это же наша исландская народная песня?», — допытывался руководитель хора — пастор местной лютеранской церкви. Я попытался было оспорить это утверждение, но видя нетерпение публики, вскоре сдался. Посоветовавшись накоротке, договорились спеть эту песню вместе, каждый на своем родном языке. Наше совместное исполнение было на ура встречено присутствовавшими, тем более, что мелодия ничем не отличалась от нашей.

Позднее я не раз пытался докопаться до истоков появления любимой песни в этой далекой северной стране, но безуспешно. Исландцы продолжали стоять на своем, хотя в подтверждение доказательств привести не смогли. Со своей стороны я повторял, что хотя имя автора музыки не сохранилось, доподлинно известно, что русский текст песни написан на стихи поэта Д. Н. Садовникова, созданные на сюжет одной из легенд о Степане Разине.

До подобного спора дело не дошло, когда я пригласил на мой прощальный прием в российское посольство известный в Исландии и за ее пределами Мужской хор Рейкьявика. В присутствии именитых гостей, среди которых был министр иностранных дел, будущий премьер-министр, мы дружно заняли вместе, каждый на своем родном языке, эту так полюбившуюся и нам, и исландцам мелодию.

«Посол, в такую погоду в футбол не играют!»

В разгар дефолта 1998 г. наше не очень радужное настроение заметно приподняло известие о прилете в Рейкьявик сборной России по футболу на матч отборочного турнира чемпионата Европы 2000.

День прилета сборной 12 октября прямым чартерным рейсом из Москвы выдался на редкость ветреным. За всю свою командировку не припомню другого такого дня: приехав их встретить в аэропорт и направляясь по полю к самолету на отдаленную стоянку, мне пришлось плотно держать в руке кепку и слетевшие с носа от сильного порыва ветра очки.

По трапу самолета после довольно продолжительной паузы первым спустился с мячом в руках (в наступивших сумерках я узнал его сразу) сам легендарный Никита Павлович Симонян. Сжимая вырывавшийся из рук от сильных

порывов ветра мяч, первое, что он произнес сойдя с трапа, как только я ему представился, было: «Посол, в такую погоду в футбол не играют!».

Руководители Исландского футбольного союза, предусмотрительно дожидавшиеся нас внутри здания аэропорта в зале для почетных гостей, постарались развеять озабоченность российских коллег, заверив прибывшего во главе делегации президента Российского футбольного союза В. И. Колоскова, что в день игры «все будет о'кей».

На следующий день вместе с руководством РФС я был приглашен на прием, устроенный министром финансов, отвечающим также в правительственном кабинете за спорт, будущим премьер-министром. Почетным гостем на нем был впервые прилетевший с визитом в Исландию Йозеф Блаттер, незадолго до того избранный президентом Международной федерации футбольных ассоциаций.

Обед начался с конфуза. К большой неожиданности для хозяина приема, Й. Блаттер, когда всем гостям было предложено блюдо из лучших местных сортов рыб, сообщил, что у него аллергия на рыбу. Озадаченный Г. Хорде тут же послал куда-то за мясом, которое в меню предусмотрено не было. И всем приглашенным пришлось еще долго томиться в ожидании, пока его принесут и приготовят для главного гостя. В дальнейшем обед скрасила интересная беседа и приятные нашему слуху авторитетные прогнозы нового президента ФИФА относительно благоприятного для российской сборной исхода завтрашнего матча. Увы, им не дано было сбыться! Остаток дня провели в посольстве, куда, узнав накануне о дне рождения Н. П. Симоняна, совпавшим с его прилетом в Рейкьявик, пригласил всех к себе отметить это событие. От легендарного мастера, тронутого вниманием и поблагодарившего за подаренный ему от сотрудников посольства, его давних почитателей, альбом с видами Исландии, узнал

в беседе немало нового о работе в этой стране в прошлом по контракту первых наших спортсменов и тренеров по футболу и гандболу, среди которых был и он сам. Вечером успели съездить на экскурсию в Тингвеллир, знаменитую долину гейзеров и самый крупный по массе водопад Гудльфосс, вернувшись в Рейкьявик уже затемно.

День футбольного матча 14 октября, как и обещали исландцы, выдался безветренным. Подъехав вместе с делегацией к стадиону, попали в плотное кольцо приехавших из всех уголков Исландии поболеть за нашу сборную россиян. Всем непременно хотелось сфотографироваться на память с Н. П. Симоняном.

В зале для гостей пообщался с президентом ФИФА, руководителями исландского футбольного союза и приехавшими поболеть за свою сборную известными исландскими парламентариями и министрами. Сидя рядом с ними на трибуне и наблюдая за ходом матча, был поражен их бурной реакцией, что не вязалось с моими представлениями о сдержанных манерах северян. Особенно это было заметно после решившего исход матча единственного гола, забитого в конце игры в собственные ворота нашим полузащитником. Этот гол вызвал у моих именитых соседей такой прилив бурного ликования, который не спадал с их торжествующих лиц и тогда, когда мы прощались, разъезжаясь по окончании игры. Вечер и почти всю ночь того же дня провели в аэропорту у барной стойки за интересной беседой с руководителями российского футбола и спортивными комментаторами, затянувшейся из-за нелетной погоды почти до самого утра.

Наше общение было продолжено на следующий год во время моего отпуска — на стадионе «Динамо», где 9 июня состоялся ответный отборочный матч с исландской сборной. В нем наша сборная, не без труда, взяла реванш с тем же счетом. В память о тех встречах храню дорогие для меня, как

болельщика со стажем, сувениры — футбольный мяч с автографами игроков сборной и руководителей РФС и фирменную футболку с номером 18.

О троллях всерьез

Когда бы речь ни заходила об Исландии, мои собеседники, узнав, что мне довелось прожить в этой стране несколько лет, неизменно засыпали меня вопросами о ее таинственных обитателях. Насколько правдоподобны, допытывались они у меня, показанные по телевизионным каналам ряда западноевропейских стран репортажи, в которых местные жители рассказывали, что не только слышали, но видели и общались с существами в облике троллей, эльфов и гномов. Подобные случаи, как утверждают авторы этих репортажей, можно наблюдать и в северной части Норвегии, малозаселенной, как и Исландия, с затяжными туманными и вьюжными зимними периодами, порождающими ощущение одиночества и изолированности.

Не довольствуясь объяснением этих загадочных явлений влиянием исключительно природно-географического фактора, я искал разгадку веры исландцев в сверхъестественные существа в разных их видах и обличьях (местные жители, как утверждает в одном репортаже, различают 3 типа «скрытых людей»,¹³ — эльфов, 4 — гномов, 2 вида троллей и 3 — фей) — в местных народных сказках, во влиянии языческой религии и законов, многие из которых сохранялись в Исландии и после введения христианства как официальной религии.

Во многих из них упоминаются фантастические существа, именуемые «скрытыми жителями», которые ничем не отличаются от обыкновенных людей. Единственное внешнее отличие «скрытых людей», как я вычитал в одной из книг,

состоит в «отсутствии вертикальной впадины между носом и верхней губой».

Их скрытая от людей жизнь протекает на холмах, в покрытых мхом скалах, крупных валунах и походит на обычные занятия обычных людей. Местные жители, считая их своими защитниками от бед, строят для них рядом домики-землянки. По рассказам лиц старшего поколения, они поддерживают с эльфами и гномами дружеские отношения и знают, где и как они живут.

Главное, что надо помнить в «общении» с ними — предупреждают туристов экскурсоводы — нельзя беспокоить эльфов и прочих таинственных обитателей. Они не мешают людям, но очень не любят, когда вторгаются в их дом. Тогда можно ожидать любых неприятностей.

Вот такие воспоминания...

Как и другим побывавшим в Исландии иностранным гражданам, мне приходилось не раз слышать вполне серьезные предупреждения о запрете на вывоз из страны крупных кусков лавы и камней, чтобы «не причинить вреда троллям, которые могут в них обитать». Разговор о загадочных обитателях не раз заходил на встречах с исландцами в Рейкьявике и во время поездок по стране. И что примечательно, никто из моих собеседников — от простых рыбаков до профессоров столичного университета, политических деятелей и бизнесменов с европейским университетским образованием — не высказал прямо сомнение в правдивости историй о существовании загадочных существ, хотя и допускал наличие в некоторых историях определенного «коэффициента сомнительности». С другой стороны, никто и не утверждал прямо, что в них верит.

На моей памяти одна дорожно-строительная фирма из-за протестов местных жителей вынуждена была изменить намеченную трассу прохождения нового шоссе,

соединяющего президентскую резиденцию с Рейкьявиком, которая — по их утверждению — затрагивает жилища и святыни эльфов. Подобно этому, одну из дорог в соседнем городке пришлось сделать с односторонним движением: поперек лежал принадлежащий эльфам большой валун, который во избежание неприятностей решили не двигать. Известно также, что при возведении первого в стране крупного торгового центра строители, прокладывая электрические кабели и подземные коммуникации, тщательно старались обойти, чтобы не затронуть предполагаемые жилища гномов и фей. Широко распространена практика, когда супруги, планирующие построить или переехать в новый дом, нанимают «elf-spotters» — специалистов по наблюдению и обнаружению эльфов, чтобы убедиться в отсутствии там таинственных обитателей.

К услышанному, увиденному или прочитанному мною на эту тему — а исландцы глубоко знают и заслуженно гордятся сагами и другими дошедшими до нас письменными памятниками своей древней литературы — мои собеседники относились с неизменной серьезностью и многозначительной задумчивостью. Некоторые из них даже дополняли обсуждаемые в разговорах истории свидетельства жителей тех мест, откуда они сами родом.

Серьезное отношение исландцев к затронутой теме подтверждает история, рассказанная мне высоким чином полиции Рейкьявика. «Поздно ночью в резиденцию одного посла (название страны и имя посла по этическим соображениям опускаю) по срочному вызову прибыл полицейский патруль, объезжавший по ночам дипломатический квартал. Полицейские не только внимательно отнеслись и тщательно за протоколировали рассказ высокопоставленного дипломата «о нападении на него человекообразных существ, которые пытались его задушить», но перед отъездом настоятельно

посоветовали в случае их нового появления немедленно сообщить в полицейский участок».

Как было то ни было, тема загадочных обитателей Исландии продолжает широко использоваться местными турагентствами. В издаваемых ими проспектах на картах помечены места, где «по самым проверенным данным», можно встретить «эльфов, гномов и прочих таинственных обитателей». Так, в издаваемом Туристическим Информационным Центром Исландии буклете сообщается, что «в городке Хафнарфьордур, расположенном в 10 километрах от Рейкьявика и в 30 минутах езды от главного аэропорта исландской столицы, находится одно из самых крупных поселений эльфов». Туда организуются специальные полуторачасовые экскурсии.

Об услышанном и прочитанном за время моей командировки в Исландию о ее таинственных обитателях напоминает обшитый шерстью небольшой гладкий камень, подаренный нам с женой как оберег знакомой семьей исландского фермера перед отъездом на родину.

* * *

В узкие рамки этих заметок удалось уместить лишь небольшую часть накопившихся впечатлений об исландцах и их неповторимой стране, которая за прожитые там годы стала мне намного ближе. Хотя, признаюсь, остается непознанной и загадочной.

ВОСПОМИНАНИЯ СТАРОГО ДИПЛОМАТА

Одна из счастливых сторон работы профессионального дипломата — встречи с интересными людьми. У меня — долгие годы работавшего в Венгрии на разных постах, в том числе на посту посла — таких встреч было немало...

Леонид Ильич Брежнев и другие «товарищи»

Первый раз я увидел будущего генсека ЦК КПСС летом 1964 г., когда работал переводчиком с венгерской парламентской делегацией. Он был тогда Председателем Президиума Верховного Совета СССР и членом Политбюро ЦК КПСС. Это был подвижный, молодежавый, веселый, вполне демократичный человек. Венгерки, члены венгерской делегации говорили, что он модно одет.

Беседа Л. И. Брежнева с венграми носила общий характер. Конечно, Брежнев не стал рассказывать о том, что он давно знаком с Я. Кадаром, с периода трагической осени 1956 г. и что ему пришлось в ноябре 1956 г. заниматься переброской Кадара из Будапешта в Москву и обратно, даже два дня жить в Сольноке, штаб-квартире маршала И. С. Конева, чтобы убедиться в безопасности нового венгерского руководителя. Брежнев сохранил дружеские связи с Кадаром вплоть до своей смерти в 1982 г. Считал, что Москва осенью 1956 г. сделала правильный стратегический выбор, остановившись на кандидатуре Кадара. Судя по всему, Брежнев

симпатизировал венграм. Я. Кадар, будучи до определенной степени холодным аналитиком, сказал в день похорон генсека, что Брежнев был мягким, сердечным и добрым человеком. Но его способность занимать пост высшего руководителя КПСС и Советского Союза Я. Кадар, похоже, не признавал, однако вынужден был считаться с ролью и авторитетом генерального секретаря ЦК КПСС, даже когда не был согласен с ним. Изменения венгерской позиции по «Пражской весне» в июле-августе 1968 г. подтверждают это положение. Я. Кадар сомневался в правоте той позиции, которую навязывало руководство КПСС, но приостановить подготовку военного решения он не мог. Дал соответствующие указания венгерской армии о выделении одной мотострелковой дивизии для участия в операции «Дунай». Это соединение заняло районы Словакии, заселенные в основном венграми.

Всего мне довелось в период до 1972 года семь раз переводить для Брежнева при его контактах с Я. Кадаром и другими венгерскими представителями. То, что описывает в своих воспоминаниях Виталий Чуркин «Трудности перевода» (Москва, торговый дом «Абрис», 2020 г.), в какой-то степени относится и ко мне. Были серьезные беседы (например, в Завидово в феврале 1972 года), бывали и веселые, шутейные разговоры. К примеру, в Варшаве в 1965 г. в перерыве заседания ПКК Варшавского Договора¹ Брежнев вспомнил, как отмечали победу в 1945 г. Он тогда был начальником Политуправления 4-го Украинского фронта, участвовал в Параде победы. Так вот вечером на его квартире раздался телефонный звонок из городской комендатуры, просили генерала Брежнева. Выяснилось, что его офицеры, получив

¹ ПКК — Политический консультативный комитет. Варшавский Договор от 14 мая 1955 г. по 1 июля 1991 г. — документ, оформивший создание военного союза европейских социалистических государств при ведущей роли СССР.

увольнительную, надолго «задержались» в ресторане Московского зоопарка, расположенном на берегу живописного пруда. На десерт офицеры потребовали поджарить белых лебедей, плавающих в пруду. Получив отказ дирекции ресторана, один из компании (его имя А. Н. Копенкин, позже он стал начальником наградного отдела в Президиуме Верховного Совета СССР) вынул пистолет и начал палить по лебедям. Все это Брежнев в красках рассказал польскому руководителю В. Гомулке.

В марте 1968 г. на очередном заседании ПКК Варшавского Договора в Софии состоялась закрытая встреча первых секретарей братских партий, без румын. Тогда было положено начало отстранению Н. Чаушеску от общих доверительных тем участников Договора. Инициативу проявил Брежнев, он сам обговорил с партнерами этот вопрос.

Конечно, проведение такой встречи напоминало «детские пряталки». Я помню, как он говорил о каких-то румынских разведчиках. Румыны при желании могли послать своего дипломата прогуляться у здания ЦК БКП¹. Скопление автомобилей свидетельствовало бы о проведении какой-то встречи. Но организаторы встречи руководствовались другим. Им нужно было поговорить с А. Дубчеком без румын и условиться о дальнейших шагах, в частности, на готовящейся встрече в Дрездене.

Я в тот день не переводил, все участники встречи имели своих переводчиков или говорили по-русски. Но по поручению помощника Л. И. Брежнева — А. М. Александрова-Агентова — мне пришлось заняться записью хода совещания, так как из-за спешки организаторы забыли выделить записывающего.

В 1990 г. в Праге я встретился с А. Дубчеком, занимавшим пост председателя Федерального Собрания (парламента)

¹ ЦК БКП — Центральный комитет Болгарской коммунистической партии.

Чехословакии. Годом раньше, в 1989 г., в ходе массового митинга на Летенской площади, на котором я неофициально присутствовал, можно было услышать: «Дубчека на Град!», но соотношение политических сил было в тот момент уже другим. Президентом стал В. Гавел.

Мы говорили с Дубчеком о превратностях политической судьбы. В связи с этим напомнил ему мартовскую 1968 г. коллективную встречу в Софии. Дубчек выступал тогда «демократическим соловьем», остальные участники реагировали на его выступление с нескрываемым скептицизмом. История подтвердила внешнюю правоту Н. Чаушеску, выступавшего против военного вмешательства соцстран в суверенные дела Чехословакии. Но реформатором социализма и румынского общества он не стал. Конец его жизни был вообще трагическим. Его вместе с женой расстреляли, буквально на второй день после задержания, убрав тем самым из политической жизни Румынии.

В ходе нашей встречи в Праге я передал А. Дубчеку приглашение М. С. Горбачёва и Верховного Совета СССР посетить нашу страну.

Каждый раз, когда мне доводится ехать по трассе Братислава-Брно, я останавливаюсь у того места, где в сентябре 1992 г. пострадал в автокатастрофе А. Дубчек. Умер он 7 ноября 1992 г. МВД долго расследовало это дорожное происшествие, но, кроме ошибки водителя, ничего не было найдено.

Мстислав Леопольдович Ростропович

Это был великий музыкант, выдающийся исполнитель. Конечно, он не был великим композитором, как назвал его в разговоре с премьер-министром Румынии И. Г. Маурером советский посол А. Басов, уговаривая того пойти вместо Н. Чаушеску на концерт виолончелиста в Москве.

У нас дома были пластинки с записью его исполнения. Мы с моей женой Тамарой много слышали о политических взглядах этой семьи. В этом дуэте ведущей была Галина Вишневская. Для того, чтобы поддерживать А. Солженицына, более того поселить его в тогдашних условиях на собственной даче, надо было иметь мужество. После выдворения из Советского Союза Г. Вишневской и М. Ростроповичу жить было непросто. Много изменилось, хотя они были людьми не бедными. Приходилось выступать даже на трансокеанских лайнерах. Там неплохо платили.

В Венгрии М. Ростропович бывал неоднократно. Вспоминал, как они с Г. Кремером и В. Крайневым «заменяли» в ресторане цыганский оркестр. В 2003 г. он приехал один, без жены, чтобы получить венгерский орден (Большой крест Ордена Заслуг). В большом зале Консерватории состоялся торжественный вечер. Ко мне, в то время послу России в Венгрии, обращались многие, в том числе дипломаты, с просьбой повлиять на музыканта, чтобы он исполнил на церемонии награждения хотя бы небольшую вещь. Мстислав Леопольдович отвечал, что он приехал без инструмента, как и было запланировано. Здесь присутствует замечательный скрипач Сергей Крылов, его друг, который и даст концерт в честь М. Ростроповича. Так было или иначе, не знаю. Вопрос о ставках и рекламе всегда решается трудно. Слава богу, это был не мой вопрос.

После вечера в Консерватории мы заехали в отель «Геллерт», где всегда останавливался великий музыкант. А объяснение этому самое простое: в этом отеле нет кондиционеров, но зато есть бассейн с термальной водой и множеством водных процедур. Затем мы отварились в Буду — в небольшой, уютный ресторанчик. Когда нас с Ростроповичем другие гости оставляли в покое, то он заводил разговор о делах на Родине, о жизненном уровне, формировании политической структуры. Задал вопрос, знаю ли А. Яковлева¹ и что он за человек? Получив ответ, что Яковлев прошел через множество метаморфоз (от консерватора до либерала), мой собеседник сказал, что Яковлев, судя по всему, «скользкий человек». Пытался заниматься многими делами и, вероятно, переоценил себя. Видимо, команде В.В. Путина он не нужен. Спросил «Славу», зачем он фотографировался в Белом доме с автоматом в руках. Он ответил, что сначала он никому не нужен был в Белом Доме, а после появления фото о нем вспомнили. Так что это чистейший пиар!

На другой день я поехал в аэропорт проводить «Славу» (Мстислава). На вопрос венгерского пограничника, по какому паспорту он въехал в Венгрию, наш друг искренне сказал, что не знает и вынул из пиджака 8 паспортов иностранных государств. Погранохрана быстро разобралась в ситуации. Прощаясь, мой новый друг напомнил, что если я назову его по имени-отчеству, то он всенародно пошлет меня на три буквы русского алфавита.

Нет уже ни «Славы», ни Галины Вишневской. На память у меня осталась фотография с автографом М.Л. Ростроповича.

¹ Александр Николаевич Яковлев — (02.12.1923–18.10.2005) советский и российский политический деятель, публицист, ученый, американист, доктор исторических наук, академик РАН. Член ближайшего политического окружения М.С. Горбачёва, один из главных идеологов перестройки.

Александр Николаевич Яковлев

С ним я познакомился летом 1968 г., когда делегация КПСС во главе с кандидатом в члены Политбюро, секретарем ЦК КПСС П. Н. Демичевым посетила Венгрию. В ее состав входил и А. Н. Яковлев, первый заместитель заведующего Отделом пропаганды ЦК КПСС. Все наши беседы с венгерскими коллегами концентрировались фактически вокруг одной темы — политика КПЧ¹ и «Пражская весна»². Венгерский опыт в меньшей степени интересовал делегацию. По вечерам члены делегации, за исключением П. Н. Демичева, гуляли по территории резиденции на улице Короля Белы. Накручивали километры и, конечно, вели свободные разговоры. Атмосфера была раскованной, демократической. Там я слышал, как Яковлев давал оценку И. В. Сталину и особенно М. Ф. Шкирятову (Матфей Фёдорович Шкирятов, 1883–1954, председатель Комиссии партийного контроля). Критика в его словах присутствовала, но в дозированной форме, а вот восхищения было хоть отбавляй.

В период чехословацких событий 1968 г. Яковлев занимал позицию то справа, то его заносило влево. Соответственно он получал то выговор от Секретариата ЦК КПСС за неудачно написанную книжку о «Пражской весне», а то и орден Октябрьской Революции по случаю «нормализации» в Чехословакии. В Праге он находился в группе члена Политбюро К. Мазурова (генерал Тимофеев). На момент ввода войск имел персональное задание наблюдать за секретарем ЦК КПЧ, гл. редактором газеты «Руде Право» О. Швесткой. В тот момент возобновить издание «Руде Право» не удалось. Но самое

¹ КПЧ — Коммунистическая партия Чехословакии.

² «Пражская весна» — период либерализации в ЧССР с 5 января по 21 августа 1968 г., связанный с избранием первого секретаря ЦК КПЧ Александра Дубчека и его реформами, направленными на расширение прав и свобод граждан и децентрализацию власти в стране.

главное, Президент Л. Свобода не поддержал идею создания рабоче-крестьянского правительства во главе с А. Индрой. Он выступал за продолжение политического диалога.

В конце 1972 г. появилась статья А. Н. Яковлева «Против антиисторизма» в «Литературной газете», вызвавшая гнев М. А. Суслова. Возмутилась и часть правоверных писателей, в частности, М. А. Шолохов. Вопрос разбирался на заседаниях Секретариата ЦК и Политбюро ЦК. Считалось, что статья Яковлева обострила противоречия в среде интеллигенции, особенно между т. н. западниками и почвенниками. Виновника скандала в 1973 г. устроили послом Советского Союза в Канаде, где он прослужил до 1983 г. до момента его встречи с М. С. Горбачёвым.

В 1988 г. после назначения председателем комиссии Политбюро ЦК по международной политике А. Н. Яковлев стал руководителем всех международных подразделений ЦК КПСС. Отношения нашего Отдела¹ и секретаря ЦК были своеобразными. В. М. Фалин² исходил из того, что он руководит Международным отделом. По указанию Яковлева в ноябре 1989 г. я с группой работников ЦК и КГБ был направлен в Прагу, но с оговоркой «не вмешиваться, а наблюдать. Не лезть на встречу с Гавелом». В. М. Фалин не встречал в нашу поездку, но предостерег только от контактов с послом В. П. Ломакиным (он, дескать, ведет разговоры с военными о замене генсека). Доклады наши об обстановке шли сначала Яковлеву, затем терялись в Общем отделе. Позже, когда руководству стало совсем не до Праги, у всех перед глазами замаячили Берлин и судьба ГДР.

¹ Отдел — Международный отдел ЦК КПСС.

² Валентин Михайлович Фалин — (03.04.1926–22.02.2018) — советский дипломат, партийный и общественный деятель, член центральной ревизионной комиссии КПСС, член ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС, народный депутат СССР.

Беседы наши ограничивались Премьер-министром Л. Адамецом, который недолго оставался на своем посту, новым генсеком ЦК КПЧ и ветеранами. Произошла встреча с деятелями Гражданского форума, во время которой я заявил, что Советский Союз не собирается повторять акцию августа 1968 г. Наше отношение к подобным действиям сугубо отрицательное.

Горжусь тем, что отыскал в Праге известного коммуниста-реформатора З. Млынаржа и способствовал его поездке в Москву. Он учился на юрфаке МГУ совместно с М. С. Горбачёвым и Раисой Максимовной, был шафером на их свадьбе. Они несколько раз встречались, он написал книгу «Не бывает счастливых реформаторов». Лично мне он сказал, что удивлен одиночеством четы Горбачёвых. Лидер огромной партии не может оставаться в таком положении.

События разворачивались как бы автоматически: за Варшавой и Прагой шел Восточный Берлин, а практически вся ГДР. В новом свете заиграл германский вопрос. До сих пор идут споры насчет правильности действий и взвешенности линий.

Вернулся я в Москву в начале декабря 1989 г. перед заседанием ПКК Варшавского Договора и совещанием первых секретарей компартий стран Восточной Европы. К тому моменту из «старой гвардии» руководителей остались только Горбачёв и Чаушеску. Но механизм крутился, 4 декабря состоялась их последняя встреча.

Вспоминается другой случай. Не помню, по какому поводу я был вызван к А. Н. Яковлеву. В беседе мною была выражена точка зрения о необходимости обновить кадры сопосольства в Праге, поскольку имеющийся состав имеет слишком тесные связи с бывшими партийцами, чехами и словаками, к тому же все они увешаны советскими орденами

за участие в разгроме «Пражской весны». «Я тоже награжден орденом Октябрьской революции, и никому его не отдам», — сказал А. Н. Яковлев. Вопрос, таким образом, был закрыт.

Мне довелось сопровождать А. Н. Яковлева во время его поездок в Венгрию и Чехословакию в конце 1989 года. Главным мотивом его выступлений и переговоров было разъяснение невозможности повторения акций 1956 года в Венгрии и ввода советских войск в Чехословакию в августе 1968 года. Здесь он обогнал даже самого Горбачёва. Однажды Яковлев попросил меня давать больше информации по Чехословакии. Понимаешь, сказал он, иногда звонит Горбачёв, просит детали событий, а я сам не знаю. Поэтому Яковлев попросил звонить ему в любое время суток, если есть новые события в Чехословакии. Дал свой домашний телефон. Я воспользовался этим «подарком судьбы» два или три раза.

В Международном отделе знали, что Яковлев не любит соцстраны и не придает особого значения встречам с их руководителями. Пожалуй, только на XXVIII съезде КПСС в своей речи он отметил, что встречался с новыми руководителями компартий Восточной Европы. Но у Яковлева, помимо нелюбви к «нашим младшим братьям», было много других минусов, хотя его окружение всячески раздувало образ «идеолога» перестройки.

На «прощальном» партсобрании, устроенном в связи с переходом А. Н. Яковлева в президентские внутренние структуры, зашел разговор о необходимости вводить многопартийность и очистить КПСС от несвойственных ей функций. Консультант Международного отдела Ян Шмераль сказал, что партию нужно преобразовать и превратить ее в сообщество «честных людей». Яковлев был согласен с таким подходом, но практически он ведь занимался демонтажом КПСС, не забывая тех, кого он называл «необольшевиками».

Ненависть к А. Н. Яковлеву была настолько сильной среди ветеранов-партработников, что два работника старого Международного отдела ЦК облили горючей жидкостью дверь его квартиры в доме на улице Александра Невского. А кто-то еще поджег автомобиль его дочери, стоявший рядом во дворе дома на 2-й Тверской-Ямской улице 54, где проживали Б. Н. Ельцин и Г. А. Зюганов.

Яковлев называет в своих книгах множество недостатков Горбачёва (стремление к компромиссам, отсутствие борцовских качеств, неискренность и т. д.). Ельцин спросил Яковлева после прощальной речи Горбачёва по телевидению (оба присутствовали в студии), зачем он посещает горбачёвские мероприятия, он ведь опять его обманет. На это Яковлев ответил, что ему понятна общая ситуация, но по-человечески жаль экс-президента. А так красиво, дескать, все начиналось. Но по сути дела с осени 1990 г. нарастали противоречия между Яковлевым и Горбачёвым. Они затрагивали все более существенные вопросы — о судьбе партии и Советского Союза, об отношении к программе «500 дней», о границах возможных компромиссов с оппозицией. Обсуждался вопрос о роли КГБ и т. д. После выступления ГКЧП Яковлев болтался между Ельциным и Горбачёвым, но все более тяготел к ельцинским ребятам. Попытка создания левоцентристской партии с Шеварднадзе и Лужковым провалилась. Так и получается, что полновесными политическими соратниками были для Горбачёва Шеварднадзе и Грачёв. А такого деятеля, как В. А. Медведев¹, он и не упоминает в своей книге.

¹ Вадим Андреевич Медведев (29.03.1929–11.07.2025) — член ЦК КПСС с 1986 г., член Политбюро ЦК КПСС с 1988 г., секретарь ЦК с 1986 г., зам. зав. Отделом пропаганды ЦК КПСС с 1970 г, в 1986–1988 гг. зав. отделом ЦК КПСС по связи с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран.

В Будапеште я спросил «архитектора перестройки», зачем он приехал на антирусское и антисоветское мероприятие в Будапеште? Неужели ему нужна еще одна встреча с Бжезинским? Он пустился в пространные рассуждения насчет правомерности существования подобных учреждений и их пользы для молодежи. На мою реплику о том, что лучше бы устроители занялись не копанием в истории взаимоотношений НКВД-МГБ¹ и их венгерских коллег, а историей терроризма, в том числе государственного терроризма. В Европе много чего можно найти, причем не только в Германии, а прежде всего на Балканах. На эти мои замечания А. Н. Яковлев по существу ничего не сказал.

Из дальнейшего его рассказа выяснилось, что к его приезду имеют отношение два венгерских гражданина — А. Геребьен и М. Кун, внук Белы Куна, известного венгерского революционера. Оба занимались «темными пятнами» в истории Советского Союза, хорошо знали русский язык. Они наобещали Яковлеву сделать фильм о нем. Он поверил и привез много фотографий, начиная от детских лет. Не знаю о судьбе фильма, сделали его или нет. Инициаторов нет уже в живых. Но, в свою очередь, рассказал Яковлеву историю о том, как М. Кун, после смерти своего отца-хирурга, сына Белы Куна, обратился с письмом на имя Первого секретаря ЦК ВСРП² Яноша Кадара, прося сохранить за ним право вызывать автомобиль из партгаража. Сослался на соответствующий том переписки Я. Кадара с венгерскими гражданами, изданный в Венгрии.

¹ НКВД — народный комиссариат внутренних дел СССР в 1934–1943 гг. МГБ — Министерство государственной безопасности СССР в 1943–1953 гг.

² Центральный комитет Венгерской социалистической рабочей партии, правящей коммунистической партии Венгерской народной республики в 1956–1989 гг.

В ходе нашей встречи поинтересовался, как мой собеседник чувствует себя в демократической России? Яковлев сказал, что сделать новую левую партию не получилось. Но он приложил руку к разрушению КПСС (это подтверждает и его «верный оруженосец» А. Ципко). А. Н. Яковлев выразил удовлетворение своей работой во главе Комиссии по расследованию политических преступлений в 30–40-е годы. Подчеркнул, что это тяжелый труд, затрагивающий судьбы не только видных деятелей партии, но и более 4 млн простых людей. По его словам, Б. Н. Ельцин понимал значение этой работы. А вот отношение новой власти пока остается неясным. А. Н. Яковлев имел только короткую встречу с В. В. Путиным. Вообще, честно говоря, поведение президента напоминает ему «черную воду подо льдом. Не знаешь, куда она потечет». Трудностей у нового президента много — тут и экономика вместе с внешней политикой, тут и социальные вопросы, особенно здравоохранение, но самое главное — кадры. Неизбежны замены, но где взять новых людей? Кадровая скамейка оказалось небольшой. Людей из Питера и ФСБ явно не хватает.

Продолжая эту тему, А. Н. Яковлев спросил, нет ли у меня желания перейти после окончания посольской службы в российско-японский фонд «Демократия», создаваемый под его началом. Поблагодарил собеседника, но отметил, что еще рано поднимать подобные вопросы.

На этом мы расстались. Но, как оказалось, не в последний раз. Утром он позвонил. Пожаловался на венгров, дескать, забыли старика. Попросил автомобиль. Как мог, я успокоил ветерана, позвонил в Аэрофлот, прислал автомобиль.

Михаил Александрович Шолохов

В 1965 г. после вручения М. А. Шолохову Нобелевской премии по литературе в руководстве ЦК ВСРП возникла идея пригласить в Венгрию именитого советского писателя, чтобы тот положительно повлиял на венгерских писателей, все еще не успокоившихся после разгрома советскими войсками мятежа 1956 года. Секретариат ЦК КПСС одобрил предложение. В числе сопровождавших М. А. Шолохова и его супругу Марию Петровну были дочь Светлана с мужем, секретарь Вёшенского райкома партии, директор средней школы, колхозная доярка, специалист по финансовым вопросам (от издательства «Правда») и др. Отдел ЦК подготовил пакет справок для Нобелевского лауреата.

В Будапеште его принял Я. Кадар. Могу предположить, о чем шла речь, но на самой беседе я не присутствовал. Отчетливо помню встречу в Союзе писателей. Во-первых, на встречу явился живой классик венгерской литературы Дюла Ийеш. Надо ли говорить, что для наших «друзей» это было политическое событие. Во-вторых, быстро выяснилось, что собеседники охотнее говорят о вещах, связанных с литературой, чем о политике. Д. Ийеш попытался придать беседе политическое звучание, но из этого ничего не вышло. Он спросил Шолохова, знает ли он о преследованиях венгерских писателей в Трансильвании, в Румынии. Великий советский писатель ответил отрицательно, после чего эта тема больше не поднималась. Два великих писателя сосредоточились на мелочах литературного труда. Д. Ийеш рассказал, что читая роман «Тихий Дон», он заметил одну неточность. Григорий Мелехов идет в конную атаку против венгерских гусар и на мундире своего противника видит номер его полка. По мнению Ийеша, это ошибка, в венгерской армии не было таких обозначений. Шолохов, в свою очередь, рассказал, что

в романе описывается отступление белых из Новороссийска. Белых прикрывал своими орудиями английский линкор. После выхода романа в свет один отставной моряк написал М. Шолохову, что в романе допущена ошибка — на линкоре находились не 12-дюймовые, а 14-дюймовые орудия...

Вообще, в Союзе писателей царил нервозность, к тому же глава нашей делегации не очень хорошо себя чувствовал. Помню, как Мария Петровна «завернула» на пороге переговорной комнаты венгерского официанта, который принес поднос с наполненными водочными рюмками...

Первый заместитель министра культуры Венгрии Д. Ацел, курировавший приезд Шолохова, был поражен тем, что советский писатель отказался от участия в обеде на природе (с кострами, котлами, большим количеством венгерского вина и перца и т. д.). Он мне долго выговаривал этот случай. Заявил, что Шолохов никакой не демократ. Но М. А. Шолохов взял свое. Он сказал Д. Ацелу, что речи у него мягкие, но под перчатками чувствуется настоящая сталь. «Нелегко, наверное, приходится вашей интеллигенции».

Расстались мы с Шолоховым обыденно — он попросил купить для «его девчат» 2 кг горького шоколада, а себе домашние тапочки, но с задником, а то во дворе песок «насыпется в тапочки». Осталось фото на память — наша группа посещает аббатство в Тихани, на Балатоне. Надпись рукой Шолохова — «Дорогому В. Мусатову с самыми отцовскими чувствами». Подпись и дата — 20.5.65.

Гейдар Алиев¹

Мои встречи с ним приходятся на период нахождения у власти Ю. В. Андропова. Г. Алиев, возглавлявший компартию Азербайджана, приехал в Венгрию на отдых, с семьей. На Балатоне они расположились в доме отдыха ЦК ВСРП в Алиге. «Хозяин» часто звонил по ВЧ линии² домой. Среди сопровождающих выделялся сын Ильхам, будущий президент Азербайджана. Но тогда он больше играл в нарды с охранником.

Иногда Г. Алиев совершал поездки в соседние города. Так мы побывали в Кестхейи и Веспреме, центре одноименной области. Официальная часть программы включала встречу с первым секретарем обкома партии Я. Папом (это был довольно жесткий человек, сыгравший значительную роль в разгроме контрреволюционных сил. Позднее, когда от контрреволюции осталась только «революция 1956 года», он покончил жизнь самоубийством вместе с женой).

Неофициально мы посетили даже праздник венчания в католической церкви. Причем Г. Алиев попросил меня дословно переводить то, что говорил священник. Пару раз мы навещали чету Алиевых вдвоем с генералом Н. Косовым, представителем КГБ. Хозяин выставлял свой великолепный коньяк. Из разговоров запомнилось, с какой душевной болью Г. Алиев рассказывал об ошибках и коррупционных преступлениях, совершенных его бывшими сотрудниками из партаппарата и республиканского КГБ. Звучало это так: «Стоит он перед тобой, вроде бы все понимает. Но врет прямо в глаза».

С приходом Ю. Андропова к власти Г. Алиев стал членом Политбюро ЦК КПСС и первым заместителем председателя Совета министров. Занимался транспортом, связью и социальными делами. В напряженной обстановке

¹ Гейдар Алиевич Алиев (10.05.1923–12.12.2003).

² ВЧ линия — правительственная и военная связь в СССР и России.

тех дней, когда ухудшилось здоровье генсека и он больше не поднялся с больничной койки, венгерские друзья проявляли большой интерес к этому вопросу, как и к перспективам Советского Союза и верхушки ЦК КПСС. В те дни в Москве находился член Политбюро ЦК ВСРП Ф. Хаваша. Состоялась встреча с Г. Алиевым, который прямо сказал венграм, что «мы все ждем возвращения к работе Ю. Андропова». Он рассказал венграм, что есть негласный показатель состояний здоровья Андропова — количество ступенек на лестнице, которое он может пройти. «Вот с этим все нормально», — отметил Алиев.

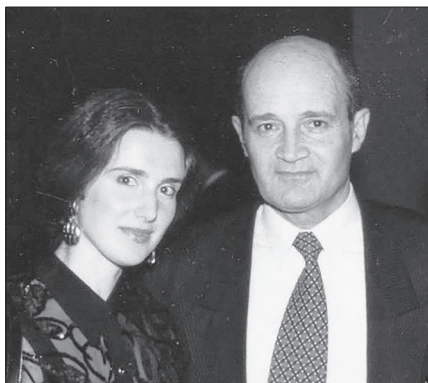
Г. Алиев на заседании Политбюро голосовал за избрание М. С. Горбачёва новым генеральным секретарем ЦК КПСС. Но в практической работе между ними нарастали противоречия. Его отправили на пенсию, уложили в больницу. До него доходили слухи, что генсек пытается организовать «дело» против Алиева, как в свое время против Ш. Рашидова¹. Но в 1990 г. Алиев напомнил о себе, подвергнув критике ввод советских войск в Баку и Сумгаит. Он дал интервью газете «Вашингтон пост», в котором осудил антиконституционные действия Горбачёва. Г. Алиеву пришлось повторить свой политический путь — от Нахичевани до столицы республики — до Баку. В октябре 1993 г. он был избран президентом Азербайджана с огромным преимуществом в 98% голосов. В 1998 г. был переизбран на этом посту. Г. Алиев наладил отношения Азербайджана с Россией, Казахстаном, Турцией и Ираном, а также с США и членами Евросоюза. В стране разворачивалась экономическая реформа. Но многим планам не суждено было сбыться: с весны 2003 г. Алиев заболел. Его несколько раз оперировали в Турции и в США...

¹ Шараф Рашидович Рашидов (06.11.1917–31.10.1983) — советский государственный и партийный деятель, Первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана.

О НАШИХ АВТОРАХ

Елена Викторовна Посувалюк

Дочь бывшего заместителя Министра иностранных дел России, выдающегося арабиста Виктора Викторовича Посувалюка. Как и отец, окончила Институт стран Азии и Африки Московского Государственного Университета (с арабским языком по специальности филолог-литературовед). Училась в аспирантуре Института востоковедения РАН. Работала в московском представительстве саудовской газеты «Аль-Хайат». Впоследствии поступила на учебу в ГИТИС. В настоящее время — журналист-востоковед, с большим успехом пишущий в том числе на театральные темы.

*Елена Викторовна Посувалюк
с отцом.*

Владимир Иванович Винокуров

Окончил Военный институт иностранных языков, Военно-дипломатическую академию и ее адъюнктуру. Работал в Посольствах СССР/России в Дании и Латвии. Кандидат военных наук. Доктор исторических наук. В настоящее время — профессор Дипломатической академии МИД России.

Юрий Константинович Назаркин

Окончил МГИМО. Работая в МИД, прошел путь от референта до директора департамента, Чрезвычайного и Полномочного Посла. Кандидат исторических наук. Доктор международных отношений. В 1989–1991 гг. был главой советской делегации на переговорах с США

по ядерным и космическим вооружениям, увенчавшихся заключением Договора о сокращении наступательных вооружений (ДСНВ-1). В 1992–1995 гг. являлся заместителем Секретаря Совета Безопасности России. В настоящее время профессор Женевской школы дипломатии и международных отношений.

Олег Александрович Дремов

Окончил МГИМО и Дипломатическую академию МИД России. Работал в Йемене, Омане, Саудовской Аравии, Сирии (являлся Генеральным консулом в Алеппо). Чрезвычайный и Полномочный Посланник.

Нина Николаевна Столярова

По образованию — учитель, кандидат педагогических наук. С мужем (ныне Чрезвычайным и Полномочным послом в отставке Владимиром Ивановичем Столяровым) находилась в длительных командировках в ряде стран Латинской Америки, а также в Республике Кабо-Верде.

*Н. Н. Столярова (крайняя слева)
с супругом и коллегами по работе.*

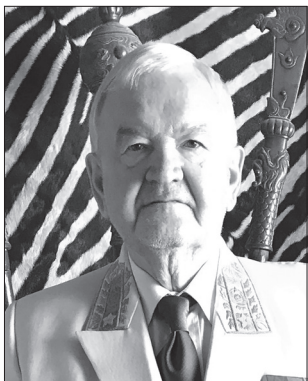
Игорь Семёнович Лякин-Фролов

Окончил МГИМО. Занимал различные ответственные должности в центральном аппарате МИД и за рубежом. В частности, являлся послом в Бурунди, Ботсване.

С 2010 по 2013 г. был Полномочным представителем Российской Федерации при Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ).

1 августа 2013 года был назначен Чрезвычайным и Полномочным Послом Российской Федерации в Таджикистане. Работал на этом посту до 16 августа 2022 года.

Анатолий Сафронович Зайцев

Окончил Институт восточных языков Московского Государственного Университета (сейчас — ИСАА МГУ). Работал на ответственных должностях в центральном аппарате МИД и за рубежом. Чрезвычайный и Полномочный Посол. Кандидат экономических наук. В настоящее время — заместитель председателя Ассоциации российских дипломатов.

Валерий Леонидович Мусатов

Окончил МГИМО. После возвращения в 1984 г. в МИД с должности советника-посланника в Венгрии был назначен заведующим сектора в Международном отделе ЦК КПСС, а в 1989–1991 гг. — первым заместителем заведующего Международным отделом. Вернувшись в МИД (директором Второго департамента стран СНГ), являлся (с 1999-го по 2000-й год) членом Коллегии Министерства. Работал затем Чрезвычайным и Полномочным Послом России в Венгрии, а потом — в Администрации Президента Российской Федерации. Получил Благодарность Президента «За активное участие в подготовке Договора о создании Союзного государства между Российской Федерацией и Республикой Белоруссия». Заслуженный работник дипломатической службы РФ.

Ушел из жизни в 2023 г. в возрасте 82-х лет.

ИЗДАНИЕ ВЕТЕРАНСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
МИД РОССИИ

О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

*Сборник воспоминаний ветеранов
дипломатической службы России*

Том 33

Над сборником работали:

А. Г. Чернов — составитель, главный редактор
Ю. А. Спирин — редактор-консультант
В. И. Морозов — председатель Совета ветеранов МИД
А. О. Семёнов — 1-й зампредела Совета ветеранов

Литературный редактор — Е. В. Степанов
Корректоры — Ф. Г. Мальцев, В. И. Киулина
Компьютерная верстка, макет — И. А. Ракитина

*Публикуемые в настоящем сборнике материалы
не обязательно отражают точку зрения редколлегии*

Формат 60x84/16
Бумага офсетная
Гарнитура Minion
Тираж 750 экз.

Подписано в печать 20.01.2026

Издательство «Вест-Консалтинг»
115230, г. Москва, Хлебозаводский проезд, д. 7,
стр. 9, этаж 7, пом. XIV, ком. 12
Тел. (495) 978 62 75

Типография «Наука»
121099, г. Москва, Шубинский пер., д. 6.